

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 10 / 2018

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издаётся с 1998 г., выходит ежемесячно.

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;

Бабич И.Л., д.и.н.;

Жильцов Н.А., к.ю.н., к.пед.н., профессор,

почетный работник юстиции России;

Мельников С.А., д.ю.н., профессор;

Мигущенко О.Н., д.ю.н., доцент;

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор,

заслуженный юрист Республики Башкортостан;

Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор,

заслуженный деятель науки РФ;

Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор,

заслуженный деятель науки РФ;

Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;

Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Хабибулин А.Г., д.ю.н., профессор,

заслуженный юрист РФ;

Чердаков О.И., к.и.н., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;

Зенин С.С., к.ю.н., доцент;

Клименко А.И., д.ю.н., доцент;

Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;

Сигалов К.Е., д.ю.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,

Белых В.С.,

Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Теоретические аспекты в истории права

- Грунтовский И.И.** Формирование основных отечественных школ теории государства и права в XIX — начале XX веков 3
- Колосов И.В.** Утилитаристский взгляд Н.Г. Чернышевского на государство и право 9
- Зарубаева Е.Ю.** Правопонимание и правосознание как элементы правовой культуры: общее и особенное 15

Право и собственность: разнообразие

- Ерин Д.А.** К вопросу о содержании договоров на охрану собственности в период 1922–1924 гг. (по материалам Владимирской уездно-городской милиции) .. 21
- Невлев В.В.** Гражданско-правовая деятельность потребительской кооперации в истории Великой Отечественной войны 27
- Потапова Н.В.** Вопросы торгово-предпринимательской деятельности на Курильских островах в законодательстве Российской империи 1740-х — начала 1790-х годов 32
- Немова М.И.** История правового регулирования (запрета) альтернативных средств расчета 37
- Токарева А.А.** Конкуренция исков в римском праве: понятие, сущность и способы разрешения 43
- Рубаник В.Е.** Научная полемика относительно понятия и содержания права собственности во второй половине 1940-х — в 1970-е годы 48
- Латыпов У.А.** Механизм правового регулирования отношений в ресурсодобывающих отраслях в царской России второй половины XIX века 57
- Татарнинова О.В.** Государственное регулирование экономики: исторические предпосылки современного подхода 63
- Ткачева С.В.** Наказание за преступления против собственности в русском уголовном праве — от Русской Правды до современности (краткий историко-правовой очерк) 68
- Ромашов Р.А., Пасеинникова Л.А., Ковалев В.А.** Современное экономико-правовое пространство: дихотомия локальности и интегративности (аналитический обзор материалов XVIII Международных Лихачевских научных чтений «Контурсы будущего в контексте мирового культурного развития») 74

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,

Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

Формат 170x252 мм. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.

Физ. печ. л. 6,25. Усл. печ. л. 6,25.

Номер подписан в печать 06.08.2018.

Номер вышел в свет 05.09.2018.

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписные индексы:

Роспечать — 47643;

Каталог российской прессы — 10866;

Объединенный каталог — 85492 (на полуг.).

Также можно подписаться на www.gazety.ru

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:

Издательская группа «Юрист».

HISTORY OF STATE AND LAW

No. 10 / 2018

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.
Reg. PI No. FC77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998. Published monthly.

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Zhil'tsov N.A., candidate of juridical sciences,
candidate of pedagogical sciences, professor,
Honorary Worker of Justice of Russia;
Mel'nikov S.A., doctor of juridical sciences, professor;
Migushenko O.N., doctor of juridical sciences, assistant professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor,
Honored lawyer of the Republic of Bashkortostan;
Pokrovskij I.F., doctor of juridical sciences, professor,
Honored Scientist of the RF;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor,
Honored Scientist of the RF;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor,
Honored lawyer of the RF;
Cherdakov O.I., candidate of historical sciences,
doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences, assistant professor;
Klimenko A.I., doctor of juridical sciences,
assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences, assistant professor

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief

of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I.,
Belykh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence

Tel.: (495) 953-91-08

Authors shall not pay for publication of their articles.

Theoretical aspects in the history of law

- Gruntovsky I.I.** Establishment of the Key Russian Schools of the Theory of State and Law in the XIX to the Early XX Century.....3
Kolosov I.V. The N.G. Chernyshevsky's Utilitarian View on the State and Law.....9
Zarubaeva E.Yu. Legal Consciousness and Legal Awareness as Elements of the Legal Culture: General and Special Aspects15

Law and Property: Diversity

- Erin D.A.** On the Content of Property Protection Agreements in 1922 to 1924 (Based on Files of the Vladimir County and City Police).....21
Nevlev V.V. The Civil Law Liability of Consumer Cooperation in the History of the Great Patriotic War27
Potapova N.V. Issues of Trade and Business Activities on the Kuril Islands in Laws of the Russian Empire in the 1740s to the Early 1790s.....32
Nemova M.I. The History of the Legal Regulation (Prohibition) of Alternative Means of Settlement37
Tokareva A.A. The Choice of Cause of Action in the Roman Law: the Concept, Essence and Settlement Means.....43
Rubanik V.E. The Scientific Debate about the Concept and Content of the Proprietary Right in the Second Half of the 1940s to the 1970s48
Latypov U.A. The Mechanism of the Legal Regulation of Relationships in Resource Industries in the Tsarist Russia in the Second Half of the XIX Century57
Tatarinova O.V. The State Regulation of Economy: Historical Prerequisites to the Modern Approach63
Tkacheva S.V. The Punishment for Crimes against Property in the Russian Criminal Law: from Russkaya Pravda to the Modern Times (a Short Historical and Legal Sketch)68
Romashov R.A., Paseshnikova L.A., Kovalev V.A. The Modern Economic and Legal Environment: Dichotomy of Locality and Integrity (an Analytical Review of Files of the XVIII International Likhachev Scientific Readings Contours of the Future within the Framework of the World Cultural Development)74

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamiyanskaya Emb.,
Moscow, 115035.
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).
Size 170x252 mm. Offset printing.
Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.
Printer's sheet 6,25.
Conventional printed sheet 6,25.
Passed for printing 06.08.2018.
Issue was published 05.09.2018.

Circulation 3000 copies. Free market price.

Subscription:

Rospechat' — 47643;
Catalogue of the Russian press — 10866;
United Catalogue — 85492 (for 6 months)
and on www.gazety.ru
Printed by National Polygraphic Group Ltd.
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publication of basic results
of candidate and doctor theses.

Founder:
Jurist Publishing Group

DOI: 10.18572/1812-3805-2018-10-3-9

Формирование основных отечественных школ теории государства и права в XIX — начале XX веков

*Грунтовский Иосиф Иосифович,
заведующий кафедрой Международного юридического института,
кандидат социологических наук, доцент
grunt63@mail.ru*

В статье рассматриваются вопросы, связанные с социально-политической ситуацией в России в XIX — начале XX вв. и условиями, которые определяли развитие политико-правовой мысли в российском обществе. В статье автор проводит анализ правовой идеологии, складывавшейся в российском государстве того времени, школ права и правовых теорий, которые постулировались отечественными теоретиками права в данный исторический период, и того, как теоретические доктрины политико-правовых школ и подходов к пониманию права повлияли на развитие правовой идеологии в XX в.

Ключевые слова: правовая идеология, школы права, теория права.

Establishment of the Key Russian Schools of the Theory of State and Law in the XIX to the Early XX Century

*Gruntovsky Iosif I.
Department Head of the International Law Institute
Candidate of Sociological Sciences
Associate Professor*

The article considers the issues connected with social and political situation in Russia in late XIX — early XX century and conditions that determined the development of political and legal ideas in the Russian society. The author analyzes legal ideology, which was being established in the Russian state at that time, as well as law schools and legal theories that were stated by Russian law theorists at the given historic period. The author also analyzes the way theoretical doctrines of political and law schools and approaches to understanding law influenced legal ideology development in the XX century.

Keywords: legal ideology, law schools, theory of law.

В Российской империи в государственном и общественном порядке в первой половине XIX в. были присущи те же социально-экономические и политические основания, которые сложились в предшествующем веке. Дворянство по-прежнему оставалось привилегированным и господствующим социальным сословием. Класс помещиков из служилого сословия, которое было освобождено от обязательной службы государству, превратился в чисто потребительский и праздный класс рабовладельцев. В данный период времени из дворянства формировался весь бюрократический аппарат империи. Это способствовало установлению и разрастанию в России чиновничьего и помещичьего произвола, тормозивших развитие всех сфер жизнедеятельности общества (экономической, социальной, политической, правовой и др.). Следует отметить, что Правительством Российской империи в первой половине XIX в. принимались попытки про-

ведения реформ российского общества, в том числе и по изменению государственного строя, совершенствования законодательства. Но данные реформы становились второстепенными по сравнению с решением главного и острейшего вопроса для российского общества — вопроса об упразднении крепостного права. Нерешенность данного вопроса не позволяла России развиваться в социально-экономическом, политико-правовом плане и приводило к значительному отставанию от передовых европейских государств, строивших правовое государство и гражданское общество. В создавшихся экономических и политических условиях в стране нарастали непримиримые социальные противоречия, которые могли привести к социальному взрыву.

Оставшиеся от феодализма и нарастающие в России противоречия, отражались и в противостоянии, и столкновениях общественной идеологии как консервативно-

го, так и либерального толка. В этот период яркими показателями назревавшего кризиса самодержавия и крепостного строя стали выступление декабристов и возникновение тайных обществ, носивших политический характер.

Даже провозглашение министром просвещения графом С.С. Уваровым идеи официальной народности (согласно которой устоями России являются православие, самодержавие, народность), подавление выступления декабристов (1825 г.), усиление цензуры, роспуск всех легальных обществ не дали для самодержавия и крепостного строя необходимого эффекта. Идеологи официальной народности (литератор С.П. Шевырев, историк М.П. Погодин), проповедуя безудержный казенный оптимизм, воспевали величие России, противопоставляя ее «загнивающему Западу».

Все эти условия привели к тому, что в политической и правовой мысли к концу 30-х гг. в результате обсуждения перспектив развития России возникли два противоположных идейных направления — западники и славянофилы. Представители *западников* выступали за ориентацию в дальнейшем развитии России на страны Западной Европы, так как видели в этом осуществление идей закона, порядка, долга, справедливости. В своих высказываниях западники осуждали крепостное право, в период подготовки крестьянской реформы высказывались против политических преобразований в стране, так как опасались, что дворянство, в случае введения конституции в России, может использовать ее для сохранения своих привилегий и борьбы с реформами.

В идейном течении западников его представители обсуждали общие перспективы развития страны в связи с историей других стран, в первую очередь европейских. Обсуждение западниками прав и свобод личности и проблем, существующих в связи с их соблюдением, приводило их к вопросу о гарантиях этих прав и свобод в условиях становления капиталистического, промышленного общества. Но и среди самих западников не было идейного единства. Часть из них склонялась к мыслям о социализме (А.И. Герцен, В.Г. Белинский, Н.П. Огарев), другая часть была противниками этих мнений (Т.Н. Грановский, К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, И.С. Тургенев).

Противостоящим западникам течением российской общественной мысли, сформировавшееся также в конце 30-х гг., выступало *славянофильство*. Представители дан-

ного течения (Ю.Ф. Самарин, А.С. Хомяков, братья К.С. и И.С. Аксаковы, И. В. и П.В. Киреевские) критиковали идейное течение западников. Критиковали прежде всего за то, что те решали проблемы основ или начал русской (и вообще славянской) жизни, по их мнению, отрицательно, т.е. усматривая особенность русской жизни в ориентации на европейский образ жизни и европейские ценности. Представители славянофилов предлагали эту же проблему решать по-иному, по их мнению, положительно, исследуя те особенности русской и славянской жизни, которых нет у других народов. Такой подход славянофилов противопоставлял Россию западу, особенно допетровскую Московскую Русь.

Славянофилы выделяли в России главную ее особенность, отличающую ее от Запада — ее «общинное начало», ее «соборность», единодушие и согласие. Они выступали против идеализированного западниками развития германского начала личности, так как, по их мнению, оно не имело в России никакой культурной почвы. По мнению представителей славянофилов, личность славянина имеет общинное начало, а в общине выше всего ценится общность, духовное единство и любовь к богу. Исходя из этого славянофилы утверждали, что Россия должна иметь свой особый путь развития, отличный от «ложных начал исторической жизни Запада». Общие верования и обычаи, объединяющие славянский народ, по мнению славянофилов, делают излишними насильственные законы. Государство и внешняя свобода, по учению славянофилов, — ложь и неизбежное зло; славяне для того и призвали варягов, чтобы избежать государственных забот и сохранить свободу внутреннюю¹.

Следует отметить, что у идейных течений славянофилов и западников были положения, которые их объединяли, — это освобождение крестьян, упразднение крепостного права. Отмена крепостного права у представителей славянофилов подразумевала наделение крестьян землей, сохранение общины как залога «тишины внутренней и безопасности правительства». Славянофилам были присущи идеи панславизма и мессианской роли России.

Даже самые острые споры между двумя идейными течениями российской об-

¹ Графский В.Г. История политических и правовых учений : учебник; 3-е изд., доп. М. : Норма, 2012. С. 484–486.

щественной мысли того времени, славянофилами и западниками, не мешали им обмениваться идеями. Именно под влиянием западников славянофилы познакомились с философией Гегеля, западники же, под влиянием первых, признали значение самобытности России и преодолели бытовавшее среди них презрение к «лапотной и сермяжной действительности». Представители западников (А.И. Герцен, Н.П. Огарев и М.А. Бакунин) заимствовали у славянофилов идею крестьянской общины, увидев в ней основу «русского социализма».

В целом в первой четверти XIX в. в российской общественной мысли наметились три основных течения политико-правовой идеологии, которые стали актуальными на ряд десятилетий. Первое течение — *либеральная идеология*, предлагавшая для дальнейшего развития России путь реформ с целью создания гражданского общества. Второе — *радикально-революционное течение*, которое предлагало достигнуть той же цели, но уже насильственным путем. И третье течение — *консерваторы*, выступавшие за сохранение старых устоев, самодержавия и против каких-либо перемен. Актуальность политико-правовых проблем, поставленных и по-разному решенных этими направлениями, наложила сильный отпечаток идеологических оценок на последующее исследование доктрин и движений этой эпохи.

Несомненный интерес для изучения представляет политико-правовая доктрина М.М. Сперанского, который при императоре Николае I (в первой половине XIX в.) предлагал ряд первостепенных, основополагающих реформ. Эти реформы предполагали ограничение власти монарха законом, путем разделения властей (на законодательную, исполнительную, судебную), а также реформу государственного устройства России. М.М. Сперанским предлагалась и реформа законодательства, заключающаяся в группировке законов в два издания. По *хронологическому принципу*, который в последующем лег в основу построения законодательства — Полного собрания законов Российской империи. И по *отраслевому принципу*, которым руководствовались при составлении Свода законов Российской империи, позже получившего дальнейшее развитие.

Из-за того что в отечественной исторической литературе того времени несколько десятилетий присутствовала недостаточная изученность и противоречивость оценок

политико-правовых доктрин М.М. Сперанского, западников, славянофилов, в российском обществе существовала устойчивая идеологическая тенденция отрицательного отношения к либеральной политико-правовой идеологии России.

Во второй половине XIX в., а именно после издания Александром II Манифеста о крестьянской реформе (1861 г.) и последующими реформами суда (1864 г.), образования, местного управления и самоуправления, в России наступил общественный подъем. Объявленные реформы придали новый стимул идейно-политическим течениям и философско-правовым построениям. В создавшихся социально-политических и экономических условиях происходит дальнейшее идейное размежевание между различными течениями общественной мысли — консерваторами, либералами и радикалами. В этих условиях возникают ранее неизвестные разновидности политических программ и единений, в том числе нелегальных, запрещаемых властью.

Вторая половина XIX в., а именно 60-е гг., в идейном содержании общественно-политических движений отметились появлением новых моментов. Для данного периода характерно образование революционного утопического социализма на российской почве с избытком радикальных программ и не менее радикальных общественных акций. Российский революционный утопический социализм возник в результате соединения двух потоков — русского утопического («крестьянского») социализма и массового революционного движения в среде разночинной интеллигенции (А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов и др.). Именно в России второй половины XX в., в результате проведенных реформ, возникли идеи социализма, которые обрели относительно широкую и заинтересованную поддержку среди части российской интеллигенции. Среди ее представителей были так называемые разночинцы — студенты, литераторы, молодые офицеры и другие государственные служащие, как правило, недворянского происхождения, также были и выходцы из семей священнослужителей (Н.Г. Чернышевский и Н.А. Добролюбов).

В 1870-е гг. в России активизируется революционное народническое движение, основными участниками в которых стали и теоретизирующие, и действующие в духе радикального «улучшения» бунтари-бакунины, передовцы, террористы и консти-

туционалисты². Для народников 70–80-х гг. XIX в. основным и в то же время проблематичным вопросом был вопрос о путях обретения народом свободы и коренной перестройки российского общества. Зарождающаяся в данный период в пореформенной России либеральная мысль направляла свои усилия на поддержку и обоснование дальнейших реформ, на признание за индивидом права на достойное существование и справедливость, на воспитание уважения к праву.

До конца XIX в. русские либералы продолжали свою полемику как с утопическими социалистами и первыми русскими марксистами, так и с консервативно-романтической оппозицией поздних славянофилов. Особая полемика у либерального направления велась с официальным законничеством юристов-догматиков, отметавших философский подход к праву, политике и государству.

К началу XX в. все старые конфликты на политической и идейной почве (незавершенность аграрной реформы и перехода к конституционализму, усиление позиций русского марксизма и новый подъем религиозно-нравственных дискуссий) получили продолжение и новое истолкование. Особенный престиж среди революционных радикалов приобрели отечественные марксисты (родоначальник русского марксизма Г.В. Плеханов), потеснившие приверженцев идеалов народников 70-х гг. XIX в. и неонародников (эсеров) начала XX в.³

К началу 80-х гг. XIX в. в России сформировалась школа русского юридического позитивизма. Видными представителями данного направления, оказавшими большое влияние на формирование общей теории права в России, были Г.Ф. Шершеневич, Е.В. Васьковский, Д.Д. Grimm, М.Н. Капустин, Н.И. Палиенко, С.В. Пахман, Н.К. Ренненкамф, А.А. Рождественский. Ярким представителем данной школы был Г.Ф. Шершеневич, который в своем учении о праве и государстве попытался создать *общую теорию права*. Ученый понимал право как норму должного поведения человека, исполнение которой влечет за собой принуждение со стороны государственных органов. Г.Ф. Шершеневич отмечает, что право

подразумевает некое поведение лица, обладает принудительным характером и всегда связано с государственной властью. «Дело не в том, чтобы связать государство нормами права. Вопрос в том, как организовать власть так, чтобы невозможен был или был доведен до минимума конфликт между правом, исходящим от властвующих, и нравственными убеждениями подвластных»⁴.

Оценивая в целом социально-политическую ситуацию в России в два первых десятилетия XX в., следует заметить, что она была сложной и порой противоречивой. В России развивается капитализм, идет экономический подъем, на арену борьбы выходит прогрессивно настроенная интеллигенция (революция 1905–1907 гг.), усиливаются революционные настроения среди различных слоев населения и особенно пролетариата, Россия втянута в Первую мировую войну (1914 г.).

Таким образом, оценивая сложившуюся в России социально-политическую ситуацию накануне и в первые десятилетия XX столетия, можно утверждать, что вопреки реформистским начинаниям 1860-х гг. ситуация изменилась незначительно и представляла собой зрелище всеохватывающего деспотизма бюрократии (чиновничества). Но в конце XIX в. значительно активизировались общественно-политические движения, а в начале XX в. в России происходит становление капитализма, страна играет определяющую роль в международной политике и отношениях (втягивание в Первую мировую войну 1914 г.), появляется много идейно-политических течений различного толка, активизируются революционные движения, на арену борьбы выходит пролетариат.

Современная отечественная юридическая наука в формулировании концепций и теорий государства и права опирается на имеющийся зарубежный и отечественный опыт и подходы к пониманию права. В отечественной науке сформировались и существуют несколько точек зрения (подходов) по вопросу сущности права⁵.

Марксистский подход в понимании права исходит из его классовой сущности. Представители данного подхода отмечают, что всякое право отражает интересы класса, господствующего в данный историче-

² См. : Графский В.Г. Политические и правовые взгляды русских народников (истоки и эволюция). М., 1993.

³ Графский В.Г. История политических и правовых учений : учебник. С. 548–549.

⁴ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Т. 1. Вып. 1. М., 2005 (по изд. 1910–1912).

⁵ См. : Нерсесянц В.С. История политических и правовых учений : учебник. М., 2005.

ский период времени. Интересы же других социальных групп и слоев отодвигаются на второй план и подчиняются интересам господствующего класса. Представители *либерального* подхода рассматривают сущность права в том, что оно как регулятор общественных отношений закрепляет социальное согласие и выражает идеи справедливости. Исходя из либерального подхода, получившего широкое распространение среди российских правоведов, «право — это нормативно закрепленная и реализованная справедливость». Существуют и другие подходы к пониманию сущности права, которые дополняют и развивают научные подходы, заложенные в теории государства и права ранее. Но в целом в юридической науке понятие «право» используется, как правило, в двух значениях, как:

а) *объективное право*, или право в объективном смысле — совокупность общеобязательных правил поведения, выраженных в системе юридических норм, представляет собой субъективное право;

б) *субъективное право*, или право в субъективном смысле, «право субъекта» — право, принадлежащее конкретному лицу (например, право собственности на определенную вещь)⁶.

Во второй половине XIX в., в рамках школы «свободного права» концептуально сформировался и оформился еще один — *социологический подход* к толкованию права. Социологический подход отчасти пропагандировался и в марксистской теории права (например, взгляды П.И. Стучки), на почве критики после Октябрьской революции бывших законов царской России. Утверждавшиеся совершенные новые общественные связи и регулирующие их акты новой власти спешили объявить правовыми и даже самым правом. Но поскольку в то же время издавались декреты советской власти и ставить их под сомнение в качестве права марксистские политические деятели не могли, то правом объявлялись одновременно и новые законы, и новые отношения.

В современной юридической науке теоретики в области права предлагают различать консервативную и прогрессивную ветви социологического подхода к праву. К *консервативной* ветви относятся теоретики, кто объявлял правом практику государственного строительства, преобразования общественного бытия на

коммунистических началах или даже «саму общественную жизнь» в целом в период застоя в прошлом советского общества. В *прогрессивной* ветви, в социологических взглядах ряда авторов, в условиях, когда наблюдаются глубокие перемены в жизни в сторону поворота ее к международным стандартам, можно усмотреть весьма прогрессивные мотивы⁷.

Не менее интересной с точки зрения юридической науки является *психологическая теория* права, сформулированная Л.И. Петражицким в начале XX в. Психологическая теория критически относилась к другим подходам, толковавшим сущность права. Сам Л.И. Петражицкий резко критиковал то положение, при котором право определяют в зависимости от факта государственного вмешательства, от «случайного признака наличия или отсутствия начальственного познания известных положений» правом⁸.

Наполнены смыслом и возражения Л.И. Петражицкого о том, что наука, различая два права (в объективном и субъективном смысле), принимает во внимание при определении природы права, при образовании права только нормы, т.е. объективное право. А по мнению ученого, субъекты правового общения в своем поведении должны руководствоваться также эмоционально-чувственными процессами и «обязательно-притязательными переживаниями». «Специфическая природа права, нравственности, эстетики, их отличия друг от друга и от других переживаний коренятся не в области интеллектуального, а в области эмоционального, импульсивного. Не позитивные нормы, а «императивно-атрибутивные переживания и нормы» интуитивного происхождения ставятся во главу угла. Правом «оказывается не только многое такое, что находится вне ведения государства, не пользуется положительным официальным признанием и покровительством, но и многое такое, что со стороны государства встречает прямо враждебное отношение, подвергается преследованию и искоренению, как нечто противоположное и противоречащее праву в официально-государственном смысле»⁹.

⁷ См.: Там же.

⁸ Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1909. Т. 1. С. 83, 101, 257–258, 265–266, 267 и др.

⁹ Там же.

⁶ Графский В.Г. История политических и правовых учений: учебник. С. 31.

Следующая теория естественного права (философский подход) имеет свои корни еще в глубокой древности, где наметилось различие права (естественного) и закона. В России конца XIX — начала XX вв. эта теория использовалась во взглядах российских ученых-теоретиков и в практике буржуазной революции, направленной против феодального произвола и беззакония (часто возводило власть в закон). Возрождение естественно-правовых идей имело место и после Второй мировой войны как реакция на юридический позитивизм и идеологию фашизма. Система естественно-правовых взглядов всегда была востребована при переходе от полицейского государства к государству правовому. Хорошей иллюстрацией могли бы служить взгляды И. Канта, для которого свойственно было соединение теоретического (философского) и практического начал. Право, по Канту, — «это совокупность условий, при которых произвол одного (лица) совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы»¹⁰. Философия права получила свое развитие в философской системе и правовых взглядах Г. Гегеля¹¹.

Среди современных ученых-теоретиков имеются те, кто разделяет право и закон, обращается к справедливости как одному из абстрактных определений права. Среди них профессор В.С. Нерсесянц. В позиции ученого привлекает то, что он признает нормативность права, а также то, что он указывает на то обстоятельство, что в законе не может быть конкретизируемо «любое произвольно взятое содержание, но лишь определенное по своей сущности содержание (т.е. свобода)...»¹².

Знакомясь с разными подходами к праву в прошлом, можно обнаружить много ценного и приемлемого в современных подходах к пониманию права. Именно в конце XX в. и в последующем в современной юридической теоретической науке возник

интегративный подход к пониманию права. Исходя из положений интегративного подхода, можно сделать вывод, что для юриста-практика, в какой роли он бы не был (судья, прокурор, полицейский, юрисконсульт), не столь уж и важно, где содержатся нормативы, которыми он должен руководствоваться (в писанных актах-документах, в правовых отношениях, в правосознании). Главное для них, чтобы решение выражало ту меру свободы и справедливости, которая фактически защищена в этом обществе. В противном случае неизбежны конфликты, поспание всякой справедливости.

Исходя, из положений интегративного подхода следует, в некоторой степени объединенное, определение права. *Право* — это совокупность признаваемых в данном обществе и обеспеченных официальной защитой нормативов равенства и справедливости, регулирующих борьбу и согласование свободных волей в их взаимоотношении друг с другом¹³.

Таким образом, анализируя отечественные научные школы и теории права конца XIX — начала XX вв., следует отметить, что на их формирование и развитие существенное влияние оказывали социально-экономические и политические условия, взгляды теоретиков зарубежных научных школ, особенности развития и изменения российской государственности, идеологические установки правящего класса, а вместе с ними и формирующаяся система права.

В процессе формирования отечественных концепций права в конце XIX — начале XX вв. были свои проблемы, обусловленные как социально-политическими факторами, так и психологией и традициями русского народа, особенностями российской государственности. Данные проблемы впоследствии определяли и тенденции развития отечественной теории права, как в указанный период времени, так и в будущем. Отечественные теории права конца XIX — начала XX вв. нашли свое использование и развитие и в современной юридической науке.

¹⁰ Кант И. Соч. Т. 4. Ч. 2. С. 139.

¹¹ Гегель Г. Философия права. М., А., 1934. С. 54.

¹² Нерсесянц В.С. Право и закон. М., 1983. С. 353.

¹³ См. : Графский В.Г. История политических и правовых учений : учебник.

Литература

1. Гегель Г. Философия права / Г. Гегель. М., А. : Соцэкгиз, 1934. 384 с.
2. Графский В.Г. История политических и правовых учений : учебник / В.Г. Графский. 3-е изд., доп. М. : Норма, 2012. 656 с.
3. Графский В.Г. Политические и правовые взгляды русских народников (истоки и эволюция). М. : Наука, 1993. 319 с.
4. Кант И. Сочинения : в 6 т. / пер. с нем. ; И. Кант ; под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. Т. 4. Ч. 2 / ред. В.Ф. Асмус. М. : Мысль, 1965. 478 с.

5. Нерсесянц В.С. История политических и правовых учений : учебник / В.С. Нерсесянц. М. : Наука, 2004. 944 с.
6. Нерсесянц В.С. Право и закон / В.С. Нерсесянц. М. : Наука, 1983. 366 с.
7. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л.И. Петражицкий. Т. 1. СПб. : Тип. т-ва «Екатерингоф. печ. дело» ; Тип. М. Меркушева, 1909. 341 с.
8. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права / Г.Ф. Шершеневич. Т. 1. Вып. 1. (по изд. 1910–1912). М., 2005.

References

1. Hegel G. *Filosofiya prava [Philosophy of Right]* / G. Hegel. Moskva — Leningrad : Sotsekgiz — Moscow — Leningrad : Publishing House of Socioeconomic Literature, 1934. 384 s.
2. Grafsky V.G. *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy : uchebnik [The History of Political and Legal Doctrines : textbook]* / V.G. Grafsky. 3-e izd., dop. Moskva : Norma — 3rd edition, enlarged. Moscow : Norm, 2012. 656 s.
3. Grafsky V.G. *Politicheskie i pravovy'e vzglyady' russkikh narodnikov (istoki i evolyutsiya) [Political and Legal Views of Russian Populists (Origins and Evolution)]*. Moskva : Nauka — Moscow : Science, 1993. 319 s.
4. Kant I. *Sochineniya : v 6 t. [Works ; in 6 vol.] / per. s nem. ; I. Kant ; pod obsch. red. V.F. Asmusa, A.V. Guly'gi, T.I. Oyzermana. T. 4. Ch. 2 / red. V.F. Asmus. Moskva : My'sl — Moscow : Thought, 1965. 478 s.*
5. Nersesyants V.S. *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy : uchebnik [The History of Political and Legal Doctrines : textbook]* / V.S. Nersesyants. Moskva : Nauka — Moscow : Science, 2004. 944 s.
6. Nersesyants V.S. *Pravo i zakon [Law and Act]* / V.S. Nersesyants. Moskva : Nauka — Moscow : Science, 1983. 366 s.
7. Petrazhitsky L.I. *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriey nraivstvennosti [The Theory of Law and State in Connection with the Theory of Morality]* / L.I. Petrazhitsky. Т. 1. Sankt-Peterburg : Tip. t-va «Ekateringof. печ. Delo» ; Tip. M. Merkusheva — Vol. 1. Saint Petersburg : Printing office of the Ekateringof Printing Business partnership ; M. Merkushev's printing office, 1909. 341 s.
8. Shershenevich G.F. *Obschaya teoriya prava [The General Theory of Law]* / G.F. Shershenevich. Т. 1. Vy'p. 1. (po izd. 1910–1912). Moskva — Vol. 1. Issue 1 (under the edition of 1910 to 1912). Moscow, 2005.

DOI : 10.18572/1812-3805-2018-10-9-15

Утилитаристский взгляд Н.Г. Чернышевского на государство и право

*Колосов Игорь Владимирович,
соискатель кафедры истории права и государства
Юридического института
Российского университета дружбы народов
i.v.kolosov@yandex.ru*

В рамках данной статьи рассматриваются утилитаристские представления Н.Г. Чернышевского о государстве и праве. Подвергнуты анализу условия возникновения государства и права, а также дальнейшее осуществление государственного управления, в том числе с учетом осуществления правотворчества. В связи с тем, что Н.Г. Чернышевский отмечает причины возникновения государства и права как имеющие «чисто экономический характер», в статье соотносятся его представления об этом процессе с антропологическим принципом и современными достижениями экономической теории.

Ключевые слова: утилитаризм, полезность, Н.Г. Чернышевский, антропологический принцип, теории возникновения права и государства, экономический анализ права.

The N.G. Chernyshevsky's Utilitarian View on the State and Law

*Kolosov Igor V.
Degree-Seeking Student of the Department of History of Law and State of the Law Institute
of the Peoples' Friendship University of Russia*

This article describes Chernyshevsky's utilitarian approach to the state and law. The conditions for the emergence of the state and law, as well as further implementation of public administration, including

through lawmaking, was analyzed. Chernyshevsky notes the reasons for the emergence of the state and law as having an «economic character». In this connection, the article correlates his thought about this process with the anthropological principle and economics.

Keywords: *utilitarianism, utility, Nikolai Chernyshevsky, Anthropological Principle, Theories of the Emergence of Law and State, Law and Economics.*

Утилитаристская концепция, согласно которой, принимая экономические решения, субъект, принимающий эти решения, стремится максимизировать свою полезность, находясь в основе множества современных экономических моделей и теорий. М.С. Сушенцова¹ отмечает, что полезность была центральным нормативным понятием как позитивной, так и нормативной экономической теории в XX в.² Наиболее актуальные модели поведения потребителя основываются на функции полезности потребителя³. При этом потребитель, принимая те или иные экономические решения, находится в условиях ограниченности ресурсов для удовлетворения своих потребностей. Экономическая теория как наука в целом исходит из анализа рационального поведения (деятельности) людей в условиях редкости ресурсов⁴.

Достижения современного экономического анализа права, значительный вклад в развитие которого внес Г. Беккер, демонстрируют, что в любой сфере жизни, а не

только в экономике, человек поступает рационально, преследуя свою выгоду, выбирая между взаимоисключающими возможностями использования времени, способностей или знаний и взвешивая издержки и полезность⁵. То, какими ресурсами может обладать отдельный человек, а что важнее для становления и развития государства и права — общество в целом, определяются исходя из ряда факторов, соответствующих существующим реалиям. Так, в рамках цивилизационного подхода К.Е. Сигалов выделяет пространственные факторы, которые, как правило, объективируют внешние параметры бытия цивилизации (например, климат, численность населения, условия проживания, род занятий) и темпоральные — внутренние (например, ментальность, представления о характере развития, договорные или традиционно-обычные характеристики отношений). Характер собственности в равной мере определялся пространственными и темпоральными факторами⁶. В свою очередь, с учетом вышеуказанных факторов, сложившиеся условия существования, одним из важнейших среди которых является существующий характер собственности, в условиях ограниченности ресурсов и необходимости удовлетворения потребностей приводят к зарождению определенного государства и соответствующего права. Н.Г. Чернышевский, проследивая процесс происхождения государства и права, опираясь на теорию стадий хозяйственной деятельности, также в рамках каждой из стадий значительное место уделяет условиям существования сплоченной группы людей, общества, цивилизации, в которых происходят процессы зарождения, становления и развития государства и права⁷. При этом

¹ Сушенцова М.С. Этическая дилемма нормативной экономической теории // Вопросы экономики. 2017. № 3. С. 103.

² Божар А. История нормативной экономической теории. Экономическая теория благосостояния, теория общественного выбора и экономические теории справедливости // Экономическая теория в историческом развитии: взгляд из Франции и России : монография / под общ. ред. А.Г. Худокормова. М. : ИНФРА-М, 2016. С. 388–443; McQuillin B., Sugden R. Reconciling Normative and Behavioural Economics: the Problems to be Solved. *Social Choice and Welfare*. 2012. Vol. 38. №. 4. P. 553–567.

³ Корень К.С., Егорова В.К. Модель поведения потребителя: количественный и порядковый подходы // Моделирование в технике и экономике : сборник материалов Международной научно-практической конференции / глав. ред. Е.В. Ванкевич. 2016. С. 317–319.

⁴ Будович Ю.И. Определение предмета экономической теории и перспективы развития науки // Социально-экономические явления и процессы. 2010. № 6(22). С. 39; Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: Принципы, проблемы и политика : в 2-х т. : пер. с англ. М., 1996. Т. 1. С. 18.

⁵ Беккер Г. Экономический подход к человеческому поведению // Химия и жизнь. 1994. № 1. С. 88–93; Будович Ю.И. Определение предмета экономической теории и перспективы развития науки // Социально-экономические явления и процессы. 2010. № 6(22). С. 40.

⁶ Сигалов К.Е. Экономическая обусловленность права // Наука и практика. 2013. № 1(54). С. 89–90.

⁷ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. : в 15-ти т. М., 1935–1950. Т. 2. С. 572.

главенствующим среди данных условий являются отношения между людьми, возникающие в связи с принадлежностью тех или иных объектов материального мира и отдельных нематериальных объектов, то есть связанные с правом собственности. Именно с появлением частной собственности Н.Г. Чернышевский связывает возникновение государства и права⁸.

В то же время спецификой данного взгляда является его явный утилитарный уклон. Описывая процесс возникновения государства и права, Н.Г. Чернышевский так же, как и в целом экономическая теория, отмечает возникающее противоречие между необходимостью максимальным образом удовлетворить свои потребности и ограниченностью существующих ресурсов. Так, Н.Г. Чернышевский, анализируя процесс возникновения государства и права, подчеркивает, что «каждый хочет удовлетворить своим потребностям; а средства, предлагаемые природой, для удовлетворения всех людей не окажутся достаточными; из этого возникает вражда между людьми... Столкновение интересов приводит к необходимости установить с общего согласия правила, определяющие отношения между людьми в разных сферах их деятельности. В каждом обществе необходимы правила для государственного устройства, для отношений между частными людьми, для ограждения тех и других правил. Таким образом, возникают законы политические, гражданские и уголовные»⁹. При этом мыслителем отдельно отмечается, что главная причина возникновения государства и права — несообразность средств к удовлетворению с потребностями — «имеет чисто экономический характер»¹⁰.

В дополнение к этому из работ мыслителя следует, что первопричина возникновения государства и права кроится в том, что каждый в рамках своей деятельности руководствуется исключительно утилитарными началами. «При внимательном исследовании побуждений, руководящих людьми, — отмечает Н.Г. Чернышевский, — оказывается, что все дела происходят... из одного источника: человек поступает так, как приятнее ему поступать, руководится расчетом, величайшим отказываясь от меньшей выгоды или меньшего удовольствия для получения

большей выгоды, большего удовольствия»¹¹. При этом мыслитель исходит из того, что полезным является то, что приносит множество наслаждений¹².

Таким образом, учитывая вышеизложенное, необходимо отметить, что фактически по Н.Г. Чернышевскому причина зарождения государства и права — необходимость максимизации полезности. С развитием «догосударственных» сообществ, групп людей происходил процесс усложнения структуры социальных отношений, изменялись социальные роли участников таких отношений. Также с указанным развитием связано увеличение потребностей в объеме работ, которые отвечали общественному интересу, усложнялись производственные процессы, появлялось разделение труда, требовалась мобилизация групп людей для осуществления производства, растениеводства и (или) для строительства различных сооружений (жилищ, оборонительных стен, ирригационных, культовых и других сооружений) и для формирования войска. Для того чтобы удовлетворить данные потребности, для создания соответствующих общественных благ и их поддержания требовалась организация людей — государство и право. Фактически «чисто экономический характер» возникновения государства и права, по Н.Г. Чернышевскому, сводится к утилитаризму: у людей возникает потребности, удовлетворение которых создаст большую выгоду, большее удовольствие для всех в целом или, по крайней мере, позволит избежать больших страданий, например, избежать голода (для этого необходимо совместно осуществлять растениеводство, построить ирригационные сооружения), «гнева богов» (необходимо построить культовое сооружение или «принести жертву богам»), захвата иноземцами (необходимо построить оборонительные сооружения, создать войско). Однако удовлетворить данные потребности или избежать несчастия в одиночку, без объединения определенным образом, по определенным правилам, не представляется возможным — для этого необходимо государство и право. Иными словами, государство и право приносит обществу больше полезности, чем нахождение в «разрозненном», «безгосударственном» со-

⁸ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. : в 15-ти т. Т. 5. С. 607.

⁹ Там же. С. 606.

¹⁰ Там же. С. 608.

¹¹ Чернышевский Н.Г. Антропологический принцип в философии // Н.Г. Чернышевский. Сочинения : в 2 т. / АН СССР. М. : Мысль, 1987. Т. 2. С. 218.

¹² Там же. С. 224.

стоянии, и поэтому и возникает, создается людьми.

По Н.Г. Чернышевскому, в таком созданном государстве целью деятельности правительства должна выступать «польза индивидуального лица»¹³. Деятельность лиц, осуществляющих государственное управление, с использованием механизмов правового регулирования, должна быть направлена на то, чтобы обеспечить пользу отдельных лиц, проживающих в данном государстве. Представляется, что это является особенно важным, поскольку именно с этой целью, по логике мыслителя, создавалось государство и право, то есть целью максимизации полезности, и если государственное управление не направлено на максимизацию общей полезности, то цели, фактически ради которых государство и право были сформированы, не достигаются.

Вместе с тем исторический опыт показывает, что описываемые выше общественные блага зачастую создавались лишь отдельной социальной группой, например, рабами, а не всем обществом. При этом в некоторых случаях, если было возможно ограничить потребление данных общественных благ для представителей указанной социальной группы, то такое ограничение происходило. Если считать, что указанные лица относятся к населению государства, то возникает вопрос — насколько в данной ситуации достигается максимизация общей полезности? Однако имеются и иные примеры, к которым, в частности, относится строительство египетских пирамид, осуществлявшееся свободными людьми, в том числе и сравнительно зажиточными¹⁴. Кроме того, рабами зачастую становились жители захваченных территорий, которые де-юре не признавались населением (гражданами) государства или имели особый правовой статус. В частности, латины, а в особенности паломники, до определенного момента имели некоторые ограничения в правах¹⁵. В связи с неравенством прав и обязанностей, в том числе связанных с производством общественных благ, отмечаем, что Н.Г. Чернышевский по-

лагает, что «общечеловеческий интерес стоит выше выгод отдельной нации, общий интерес целой нации стоит выше выгод отдельного сословия, интерес многочисленного сословия выше выгод малочисленного»¹⁶. В качестве подтверждения этого мыслитель проводит аналогии с математикой — «целое больше своей части», «большее количество больше меньшего количества» и отмечает, что это является лишь применением общепризнанных аксиом применительно к общественным вопросам.

Безусловно, в процессе общественно-го взаимодействия противоречия функций полезности отдельных людей неизбежны. То, что одному может принести пользу, другому может нанести вред или привести к страданиям. Во взаимосвязи с этим отмечаем, что Н.Г. Чернышевский обращал внимание, что «отдельный человек называет добрыми поступками те дела других людей, которые полезны для него; в мнении общества добром признается то, что полезно для всего общества или для большинства его членов»¹⁷.

Учитывая это, одно из самых распространенных противоположностей в функциях полезности различных людей (но однозначно далеко не единственное) возникает в рамках общественных отношений, связанных с принадлежностью тех или иных объектов материального мира и нематериальных благ отдельным лицам, то есть отношений, связанных с правом собственности. Например, если одно лицо самовольно «присвоит» себе какую-либо вещь, принадлежащую на праве собственности другому лицу, то полезность первого за счет возможности использования этой вещи возрастет. Вместе с тем уменьшится полезность второго, поскольку в этой ситуации вещь перестает быть в его распоряжении и воспользоваться он ею уже не может. Вследствие того, что полезность первого возрастет от обладания данной вещью, то согласно теории утилитаризма для него было бы рациональным поведением «присвоить» вещь себе, если это не связано со значительными для него издержками. Вместе с тем государство, создавая определенный механизм правового регулирования, должно исходить из максимизации совокупной полезности. Уменьшение полезности второго лица в результате данного действия необходимо принимать во

¹³ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. : в 15-ти т. Т. 5. С. 597–598.

¹⁴ J. Shaw. Who Built the Pyramids? // Harvard Magazine. July-August 2003. P. 42–49, 99.

¹⁵ И.В. Сиваракша. К вопросу о гражданстве в римском праве (историко-правовой аспект) // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2015. № 25. С. 52-57.

¹⁶ Н.Г. Чернышевский Антропологический принцип в философии // Н.Г. Чернышевский Сочинения : в 2-х т. М. : Мысль, 1987. Т. 2. С. 219.

¹⁷ Там же.

внимание и в большинстве случаев (исключением может выступать, например, установление обязательных налогов и сборов, что отмечалось и самим Н.Г. Чернышевским¹⁸ и что соответствует вышеупомянутому принципу «большее количество больше меньшего количества») для максимизации совокупной полезности, следует обеспечить соблюдение права собственности на данную вещь путем установления запрета на вышеуказанное «присвоение», с одновременным установлением юридической ответственности за нарушение такого запрета, тем самым существенно увеличив издержки второго лица, связанные с «присвоением» данной вещи. Стабильность общественных отношений в части гарантий государства в соблюдении прав собственности также будет способствовать увеличению совокупной полезности. Стоит отметить, что ряд эмпирических исследований подтверждают прямую зависимость между обеспечением защиты прав собственности, их спецификацией и экономическим ростом¹⁹.

В то же время использование такого логического мышления, предлагаемого Н.Г. Чернышевским, приводит к тому, что если в интересах большинства необходимо, например, национализировать собственность или существенным образом перераспределить богатство, если это будет в интересах «целого», то есть в интересах всего государства или народа, если это увеличит их полезность, то это необходимо сделать. Из этого следует не только оправдание на-

ционализации и иных мер, способствующих общественному контролю над собственностью и над природными ресурсами, вводящихся при социализме, но и провозглашение этого пути правильным и полезным, поскольку он должен принести большую пользу большему числу людей. Вероятно, что это было одной из причин, по которой работы Н.Г. Чернышевского в дальнейшем получили поддержку среди большевиков²⁰. Вместе с тем необходимо помнить, что последние достижения новой институциональной экономической теории приводят к выводу — социальный аспект, предполагающий существование естественных и неотсуждаемых прав и свобод личности, в том числе в сфере экономической деятельности, оказывает существенное, если не решающее влияние на темпы экономического роста²¹.

На основании вышеизложенного отмечаем следующее. Государство и право, по Н.Г. Чернышевскому, возникает вследствие причин экономического характера — необходимости максимизации полезности в условиях ограниченности ресурсов. При этом, с учетом воззрений мыслителя, дальнейшее существование государства должно быть направлено на максимизацию полезности его граждан. С этой целью должен быть установлен соответствующий механизм правового регулирования, должны приниматься законы и иные нормативные правовые акты, которые обеспечат максимизацию полезности.

¹⁸ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. : в 15-ти т. Т. 5. С. 600.

¹⁹ La Porta R., Lopes-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R.. Legal Determinants of External Finance // Journal of Finance. 1997. Vol. 52. № 3. P. 1131–1150; Радыгин А.Д., Энтов Р.М. В поисках институциональных характеристик экономического роста (новые подходы на рубеже XX–XXI вв.) // Вопросы экономики. 2008. № 8. С. 4–27.

²⁰ Ленин В.И. Из прошлого рабочей печати в России // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55-ти т.; изд. 5-е. М. : Изд-во полит. лит., 1969. Т. 25. С. 93–101.

²¹ Бобоев Г.Г. Место и роль институтов в теориях экономического роста // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. 2013. № 3(55). С. 131.

Литература

1. Беккер Г. Экономический подход к человеческому поведению / Г. Беккер // Химия и жизнь. 1994. № 1. С. 88–93.
2. Бобоев Г.Г. Место и роль институтов в теориях экономического роста / Г.Г. Бобоев // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. 2013. № 3(55). С. 131–138.
3. Божар А. История нормативной экономической теории. Экономическая теория благосостояния, теория общественного выбора и экономические теории справедливости / А. Божар // Экономическая теория в историческом развитии: взгляд из Франции и России : монография / под общ. ред. А. Т. Худокормова. М. : ИНФРА-М, 2016. С. 388–443.
4. Будович Ю.И. Определение предмета экономической теории и перспективы развития науки / Ю.И. Будович // Социально-экономические явления и процессы. 2010. № 6(22). С. 38–42.

5. Корень К.С. Модель поведения потребителя: количественный и порядковый подходы / К.С. Корень, В.К. Егорова // Моделирование в технике и экономике : сборник материалов Международной научно-практической конференции / глав. ред. Ванкевич Е.В. 2016. 557 с.
6. Ленин В.И. Из прошлого рабочей печати в России / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений : в 55-ти т.; изд. 5-е. М. : Изд-во политической литературы, 1969. Т. 25. 646 с.
7. Макконнелл К.Р. Экономикс: Принципы, проблемы и политика : в 2-х т. / К.Р. Макконнелл, С.Л. Брю ; пер. с англ. М. : Туран, 1996. 800 с.
8. Медушевская Н.Ф. Формирование гражданского общества: исторический и социокультурный факторы / Н.Ф. Медушевская, К.Е. Сигалов // Гражданское общество в России и за рубежом. 2015. № 4. С. 11–14.
9. Радыгин А.Д. В поисках институциональных характеристик экономического роста (новые подходы на рубеже XX–XXI вв.) / А.Д. Радыгин, Р.М. Энтов // Вопросы экономики. 2008. № 8. С. 4–27.
10. Сиваракша И.В. К вопросу о гражданстве в римском праве (историко-правовой аспект) / И.В. Сиваракша // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2015. № 25. С. 52–57.
11. Сигалов К.Е. Экономическая обусловленность права / К.Е. Сигалов // Наука и практика. 2013. № 1(54). С. 89–93.
12. Сушенцова М.С. Этическая дилемма нормативной экономической теории / М.С. Сушенцова // Вопросы экономики. 2017. № 3. С. 103–119.
13. Чернышевский Н.Г. Антропологический принцип в философии / Н.Г. Чернышевский // Сочинения : в 2-х т. / редкол.: М.Б. Митин и др. М. : Мысль, 1987. Т. 2. С. 146–229.
14. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений : в 15-ти т. / Н.Г. Чернышевский. М. : Гослитиздат, 1949. Т. 2. 943 с.
15. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений : в 15-ти т. / Н.Г. Чернышевский. М. : Гослитиздат, 1950. Т. 5. 1006 с.
16. La Porta R. Legal Determinants of External Finance / R. La Porta, F. Lopes-de-Silanes, A. Shleifer, R. Vishny // Journal of Finance. 1997. Vol. 52. № 3. P. 1131–1150.
17. McQuillin B. Reconciling normative and behavioural economics: the problems to be solved / B. McQuillin, R. Sugden. Social Choice and Welfare, 2012. Vol. 38. №. 4. P. 553–567.
18. Shaw J. Who Built the Pyramids? / J. Shaw // Harvard Magazine. 2003. July–August. P. 42–99.

References

1. Becker G. Ekonomicheskiy podkhod k chelovecheskomu povedeniyu [The Economic Approach to Human Behavior] / G. Becker // Khimiya i zhizn — Chemistry and Life. 1994. № 1. S. 88–93.
2. Boboev G.G. Mesto i rol institutov v teoriyakh ekonomicheskogo rosta [The Place and Role of Institutions in Economic Growth Theories] / G.G. Boboev // Vestnik Tadzhijskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki. Seriya gumanitarny'kh nauk — Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics. The Humanities series. 2013. № 3(55). S. 131–138.
3. Bojar A. Istoriya normativnoy ekonomicheskoy teorii. Ekonomicheskaya teoriya blagosostoyaniya, teoriya obschestvennogo vy'bora i ekonomicheskie teorii spravedlivosti [The History of the Statutory Economic Theory. The Economic Theory of Welfare, the Public Choice Theory and Economic Theories of Justice] / A. Bojar // Ekonomicheskaya teoriya v istoricheskom razvitiy: vzglyad iz Frantsii i Rossii : monografiya / pod obsch. red. A.G. Khudokormova. Moskva : INFRA-M — The Economic Theory in the Historical Development: a View from France and Russia : monograph / under the general editorship of A.G. Khudokormov. Moscow : INFRA-M, 2016. S. 388–443.
4. Budovich Yu.I. Opredelenie predmeta ekonomicheskoy teorii i perspektivy' razvitiya nauki [Determination of the Economic Theory Subject and Science Development Prospects] / Yu.I. Budovich // Sotsialno-ekonomicheskie yavleniya i protsessy' — Socioeconomic Phenomena and Processes. 2010. № 6(22). S. 38–42.
5. Koren K.S. Model povedeniya potrebitelya: kolichestvenny'y i poryadkovy'y podkhody' [The Consumer Behavior Model: Quantitative and Consecutive Approaches] / K.S. Koren, V.K. Egorova // Modelirovanie v tekhnike i ekonomike : sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii / glav. red. Vankevich E.V. — Modeling in Engineering and Economics : collection of files of an International Scientific and Practical Conference / editor-in-chief E.V. Vankevich, 2016. 557 s.
6. Lenin V.I. Iz proshlogo rabochey pechati v Rossii [From the Past of the Workers' Press in Russia] / V.I. Lenin // Polnoe sobranie sochineniy : v 55-ti t. ; izd. 5-e. Moskva : Izd-vo politicheskoy literatury', 1969. T. 25 — Full collection of works : in 55 vol. ; 5th edition. Moscow : Publishing House of Political Literature, 1969. Vol. 25. 646 s.

7. McConnell C.R. Ekonomiks: Printsipy, problemy i politika : v 2- kh t. [Economics: Principles, Problems, and Policies : in 2 vol.] / C.R. McConnell, S.L. Brue ; per. s angl. Moskva : Turan — translated from English. Moscow : Turan, 1996. 800 s.
8. Medushevskaya N.F. Formirovanie grazhdanskogo obschestva: istoricheskiy i sotsiokulturny'y faktory' [The Establishment of a Civil Society: Historical and Sociocultural Factors] / N.F. Medushevskaya, K.E. Sigalov // Grazhdanskoe obschestvo v Rossii i za rubezhom — Civil Society in Russia and Abroad. 2015. № 4. S. 11–14.
9. Radygin A.D. V poiskakh institutsionalny'kh kharakteristik ekonomicheskogo rosta (novy'e podkhody' na rubezhe XX–XXI vv.) [In Search of the Institutional Characteristics of the Economic Growth (New Approaches at the Turn of the XXI Century)] / A.D. Radygin, R.M. Entov // Voprosy' ekonomiki — Issues of Economics. 2008. № 8. S. 4–27.
10. Sivaraksha I.V. K voprosu o grazhdanstve v rimskom prave (istoriko-pravovoy aspekt) [On Citizenship in the Roman Law (a Historical and Legal Aspect)] / I.V. Sivaraksha // Trudy' Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii — Works of the Orenburg Institute (Branch) of the Moscow State Law Academy. 2015. № 25. S. 52–57.
11. Sigalov K.E. Ekonomicheskaya obuslovlennost' prava [Economic Conditionality of Law] / K.E. Sigalov // Nauka i praktika — Science and Practice. 2013. № 1(54). S. 89–93.
12. Sushentsova M.S. Eticheskaya dilemma normativnoy ekonomicheskoy teorii [The Ethical Dilemma of the Statutory Economic Theory] / M.S. Sushentsova // Voprosy' ekonomiki — Issues of Economics. 2017. № 3. S. 103–119.
13. Chernyshevsky N.G. Antropologicheskii printsip v filosofii [The Anthropological Principle in Philosophy] / N.G. Chernyshevsky // Sochineniya : v 2- kh t. / redkol. : M.B. Mitin i dr. Moskva : My'sl, 1987. T. 2 — Works : in 2 vol. / editorial board : M.B. Mitin et al. Moscow : Thought, 1987. Vol. 2. S. 146–229.
14. Chernyshevsky N.G. Polnoe sobranie sochineniy : v 15- ti t. [Full Collection of Works : in 15 vol.] / N.G. Chernyshevsky. Moskva : Goslitizdat, 1949. T. 2 — Moscow : State Publishing House of Fiction, 1949. Vol. 2. 943 s.
15. Chernyshevsky N.G. Polnoe sobranie sochineniy : v 15- ti t. [Full Collection of Works : in 15 vol.] / N.G. Chernyshevsky. Moskva : Goslitizdat, 1950. T. 5 — Moscow : State Publishing House of Fiction, 1950. Vol. 5. 1006 s.
16. La Porta R. Legal Determinants of External Finance / R. La Porta, F. Lopes-de-Silanes, A. Shleifer, R. Vishny // Journal of Finance. 1997. Vol. 52. № 3. S. 1131–1150.
17. McQuillin V. Reconciling Normative and Behavioural Economics: the Problems to Be Solved / V. McQuillin, R. Sugden. Social Choice and Welfare, 2012. Vol. 38. № 4. S. 553–567.
18. Shaw J. Who Built the Pyramids? / J. Shaw // Harvard Magazine. 2003. July-August. S. 42–99.

DOI: 10.18572/1812-3805-2018-10-15-21

Правопонимание и правосознание как элементы правовой культуры: общее и особенное

*Зарубаева Евгения Юрьевна,
доцент кафедры теории и истории права и государства
Восточно-Сибирского филиала
Российского государственного университета правосудия,
кандидат юридических наук
zarubaeva@ngs.ru*

В статье рассматриваются особенности правовопонимания и правосознания как элементов правовой культуры. Анализируются понятия правовой культуры, правосознания и правовопонимания в их различии и взаимосвязи. Также делается вывод о том, что процесс построения правового государства тесно связан с процессом развития правовой культуры общества в целом и отдельных ее элементов.

Ключевые слова: правовая культура, правосознание, правовопонимание, правовая действительность, правовое государство, мораль.

Legal Consciousness and Legal Awareness as Elements of the Legal Culture: General and Special Aspects

Zarubaeva Evgenia Yu.

Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and State

of the East-Siberian Branch of the Russian State University of Justice

Candidate of Legal Sciences

In the article features of legal understanding and sense of justice as elements of legal culture are considered. The concepts of legal culture, legal conscience and legal understanding in their differences and interrelations are analyzed. It is also concluded that the process of building a rule of law is closely related to the process of developing the legal culture of society as a whole and its individual elements.

Keywords: legal culture, sense of justice, legal understanding, legal reality, constitutional state, morality.

Правовая культура является важной частью общей культуры человеческого общества и ярко характеризует особенности менталитета. Формирование правовой культуры не является обособленным процессом, что способствует развитию ее комплексного характера. К основной задаче правовой культуры относится создание морально-правового климата в обществе, который будет обеспечивать полную свободу поведения личности, гарантировать ее права и социальную защиту.

На сегодняшнем этапе развития права существует весьма значительное количество подходов, посредством которых можно объяснить понятие и сущность правовой культуры общества, ее значимость для всего человечества в целом. Так, один из наиболее верных подходов был предложен В.И. Каминской и А.Р. Ратиновым. Согласно позиции данных исследователей, правовая культура общества рассматривается в качестве системы определенных элементов, имеющих идеальный характер, относящихся к сфере права и отражающихся в сознании, а также поведении людей и всего общества в целом¹. Ряд ученых придерживается мнения о том, что правовая культура общества является составной частью общей культуры².

Правовая культура — это весьма многозначительная характеристика, присущая жизни общества. Фактически ее необходимо понимать в качестве высокой, а также емкой формы правосознания. Необходимо учитывать то обстоятельство, что правовая

культура общества имеет весьма сложную внутреннюю структуру. Тем не менее такая особенность не вызывает особого удивления, поскольку, являясь частью общей культуры общества, правовая культура также претерпевает различные воздействия извне и постоянно меняется.

Среди исследователей до сих пор отсутствует единое мнение, которое бы позволило сформулировать и выделить основные элементы правовой культуры. Так, по мнению А.Р. Ратинова, в качестве таких основных элементов необходимо обозначить: право; правоотношения; различные государственные органы, а также организации, посредством которых происходит реализация правовых норм; правосознание; правовое поведение³.

Согласно позиции Р.А. Ромашева, в структуру правовой культуры общества входят четыре основных элемента: различные уровни правосознания; законность; совершенство законодательства; юридическая практика⁴.

Интересным представляется то обстоятельство, что в России на процесс становления и развития правовой культуры общества весьма негативное воздействие оказывает так называемый правовой нигилизм (т.е. отрицание различных ценностей, морали и т.д.)⁵. Именно поэтому государство должно предпринять все необходимые меры, направленные на минимизацию нигилизма в российском обществе.

³ Каминская В.И., Ратинов А.Р. Указ. соч. С. 57.

⁴ Ромашев Р.А., Шукшина Е.Г. Правовая культура и правовой нигилизм в молодежной среде // История государства и права. 2016. № 2. С. 7.

⁵ Бял В.С., Демидов А.В. Перспективы становления гражданского общества в Российской Федерации // Ленингр. юрид. журн. 2017. № 2(48). С. 51.

¹ Каминская В.И., Ратинов А.Р. Правосознание как элемент правовой культуры // Правовая культура и вопросы правового воспитания. М., 2004. С. 55–61.

² Немов Р.С. Психология : в 3 кн. Кн. 1: Общие основы психологии : учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений. 6-е изд. М., 2013. С. 221.

Для современной юридической науки правовая культура — это неоднозначная категория. А.Б. Венгеров в своих трудах придерживается позиции о том, что правовая культура — это наиболее всеобъемлющая форма правосознания. При этом необходимо учитывать, что правосознание охватывает только духовную сторону общества, тогда как правовая культура подразумевает включение как духовных характеристик, так и различных юридических учреждений, их организацию, отношения, возникающие внутри таких учреждений⁶.

Вопросы взаимосвязи и взаимообусловленности правосознания, правопонимания и правовой культуры граждан являются актуальными со времен появления правовых норм и изучаются учеными не только юридических, но и иных отраслей наук, например, философией, социологией, политологией и другими. В связи с тем, что право является регулятором общественных отношений, правовые нормы проникают практически во все сферы жизнедеятельности человека, не говоря уже о таких глобальных сферах, как экономика и политика. Однако существование правовых норм и законов не порождает их реальное исполнение, именно эта проблема является причиной роста преступности, нарушения прав и свобод граждан, дегармонизации общественных отношений и препятствует развитию правового государства.

Российская Федерация с 1993 г. признана государством правовым, это положение закреплено в ст. 1 Конституции нашей страны: «Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления»⁷. Помимо этого, свободам человека в Конституции РФ посвящена целая гл. 2 Основного закона государства под названием «Права и свободы человека и гражданина». Конституционно закреплен и принцип верховенства закона в пункте втором ст. 4 Конституции РФ: «Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство

на всей территории Российской Федерации».

Однако данные положения не всегда совпадают с реальностью, зачастую они являются декларативными. Нередко мы сталкиваемся с нарушением прав человека, произволом и коррумпированностью чиновников, отсутствием эффективного механизма защиты и реализации права. Отсюда выявляется прямая связь правопонимания, правосознания, правовой культуры и успешного функционирования правового государства. Основой обеспечения правопорядка является исполнение правовых предписаний, то есть правомерное поведение граждан. Факторами, влияющими на правовое поведение граждан, являются низкий уровень правовой культуры, высокая криминальная обстановка в стране, низкий уровень социальной обеспеченности, правовой нигилизм и т.д. Проблемы правопорядка связаны не только с правовым поведением населения, граждан, не занимающих должностей в органах государственной власти, но и так называемой «верхушки общества» нашей страны — тех, кто занимается управлением государством и представляет государство как социальный институт.

Правосознание — это «совокупность правовых представлений, чувств, убеждений, оценок, выражающих субъективное отношение индивидов, социальных групп и общностей к действующему или желаемому праву, другим явлениям правовой действительности, к поведению людей в сфере правового регулирования»⁸.

В теории государства и права выделяют несколько видов правосознания: общественное, групповое и индивидуальное. Правосознание общества в целом напрямую зависит от правосознания личности. Поэтому необходимо выявить факторы, влияющие на правосознание личности для того, чтобы ориентироваться на них для успешного формирования правосознания граждан.

Правосознание личности, в первую очередь, зависит от его нравственного сознания и моральных качеств, которые приобретаются в процессе правовой социализации. Правосознание должно базироваться на устойчивых нравственных ценностях, имеющих эмоциональную окраску. Правосознание, представленное на познавательном

⁶ Венгеров А.Б. Теория государства и права. М., 2012. С. 221.

⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Теория государства и права : учебник / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. М., 2013. С. 324.

уровне, представляет собой ознакомление с нормами права и способностью отличить поведение правомерное от неправомерного, оно не способно побудить человека к действиям предписанными правовыми нормами. Именно поэтому в процессе правового и нравственного воспитания, обучения в сознании личности должны быть заложены моральные ценности и принципы, которыми он будет руководствоваться на протяжении всей своей жизни.

Как своеобразный способ отражения правовой действительности правосознание представляет собой средоточие всей той массы неоднозначной и противоречивой юридической информации, которая в конечном счете в той или иной степени мотивирует и побуждает личность как субъекта правовых отношений анализировать и оценивать разнообразные правовые явления. В итоге адекватно складывающейся жизненной обстановке субъект права осуществляет соответствующие поступки, действия, акции, которые могут как соответствовать определенным правовым требованиям, так и противоречить им.

Участвуя в правовой жизни общества, люди воспринимают и осознают практические стороны системы законодательства, соразмеряют соответствующие юридические нормы с правовым идеалом и тем самым обретают определенный юридический опыт, аспекты которого непременно находят отражение в правосознании конкретной личности. Развитие правосознания и обретение определенного юридического опыта в равной степени отражают самые существенные стороны правовой действительности.

Сама правовая действительность может быть неоднозначной, сложной, противоречивой. Если она находится под активным воздействием социальных и правовых ценностей, то будет инициировать развитие высокого уровня правосознания общества и личности. Это возможно в условиях зрелой демократии, при наличии более или менее сложившихся основ гражданского общества и правового государства, при отношении к личности, ее правам и свободам как высшей ценности. При наличии такой социальной и правовой действительности право воспринимается большинством членов общества в качестве ценностного явления, соотносимого исключительно с позитивным правосознанием.

Существенные изъяны в социальной и правовой действительности сочетаются с дефектами в содержании правосозна-

ния значительной части членов общества. Таким образом, истинное состояние правовой действительности соотносится с содержанием и уровнем правосознания, присутствующего большинству членов общества. Еще И.А. Ильин отмечал, что практически всегда правосознание «составляет реальную и священную основу общественного бытия и государства»⁹. Истинное правосознание формируется только тогда, когда человек признает право не из страха быть наказанным, а адекватно своему мышлению. Тем самым личность обретает «нормальное правосознание», которое становится «одной из лучших потенций человеческой души»¹⁰.

И.А. Ильин справедливо обращает внимание на такой существенный элемент позитивного правосознания, как правовая совесть личности, которая проходит своеобразную проверку в процессе участия индивида в тех или иных жизненных правоотношениях. Правовая совесть сосредоточена во внутреннем мире личности, воспринимающем идеальную суть правовой действительности¹¹.

Правовая совесть выступает в качестве предпосылки позитивного правосознания, ориентирована на духовно-нравственные стороны правовой действительности, позволяет личности обнаруживать ценностные компоненты права и правовых законов, которые обеспечивают достойное существование значительной части членов общества. А для самого общества практическим результатом соотношения позитивного правосознания и многогранной правовой действительности является наличие в системе основополагающих общественных отношений предсказуемого и массового правомерного поведения.

Правосознание является естественным и постоянным спутником права. Правосознание каждой личности находится под воздействием результатов регулирования наиболее существенных общественных отношений. Следовательно, правосознание и система права проявляют свой потенциал в рамках единой правовой действительности, обусловленной соответствующими политическими, экономическими, социальными,

⁹ Ильин И.А. Большевикизм как кризис современного правосознания // Собрание сочинений : в 10-ти т. Т. 7. М., 2008. С. 8.

¹⁰ Ильин И.А. Основные задачи правопедания в России // Собрание сочинений : в 10-ти т. Т. 9-10. М., 2009. С. 218.

¹¹ Там же. С. 217.

культурными, духовно-нравственными и иными факторами жизнедеятельности членов общества.

Являясь важной составной частью юридического мировоззрения, правосознание преломляет и аккумулирует в себе наиболее значимые стороны сложившейся правовой действительности, привносит идеи и взгляды относительно совершенствования, обновления, преобразования правовой жизни общества. В конечном счете правосознание становится свидетельством того, каков характер отношения большинства членов общества к правовой действительности, в какой степени оно заинтересовано в преобразовании правовой основы становления и функционирования гражданского общества и правового государства — неперменного условия достойного существования каждой личности. Низкий уровень развития правосознания ведет к правовой пассивности, расширяет диапазоны противоправных деяний, затрудняет процессы всех форм правового прогресса.

Утверждение в обществе силы права и правовых законов в решающей степени зависит от массового позитивного правосознания значительной части членов общества. «Как форма или область сознания, — отмечает Н.Л. Гранат, — правосознание отражает правовую действительность в форме юридических знаний и оценочных отношений к праву и практике его реализации, правовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих поведение (деятельность) людей в юридически значимых ситуациях»¹². Повышенный интерес к проблемам правосознания обусловлен той практически значимой ролью, которую оно играет в процессе законотворчества и реализации права. В этих сферах наиболее зримо закладываются необходимые основы уважительного отношения членов общества к потенциалу права и механизмы мотивации именно правомерного поведения.

Ценностное качество действующего законодательства, степень эффективности регулятивного потенциала правовых законов, практическая значимость всех форм реализации действующего законодательства в решающей степени обуславливают процессы формирования высокого уровня правосознания. При этом следует подчеркнуть,

что всеобъемлющим фактором становления и развития правосознания выступает не только позитивное право, но и в решающей степени — ценности естественного права. В соотношении признания и уважения ценностей естественного и позитивного права, с одной стороны, и позитивного правосознания — с другой, усматривается проявление особенностей внутреннего мира личности. Оно находит выражение в действиях, направленных на реализацию соответствующих прав и свобод и осуществление исключительно правомерного поведения. На этой основе расширяется пространство правового прогресса в значимых областях правовой действительности.

Позитивное, развитое правосознание формируется и реально проявляет себя в процессе обнаружения в правовой действительности устойчивых, практически значимых, позитивно-полезных, ценностных свойств действующих законов, юридических норм, других правовых явлений. Истинные правовые ценности позитивно влияют на повышение уровня правосознания, они устойчиво и целенаправленно ориентируют личность к выбору позитивных, социально значимых, затрагивающих интересы самой личности деяний. С позитивным правосознанием связано и естественное отношение членов общества к правам и свободам других людей, что соответствует интересам практически всех членов общества. Поэтому деяния людей с деформированным правосознанием могут представлять угрозу для всего общества, чинить препятствия другим людям, стремящимся удовлетворить свои законные интересы и потребности.

Баланс между высоким уровнем позитивного правосознания и его деформированным состоянием предопределяется степенью правовых знаний членов общества, уровнем их правового воспитания, состоянием правопорядка в обществе, способностью органов власти, управления и должностных лиц осуществлять процессы применения правовых норм, результатами реализации приоритетных прав и свобод личности.

Следует констатировать, что далеко не все стороны социальной и правовой действительности ориентированы приоритетным жизненным интересам большинства членов общества, и поэтому они не вызывают у соответствующих субъектов права должного доверия к правовым средствам и предписаниям, ведут к определенному правовому нигилизму и станов-

¹² Гранат Н.Л. Правосознание и правовое воспитание // Общая теория государства и права. Академический курс. Т. 3 / под ред. М.Н. Марченко. М.: Зерцало-М, 2011. С. 113.

лению ущербного правосознания. Поэтому усилия общества и государства должны быть решительно направлены на ограничение и упразднение политических, экономических, социальных, организационных и иных причин, умаляющих силу права и ослабляющих доверие к действующей системе законодательства.

Таким образом, подводя итог, можно сказать о том, что правовая культура общества — это залог успеха и дальнейшего эффективного развития государства, поддержание и совершенствование положений национального законодательства. Именно

поэтому правовая культура общества является необходимым составным элементом любого развитого государства.

Для российского общества все еще характерно наличие неких элементов правового нигилизма, который негативно сказывается на процессе формирования правовой культуры в стране. Правовая культура будет сформирована только в том случае, когда общество начнет использовать правила, способы, методы в своих целях, во благо общества и государства. Именно тогда можно будет говорить о правовой культуре как существующем явлении.

Литература

1. Бялт В.С. Перспективы становления гражданского общества в Российской Федерации / В.С. Бялт, А.В. Демидов // Ленинградский юридический журн. 2017. № 2(48). С. 47–54.
2. Венгеров А.Б. Теория государства и права / А.Б. Венгеров. М.: Омега-Л, 2012. 608 с.
3. Гранат Н.А. Правосознание и правовое воспитание / Н.А. Гранат // Общая теория государства и права. Академический курс / под ред. М.Н. Марченко. Т. 3: Государство, право, общество / В.В. Борисов и др. М.: Зерцало-М, 2013. 698 с.
4. Ильин И.А. О большевизме и коммунизме; Мученичество: Церковь в советском государстве; Советский Союз — не Россия; О национальном призвании России; Творческая идея нашего будущего / И.А. Ильин // Собрание сочинений : в 10-ти т. / сост., вступит. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1993–1999. Т. 7. 1998. 608 с.
5. Ильин И.А. О войне; Порядок или беспорядок?; Крушение России; Родина и мы; Белая идея; Борьба за Россию / И.А. Ильин // Собрание сочинений : в 10-ти т. / сост., вступит. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1993–1999. Т. 9-10. 1999. 512 с.
6. Каминская В.И. Правосознание как элемент правовой культуры / В.И. Каминская, А.Р. Ратинов // Правовая культура и вопросы правового воспитания : сборник научных трудов. М.: [б. и.], 1974. С. 39–67.
7. Корельский В.М. Теория государства и права : учебник / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Первалова. М.: Инфра-М, 2013. 616 с.
8. Немов Р.С. Психология : в 3 кн. Кн. 1 : Общие основы психологии : учебник / Р.С. Немов ; 6-е изд. М.: Гуманит. изд. центр «Владос», 2013. 688 с.
9. Ромашев Р.А. Правовая культура и правовой нигилизм в молодежной среде / Р.А. Ромашев, Е.Г. Шукшина // История государства и права. 2006. № 2. С. 6–9.

References

1. Byalt V.S. Perspektivy' stanovleniya grazhdanskogo obschestva v Rossiyskoy Federatsii [Prospects of the Civil Society Establishment in the Russian Federation] / V.S. Byalt, A.V. Demidov // Leningradskiy yuridicheskij zhurn. — Leningrad Law Journal. 2017. № 2(48). S. 47–54.
2. Vengerov A.B. Teoriya gosudarstva i prava [The Theory of State and Law] / A.B. Vengerov. Moskva : Omega-L — Moscow : Omega-L, 2012. 608 s.
3. Granat N.L. Pravosoznanie i pravovoe vospitanie [Legal Awareness and Legal Education] / N.L. Granat // Obschaya teoriya gosudarstva i prava. Akademicheskij kurs / pod red. M.N. Marchenko. T. 3 : Gosudarstvo, pravo, obschestvo / Borisov V.V. i dr. Moskva : Zertsalo-M — The General Theory of State and Law. An Academic Course / edited by M.N. Marchenko. Vol. 3 : State, Law, Society / Borisov V.V. et al. Moscow : Mirror-M, 2013. 698 s.
4. Ilyin I.A. O bolshevizme i kommunizme; Muchenichestvo: Tserkov v sovetskom gosudarstve; Sovetskii Soyuz — ne Rossiya; O natsionalnom prizvanii Rossii; Tvorcheskaya ideya nashego buduschego [On Bolshevism and Communism; Martyrdom: the Church in the Soviet State; The Soviet Union Is not Russia; On the National Mission of Russia; The Creative Idea of Our Future] / I.A. Ilyin // Sbranie sochineniy : v 10 t. / sost., vstupid. st. i komment. Yu.T. Lisitsy'. Moskva : Russkaya kniga, 1993–1999. T. 7 — Collection of works : in 10 vol. / compiled, foreword and commentaries by Yu.T. Lisitsa. Moscow : Russian Book, 1993–1999. Vol. 7. 1998. 608 s.
5. Ilyin I.A. O voyne; Poryadok ili besporyadok?; Krushenie Rossii; Rodina i my'; Belaya ideya; Borba za Rossiyu [On War; Order or Disorder?; The Crash of Russia; The Motherland and Us; The White Movement; The

- Struggle for Russia] / I.A. Ilyin // *Sobranie sochineniy* : v 10 t. / sost., vstupil. st. i komment. Yu.T. Lisitsy'. Moskva : Russkaya kniga, 1993–1999. T. 9–10 — Collection of works : in 10 vol. / compiled, foreword and commentaries by Yu.T. Lisitsa. Moscow : Russian Book, 1993–1999. Vol. 9–10. 1999. 512 s.
6. Kaminskaya V.I. *Pravosoznanie kak element pravovoy kultury* [Legal Awareness as an Element of the Legal Culture] / V.I. Kaminskaya, A.R. Ratinov // *Pravovaya kultura i voprosy' pravovogo vospitaniya* : sbornik nauchny'kh trudov. Moskva : [b. i.] — The Legal Culture and Issues of the Legal Education : collection of research works. Moscow : [no publishing house indicated], 1974. S. 39–67.
 7. Korelsky V.M. *Teoriya gosudarstva i prava* : uchebnik [The Theory of State and Law : textbook] / pod red. V.M. Korelskogo, V.D. Perevalova. Moskva : Infra-M — edited by V.M. Korelsky, V.D. Perevalov. Moscow : Infra-M, 2013. 616 s.
 8. Nemov R.S. *Psikhologiya* : v 3 kn. Kn. 1 : *Obschie osnovy' psikhologii* : uchebnik [Psychology : in 3 books. Book 1 : The General Fundamentals of Psychology : textbook] / R.S. Nemov ; 6-e izd. Moskva : Gumanit. izd. tsentr «Vladost» — 6th edition. Moscow : Vladost humanities publishing center, 2013. 688 s.
 9. Romashev R.A. *Pravovaya kultura i pravovoy nihilizm v molodezhnoy srede* [The Legal Culture and the Legal Nihilism among Young People] / R.A. Romashev, E.G. Shukshina // *Istoriya gosudarstva i prava* — History of State and Law. 2006. № 2. S. 6–9.

DOI: 10.18572/1812-3805-2018-10-21-26

К вопросу о содержании договоров на охрану собственности в период 1922–1924 гг. (по материалам Владимирской уездно-городской милиции)

*Ерин Дмитрий Александрович,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
юридического факультета
Владимирского юридического института ФСИН России,
кандидат юридических наук, доцент
dmitry-0333@mail.ru*

В статье рассматривается становление и развитие организационно-правовых основ охраны собственности советской милицией в период начала 20-х гг. XX в. на примере Владимирской уездно-городской милиции. При этом уделяется особое внимание анализу содержания первых договоров на охрану, заключенных Владимирской милицией и руководством предприятий и учреждений города.

Ключевые слова: история РСФСР, история правоохранительных органов, советская милиция, охрана собственности, договор.

On the Content of Property Protection Agreements in 1922 to 1924 (Based on Files of the Vladimir County and City Police)

*Erin Dmitry A.
Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines
of the Law Faculty of the VLI of the FPS of Russia
Candidate of Legal Sciences
Associate Professor*

The article deals with the formation and development of the organizational and legal foundations of the protection of property by the Soviet militia during the period of early twenties of the XX century on the example of the Vladimir urban militia. In this case, a special attention is paid to the analysis of the contents of the first contracts, concluding by Vladimir militia and the leadership of enterprises and city institutions.

Keywords: history of law of the RSFSR, the history of law enforcement agencies, the Soviet militia, the protection of property, contract.

Отечественные исследователи на протяжении длительного времени уделяли значи-

тельное внимание изучению истории становления и развития советской милиции

на всех этапах развития советской государственности. Советская и современная российская историко-правовая наука достаточно подробно осветила практически все аспекты организационно-правового регулирования деятельности советской милиции, в том числе и по защите различных видов и форм собственности¹. И в настоящее время отечественные ученые-юристы в рамках исследования проблем современного правового регулирования охранной деятельности как правоохранительных органов, так и частных охранных структур, так или иначе постоянно обращаются к историческому опыту становления и развития подобной деятельности в советский период существования Российского государства².

Вместе с тем при достаточно подробном освещении места и роли советской милиции в защите собственности в Советском государстве ряд аспектов продолжает оставаться за рамками научных интересов современных отечественных историков-юристов. Среди которых, на наш взгляд, наименее изученными остаются вопросы становления и развития организационно-правовых основ охраны всех видов собственности советской милицией в период начала 20-х гг. XX в. Именно по этой причине более детальное исследование зарождения правового регулирования деятельности по обеспечению охраны как государственного, так и частно-кооперативного имущества советской милицией в условиях новой экономической политики не вызывает сомнения. В частности, наибольший интерес вызывает сам факт нормативного регулирования отношений по поводу охраны собственности с участием советской милиции.

Исходя из того, что основой возникновения правоотношений должен был выступать договор, заключавшийся между органом милиции, с одной стороны, и заинтересованным в охране субъектом, с другой, то необходимо обратить внимание на становление договорных отношений через анализ содер-

жания договоров (соглашений) на оказание милицией услуг по охране предприятий и организаций РСФСР различных форм собственности.

Положение о НКВД РСФСР от 24 мая 1922 г. закрепило за советской милицией функцию охраны государственных учреждений, объектов исключительного значения, фабрик, рудников, а в случае невозможности установления милицейской охраны учреждения и склады, не имевшие общегосударственного значения, могли охраняться вооруженными или невооруженными сторожами³. Поэтому на местах, в рамках деятельности по обеспечению сохранности государственного и иного имущества, руководство территориальных органов милиции, губернские и городские исполкомы были вынуждены самостоятельно решать поставленные задачи.

Важность обеспечения охраны имущества собственников, а именно средних и мелких торговцев-предпринимателей, имевших ларьки, палатки, магазины, склады, обуславливалась тем, что в условиях нэпа именно торговцы-предприниматели обеспечивали практически все городское население республики продуктами питания и товарами ширпотреба. Например, к началу 1923 г. на долю частных торговцев-предпринимателей приходилось 83,4% розничного и 14,5% оптового товарооборота, а население закупало у частных торговцев примерно 1/3 промтоваров и 3/4 предметов крестьянского быта⁴. Следовательно, защита имущества частных-предпринимателей, обеспечивавших население страны значительной частью товаров и продуктов питания от преступных посягательств, становилась важнейшей государственной задачей органов советской милиции.

Вместе с тем правовое регулирование организации охраны предприятий и учреждений силами вооруженных и невооруженных сторожей практически отсутствовало. Подобное положение привело к тому, что по всей республике местные органы советской власти и милиции предпринимали ряд самостоятельных попыток нормативного закрепления организации охраны на возмездной основе.

¹ Мулукаев Р.С. Становление в ОВД функции охраны социалистической собственности // Труды Академии МВД СССР. М. : Академия МВД СССР, 1987. С. 3–10; Мулукаев Р.С., Желудкова Т.И. Развитие деятельности ОВД по охране социалистической собственности. М. : Академия МВД СССР, 1980. С. 5–6, 23–25; и др.

² Шаронов С.А. Динамика договора охраны // Бизнес. Образование. Право. 2014. № 3(28). С. 263–264.

³ Собрание Узаконений РСФСР (далее — СУ РСФСР). 1922. № 33. Ст. 386.

⁴ Бехтерева Л.Н. Советская власть в борьбе с частным торговым капиталом в период нэпа (по материалам Удмуртии) // История государства и права. 2010. № 20. С. 4.

При проведении подобных мероприятий неизбежно возникал вопрос о правовом регулировании возникавших отношений по поводу охраны между милицией и заинтересованной в охране стороной. Кроме того, в условиях реализации новой экономической политики, повлекшей за собой признание всех форм собственности, затронувшей практически все сферы общественной жизни, важность юридического оформления отношений между органами власти и собственниками не вызывала сомнения.

Например, во Владимирской губернии руководством уездно-городской милиции по согласованию с губернским исполкомом в качестве дополнительной структуры, обеспечивавшей охрану складов, хранилищ, государственных, кооперативных и частных предприятий, была учреждена специальная вооруженная охрана. Организация и деятельность этой структуры регламентировалась Положением «О вооруженной охране складов и хранилищ Государственных, Кооперативных и частно-коммерческих предприятий»⁵, утвержденной 5 декабря 1922 г. Положение устанавливало, что в связи с ростом хищений со складов и хранилищ как государственных, кооперативных, так и частно-коммерческих предприятий, «...принимая широкие размеры и грозящие подрывом налаживающейся хозяйственно-товарной стороне Владимирской губернии по согласованию с Губисполкомом, при милиции Владимирской губернии создается независимо от штатного состава милиции Институт вооруженной охраны на началах коммерческого расчета»⁶.

Безусловно, наряду с действующим законодательством, регламентировавшим деятельность милиции, и иными правовыми актами Советского государства, постановлениями и распоряжениями местных органов Советской власти в качестве основного акта, регламентировавшего все аспекты охранной деятельности, должен был выступать договор между органом власти и руководителем предприятия или учреждения, заинтересованным в охране имущества, зданий, помещений, а также товаров. Однако отсутствие у руководства милиции опыта составления подобного рода соглашений приводило к тому, первоначально в 1922 — начале 1923 гг., процедура заключения подобных соглашений, а также принятие итогового акта о принятии под охрану объекта

не были подробно регламентированы, что порождало возникновение различных коллизий.

Например, согласно принятому Положению при получении принципиального согласия от заинтересованного субъекта на формирование вооруженной охраны, а также ознакомления с Положением начальник уездной (городской) милиции предлагал заключить предварительное письменное соглашение, в котором заинтересованная сторона принимала основные условия о передаче под вооруженную охрану своих объектов, давала согласие на предварительное обследование предполагаемого к охране объекта, проведение организационной подготовки. После проведенной подготовительной работы обязывалось сдать под вооруженную охрану с заключением соответствующего договора. Под подготовительной работой подразумевался следующий комплекс мероприятий — совместное с заинтересованной стороной непосредственное обследование предполагаемого объекта охраны, устранение всех недостатков, способных повлиять на качество охраны (ремонт заборов, установка замков, проведение освещения, установка дополнительного ограждения и т.д.), определение количества постов, вида несения службы (караульная или сторожевая), определение количества сторожей исходя из 8-ми часового рабочего дня⁷. После чего начальник милиции осуществлял вербовку кандидатов на должности сторожей, с проведением двухнедельной военной подготовки отобранных лиц.

Причем в случае отказа от вооруженной охраны заинтересованная сторона обязывалась возместить все затраты, понесенные милицией на организационную подготовку. В случае невозможности организации вооруженной охраны конкретного объекта на руководителя милиции возлагалась обязанность в недельный срок известить руководство предприятия с возложением только административной ответственности в случае неуведомления⁸.

Таким образом, необходимость предварительного соглашения выступала в качестве гарантии возмещения возможных убытков, понесенных уездной (городской) милицией при проведении организационной подготовки, тогда как орган милиции никакой материальной ответственности не

⁵ ГАВО. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 124. Л. 55.

⁶ Там же.

⁷ ГАВО. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 124. Л. 55(об).

⁸ Там же. Л. 58.

нес, что фактически закрепляло неравноправие сторон, заключавших подобного рода соглашения и в полной мере отвечало советской правовой доктрине 20-х гг. XX в.⁹

Положение довольно подробно регламентировало вопросы организации вооруженной сторожевой охраны, минимальный и максимальный срок действия договора (от трех до шести месяцев), полномочия должностных лиц милиции по руководству сторожевой охраной, снабжения ее вооружением, а также стоимость охраны, оплату содержания и вещевого довольствия сторожей¹⁰. Кроме того, в положении оговаривалось, что на весь организационный период охраны объектов осуществляют сотрудники милиции¹¹.

По мере развития новой экономической политики в стране увеличивалось количество предприятий частной или кооперативной форм собственности, что соответственно предполагало обеспечение охраны предприятий и учреждений. Во Владимирской губернии рост частных и кооперативных организаций, заинтересованных в охране своего имущества, прослеживался в течение 1923 г. — начале 1924 г., о чем свидетельствует количество заключенных соглашений (договоров) на охрану. Если на 1 января 1924 г. вооруженной сторожевой охраной охранялось девять объектов¹², то только за январь 1924 г. было заключено десять соглашений с различными государственными, кооперативными и частными организациями.

При отсутствии единой общегосударственной политики, закрепленной на уровне единого общегосударственного акта, регламентирующего порядок и возможность оказания охранных услуг на возмездной основе, все соглашения опирались на принятое ранее губернское Положение «О вооруженной охране складов и хранилищ государственных, кооперативных и частно-коммерческих предприятий»¹³, утвержденное 5 декабря 1922 г.

Во всех договорах, заключенных в период января 1924 г., указывались стороны,

заключившие соглашение. С одной стороны, начальник Владимирской уездно-городской милиции, с другой — уполномоченные от Владимирских рядских торговцев. Указывался срок, на который принимались под охрану объекты. В данном случае три месяца. Устанавливался перечень объектов охраны — магазины, а также количество постов и время несения службы (ночное).

В договоре на охрану объектов Владимирских рядских торговцев закреплялись права и обязанности сторон. В частности, милиция брала на себя ответственность за «...твердую и аккуратную охрану сданных... для этой цели предприятий...» в период с 18.00 до 9.00 следующего дня.

Необходимо отметить, что в договорах недостаточно подробно регламентировался объект охраны. Например, если при закреплении обязанностей милиции в договорах по охране магазинов рядских торговцев и склада Владлеспромтопа под охрану вооруженными сторожами принимались магазины и склады без конкретизации, что охраняется, и оговаривалось лишь опломбированное помещение, то в договоре от 21 января 1924 г., с правлением Владимирского Губсоюза, охране подлежала «лавка-павильон с находящимися в ней товарами и инвентарем»¹⁴.

При исследовании содержания договоров необходимо обратить внимание на формулировки, использовавшиеся для характеристики обстоятельств и возможных негативных последствий для одной из сторон. Например, в соглашении «О вооруженной охране магазинов Владимирских рядских торговцев» в случае не выполнения взятых на себя обязательств со стороны милиции, таких как «...несвоевременность и неправильность окарауливания сданных под охрану магазинов, а равно за другие поступки против правил вооруженной охраны...»¹⁵, милиция в лице начальника уездно-городской милиции несла ответственность в административном или судебном порядке. В договоре о вооруженной охране склада Владпромторга, заключенном 21 января 1924 г., ответственность со стороны милиции наступала за «...несвоевременное и непостоянное окарауливание вышеозначенного склада, а равно и за другие нарушения правил о вооруженной охране...»¹⁶.

⁹ Подробнее см.: Ерин Д.А. Договор как основание охраны собственности ведомственной милицией РСФСР в период второй половины 20-х годов XX века // История государства и права. 2012. № 23. С. 30–33.

¹⁰ ГАВО. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 124. Л. 56–57.

¹¹ Там же. Л. 55.

¹² ГАВО. Ф. Р-327. Оп. 4. Д. 517. Л. 17.

¹³ ГАВО. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 124. Л. 55.

¹⁴ ГАВО. Ф. Р-327. Оп. 4. Д. 517. Л. 21, 22, 27.

¹⁵ Там же. Л. 21.

¹⁶ Там же. Л. 22.

Особенностью первых договоров, заключенных владимирской уездно-городской милицией и городскими предпринимателями, выступало то, что договоры не предусматривали прямой и закрепленной материальной ответственности как непосредственно вооруженных сторожей, так и милиции за недобросовестное несение службы охраны, выразившееся в хищениях товаров из охраняемых магазинов.

Однако косвенно вопросы материальной ответственности закреплялись в положении о том, что в случаях краж и ограбления из охраняемых складов рядских торговцев объединение рядских торговцев города Владимира, правление Владпромтопа освобождалось от установленного законодателем процента, взимаемого в пользу уголовного розыска, от суммы разысканного имущества¹⁷. Безусловно, данное положение также противоречило ведомственным актам, так как в приказах Главмилиции Республики никаких оговорок или изъятий в отношении обязательности уплаты процента от разысканного имущества не устанавливалось.

При отсутствии единого требования к способам и формам оплаты услуг каждый договор регламентировал этот аспект произвольно. Например, основываясь на договоре «О вооруженной охране магазинов Владимирских рядских торговцев, заключенном 21 января 1924 г., на представителем заинтересованной в охране стороны возлагалась обязанность своевременно не позднее 20 числа каждого месяца оплачивать содержание вооруженной охраны, тогда как в договоре «О вооруженной охране склада Владпромтопа» дата уплаты стоимости за каждого сторожа устанавливалась как «каждое 20-е число месяца...», договор охраны лавки-павильона Владимирского Губсоюза устанавливал, что оплата осуществлялась «...ежемесячно 10-го числа каждого месяца»¹⁸. Кроме того, если в договоре о вооруженной охране магазинов Владимирских рядских торговцев сумма оплаты устанавливалась как «...300 рублей за вооруженную охрану», то в договоре «О вооруженной охране склада Владпромтопа» — «...по 25 рублей золотом... за каждого сторожа...»¹⁹.

Обращает на себя внимание тот факт, что суммы оплаты за охранные услуги также различались и во многом опирались на финансовые возможности администраций

охраняемых объектов. Например, в договоре об охране объектов Владимирского Губсоюза устанавливалась сумма, взимаемая с организации за содержание в 20 рублей за сторожа, Владимирского отделения Госбанка — 25 рублей, склада Владлеспромтопа — 18 рублей ежемесячно²⁰. Суммы, взимаемые за содержание каждого сторожа, значительно отличались, что объяснялось статусом предприятия или учреждения и его финансовыми возможностями.

Безусловно, подобные несоответствия не носили принципиального характера, что объяснялось становлением практики заключения соглашений на подобные услуги и разрешением издавать собственные акты, однако отсутствие единых требований для всех позволяло произвольно трактовать пункты договоров, что приводило к возникновению спорных ситуаций.

Как правило, договор закреплял полномочия руководства милиции и администрации в сфере организации охраны. При непосредственном руководстве вооруженной охраной со стороны милиции администрация наделялась правом проверки несения службы охраны вооруженных сторожей, однако вмешиваться и тем более руководить ей она не имела полномочий, информируя о недостатках руководство милиции.

Все договоры расторгались по окончании срока действия, либо по взаимному соглашению, либо в случаях «...существенного нарушения одной из сторон договора...». Особое место отводилось основанию «...в случае ликвидации по приказу Центральной власти вооруженной охраны»²¹. Фактически руководство Владимирской уездно-городской милиции, осознавая неоднозначность с точки зрения действовавшего законодательства как формирования подобной охраны, так и, соответственно, заключения соглашений с частно-кооперативными предприятиями на оказание возмездных охранных услуг, допускало возможность прекращения договорных отношений в случае запрета на подобную деятельность со стороны руководства НКВД РСФСР.

Таким образом, необходимо констатировать, что период 1921–1924 гг. характеризовался поиском не только организационных форм, но и юридического оформления возникавших правоотношений между советской милицией и государственными, частно-кооперативными организациями по

¹⁷ ГАВО. Ф. Р-327. Оп. 4. Д. 517. Л. 21 (об).

¹⁸ Там же. Л. 22.

¹⁹ Там же. Л. 21 (об), 22, 27.

²⁰ Там же. Л. 41, 42, 43.

²¹ Там же. Л. 21 (об), 22 (об).

поводу охраны. Кроме того, подобная практика послужила основой для организационно-правового регулирования деятельности ведомственной милиции РСФСР, сформированной для охраны государственных и иных, имеющих государственное значение объектов. Опыт юридического оформления договоров был творчески перера-

ботан и закреплен в период 1924–1925 гг. в Положении о ведомственной милиции РСФСР и иных актах, где содержались единые требования к заключению подобного рода соглашений на охрану предприятий и учреждений всех форм собственности, закрепленных в советском законодательстве начала 20-х гг. XX в.

Литература

1. Бехтерева Л.Н. Советская власть в борьбе с частным торговым капиталом в период нэпа (по материалам Удмуртии) / Л.Н. Бехтерева // История государства и права. 2010. № 20. С. 3–7.
2. Ерин Д.А. Договор как основание охраны собственности ведомственной милицией РСФСР в период второй половины 20-х годов XX века / Д.А. Ерин // История государства и права. 2012. № 23. С. 30–33.
3. Мулукаев Р.С. Развитие деятельности ОВД по охране социалистической собственности. Лекция / Р.С. Мулукаев, Т.И. Желудкова. М. : Академия МВД СССР, 1979. 42 с.
4. Мулукаев Р.С. Становление в ОВД функции охраны социалистической собственности / Р.С. Мулукаев // Труды Академии управления МВД России. 1987. С. 3–10.
5. Шаронов С.А. Динамика договора охраны / С.А. Шаронов // Бизнес. Образование. Право. 2014. № 3 (28). С. 263–264.

References

1. Bekhtereva L.N. Sovetskaya vlast v borbe s chastny'm torgovy'm kapitalom v period nepa (po materialam Udmurtii) [The Soviet Government in the Struggle against Private Commercial Capital within the New Economic Policy Period (Based on Files of Udmurtia)] / L.N. Bekhtereva // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2010. № 20. S. 3–7.
2. Erin D.A. Dogovor kak osnovanie okhrany' sobstvennosti vedomstvennoy militsiyey RSFSR v period vtoroy poloviny' 20-kh godov XX veka [An Agreement as a Ground for Protection of Property by Departmental Police of the RSFSR in the Second Half of the 1920s] / D.A. Erin // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2012. № 23. S. 30–33.
3. Mulukaev R.S. Razvitie deyatel'nosti OVD po okhrane sotsialisticheskoy sobstvennosti. Lektsiya [The Development of Socialist Property Protection Activities of Internal Affairs Agencies. Lecture] / R.S. Mulukaev, T.I. Zheludkova. Moskva : Akademiya MVD SSSR — Moscow : Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1979. 42 s.
4. Mulukaev R.S. Stanovlenie v OVD funktsii okhrany' sotsialisticheskoy sobstvennosti [The Establishment of the Socialist Property Protection Function of Internal Affairs Agencies] / R.S. Mulukaev // Trudy' Akademii upravleniya MVD Rossii — Works of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 1987. S. 3–10.
5. Sharonov S.A. Dinamika dogovora okhrany' [Dynamics of a Protection Agreement] / S.A. Sharonov // Biznes. Obrazovanie. Pravo — Business. Education. Law. 2014. № 3(28). S. 263–264.

DOI: 10.18572/1812-3805-2018-10-27-32

Гражданско-правовая деятельность потребительской кооперации в истории Великой Отечественной войны

*Невлев Владислав Владимирович,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Белгородского университета кооперации, экономики и права,
кандидат юридических наук, доцент
no.pasaran@mail.ru*

Исследованы экономические и правовые проблемы и трудности, с которыми столкнулась кооперация в период Великой Отечественной войны, рассмотрены вклад кооперации в победу над фашизмом, деятельность кооператоров в тылу и на фронте. Большие материальные потери в начале войны, перебазирование заводов на восток страны, переоснащение предприятий на производство военной продукции вызвали потребительский кризис. Правительством было организовано нормированное снабжение специалистов оборонной промышленности, рабочих совхозов, служащих учреждений, интеллигенции, эвакуированного населения. Подразделения потребительской кооперации осуществляли поставки продовольствия на фронт и в тыл. Много сил приложила кооперация, чтобы улучшить через заготовительную деятельность снабжение оборонных заводов, военных госпиталей, жителей освобожденных территорий, больницы, детских учреждений. Важное значение в обеспечении населения питанием сыграли столовые, которые были созданы в структуре областных потребсоюзов. Подразделениям общепита пришлось преодолевать большие трудности, вызванные нехваткой продуктов, транспорта, квалифицированных кадров. Совместно с правоохранительными органами в кооперации велась борьба с хищениями. Потребительская кооперация активно помогала народному хозяйству материальными средствами. На строительство танков и самолетов пайщики и работники потребкооперации из личных средств и отчислений от прибылей собрали фонд обороны 105,2 млн руб., приобрели облигаций на 2 600 млн руб. Многие работники кооперации сражались в рядах Красной Армии. Более ста человек из них были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. За самоотверженный труд в военные годы сотни кооператоров были награждены орденами и медалями.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, Государственный Комитет Оборона, потребительская кооперация, гражданский патриотизм, снабжение продовольствием, правоохранительная деятельность, материальная помощь фронту, военные кооператоры.*

The Civil Law Liability of Consumer Cooperation in the History of the Great Patriotic War

*Nevlev Vladislav V.
Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law
Candidate of Legal Sciences
Associate Professor*

Explores the problems and difficulties faced by cooperation during the war, examines the contribution of cooperation to the victory over fascism, as well as the activities of cooperators in the rear and at the front. Large material losses at the beginning of the war, relocation of factories to the east of the country, re-equipment of enterprises for the production of military products, caused a consumer crisis. Normalized supply was organized for specialists in the defense industry, workers in state farms, employees of institutions, intellectuals, and evacuees. The organizations of consumer cooperatives supplied food to the front and to the rear. A lot of effort was made by the cooperation to organize, through procuring activities, the supply of defense plants, military hospitals, residents of liberated territories, hospitals, and children's institutions. Important catering in the provision of food in wartime was played by canteens, which were created in the structure of regional consumer unions. Catering divisions had to overcome great difficulties caused by a shortage of food, transport, skilled personnel. Consumer cooperation actively helped in the war time to the national economy material means. To build tanks and aircraft, shareholders and employees of consumer cooperation from personal funds and deductions from profits collected 105,2 million rub. for the defense fund, purchased bonds for 2 600 million rub. Many co-workers fought in the ranks of the Red Army. Over one

hundred of them were awarded the high title of Hero of the Soviet Union. For selfless work in the war years, hundreds of cooperators were awarded orders and medals.

Keywords: the Great Patriotic War, State Defense Committee, consumer cooperation, civil patriotism, provision of food, procuring activity, financial aid, military cooperators.

Перед Великой Отечественной войной потребительская кооперация была мощной, юридически оформленной общественной организацией, которая пользовалась популярностью у советского народа и уважением у руководителей страны. На 1 января 1941 г. действовали 32 тыс. потребительских обществ. Численность членов-пайщиков составляла 44 млн человек. В системе имелось два высших учебных заведения, 36 техникумов, 112 кооперативных школ и другие учебные заведения. Успешно развивая свою трудовую и правовую деятельность в довоенный период, кооперация сыграла важную роль в решении задач завершения реконструкции народного хозяйства страны.

С первых дней войны все усилия правительства и советского народа были направлены на перестройку народного хозяйства на военный лад, помощь фронту. Под руководством Государственного Комитета Обороны, созданного в первые дни войны, переход был осуществлен в очень короткие сроки.

В целях наиболее оптимального использования сократившихся рыночных товарных фондов были введены государственное нормирование и контроль за снабжением населения продовольственными и непродовольственными товарами. Численность населения, получавшего продукты по карточкам, почти в два раза превышала контингент, взятый на нормированное снабжение в 1928–1934 гг. В июле 1941 г. были введены карточки на хлеб и сахар, в конце 1941 — начале 1942 гг. — на мясо, рыбу и жиры. Общая цифра граждан, приобретающих в период войны продукты по карточкам, составила около 77 млн человек.

Потребительская кооперация в годы Великой Отечественной войны всю свою работу подчинила задачам военного времени. Она организовала нормированное снабжение сельского населения, не связанного с сельскохозяйственным производством: учителей, врачей, инвалидов Великой Отечественной войны, служащих. Большую помощь в работе потребкооперации этого периода оказывал Алексей Николаевич Косыгин (1904–1980) — заместитель председателя Комитета по эвакуации, в будущем видный государственный деятель, дважды Герой Социалистического Труда, выпуск-

ник Новосибирского кооперативного института¹.

Среди кооператоров под руководством местных организаций проводилась большая политико-воспитательная и правовая работа. Различные ее формы были подчинены общей цели — мобилизовать усилия кооперации на содействие по разгрому ненавистного врага. Кооператоры успешно решали хозяйственно-политические задачи в сложных военных условиях под лозунгом «Все для фронта, все для победы!» Патриотический подъем выразился проявлением в трудовых делах, в организации материальной помощи фронту, проведении воскресников, сбора средств на постройку военной техники, теплых вещей и подарков для фронтовиков, правовой заботе о детях-сиротах и инвалидах Великой Отечественной войны.

Широкой волной развернулось среди работников кооперативных организаций и предприятий социалистическое соревнование за расширение поставок Красной Армии и оборонной промышленности продовольствия и сырья, наибольшее вовлечение в товарооборот местных товарных ресурсов, лучшее обслуживание населения, максимальную экономию кооперативных средств, соблюдение трудовой и правовой дисциплины.

Кооперативные организации шефствовали над госпиталями, организовывали при них курсы по подготовке плановиков, бухгалтеров и других профессий, помогая инвалидам войны приобрести доступную им специальность. В Сибири и Казахстане распределяли раненых бойцов по домам, когда госпитали были заняты или переполнены. При промышленных предприятиях нашей страны, на транспорте вновь были созданы ОРСы, сыгравшие большую роль в снабжении рабочих. Дополнительным источником снабжения населения продуктами питания являлась колхозно-базарная торговля. С апреля 1944 г. была организована коммерческая торговля, цены в которой в ходе войны неоднократно понижались².

¹ Вместе ради будущего. 170 лет потребительской кооперации России. М. : ИД Центросоюза, 2001. 350 с.

² Звягина Н.Е. Потребительская кооперация в годы Великой Отечественной войны // Наука

Особое значение в пополнении товарных ресурсов для фронта отводилось заготовительной деятельности потребительской кооперации. Первоначальное значение придавалось закупке у колхозов и сельского населения зерновых культур и картофеля. Была организована заготовка картофеля, овощей, яиц, мяса, птицы, меда. Сушеной продукции отводилось важное место в объеме поставок продовольствия армии и флоту. Чтобы лучше сохранить и облегчить транспортировку заготовленной продукции, на предприятиях потребительской кооперации производили сушку овощей и картофеля в специально построенных сушильных заводах, сушилках упрощенного типа и в крестьянских печах. За один лишь 1944 г. кооперативными организациями было передано на фронт 17 тыс. тонн сушеных овощей и картофеля — в 5 раз больше, чем в 1940 г. Кроме сушки были широко организованы квашение и засолка овощей. В 1943 г. кооператоры заготовили 13 тыс. тонн сушеных грибов. Все это поставлялось на фронт и в военные госпитали. Возросли заготовки для фармацевтической промышленности дикорастущей продукции, особенно шиповника, лекарственных трав и растений.

Заготовительные конторы потребительской кооперации покупали у населения пух, перо, меха, кожу, кленовые и березовые соки. Специальный контроль осуществлялся за заготовкой лома черных и цветных металлов, который считался оборонным сырьем. Потребительская кооперация являлась крупным поставщиком пушнины, из которой шилась одежда бойцам Советской Армии, а часть ее шла на экспорт. К заготовкам массово привлекались школьники и взрослое население. Помимо заготовок и закупок кооперативные организации проводили сборы от населения сельскохозяйственной продукции в фонды обороны и помощи эвакуированным. Трудно оценить всю важность заготовительной деятельности, если учесть трудности военного времени.

В результате активизации работы рыболовецких артелей увеличился улов рыбы, особенно в районах Сибири и Дальнего Востока. В этих регионах развернула широкую деятельность рыболовецкая потребительская кооперация, обслуживающая рабочих и

служащих рыбной промышленности, рыбаков-колхозников³.

Важное значение для получения дополнительных продуктов питания имело создание подсобных хозяйств при потребительских обществах и их районных союзах, в которых выращивалась сельскохозяйственная продукция, осуществлялось разведение крупного рогатого скота, свиней, домашней птицы, кроликов, содержались молочные фермы. В подсобных хозяйствах потребительской кооперации насчитывалось 56 тыс. голов крупного рогатого скота, 78 тыс. овец и коз, около 40 тыс. свиней и 100 тыс. домашней птицы.

В условиях войны потребительская кооперация значительно расширила деятельность собственного производства. За 1943–1945 гг. предприятиями потребительской кооперации изготовлено для нужд фронта 1,2 млн пар валенок, 3,5 млн пар рукавиц и носков, 2,9 тыс. тонн мыла. Кооперативные организации выпускали для фронтовых и тыловых нужд швейные и трикотажные изделия, сельскохозяйственный инвентарь, телеги, сани, шорные изделия, строительные материалы (кирпич, известь). За два последних военных года предприятия потребительской кооперации выпустили товаров на 570 млн руб., что составило 10% розничного кооперативного товарооборота.

Потребительская кооперация осуществляла массовую торговлю по закупкам. Продавались промышленные товары сельским жителям и колхозам в порядке встречного обмена и специального отоваривания под сдаваемые государству сельскохозяйственные продукты. Продажа товаров осуществлялась через стационарные магазины и развозную торговую сеть. Расширилась сеть бытовых предприятий — прачечных, парикмахерских и других. К концу войны их было свыше четырех тысяч.

Значительное развитие получило общественное питание. Перед войной предприятия такого типа обслуживали 10–11 млн человек, а в 1944 г. — 25 млн. Количество столовых общепита в кооперативных организациях системы Центросоюза в 1942 г. увеличилась по сравнению с 1940 г. на 44%, а их товарооборот — на 45%. Значительная часть предприятий общественного питания перешла на закрытые формы торговли и обслуживала рабочих машинно-тракторных станций (МТС), колхозников на заготовительных пунктах, членов рыболовецких

и кооперация: взгляд молодых исследователей : материалы Междунар. студ. науч. конф., 17–19 апреля 2012 г. : в 3-х ч. Белгород : Изд-во БУКЭП, 2012. Ч. 1. С. 347–352.

³ Меркулова А.С. История потребительской кооперации : учебное пособие. М. : Экономика, 1970. 85 с.

артелей и работников предприятий рыбной промышленности, инвалидов войны, эвакуированных и других⁴.

Кооперация в тесном союзе с милицией и другими правоохранительными органами вела активную борьбу со спекуляцией, хищениями народной и кооперативной собственности, продуктов, дефицитных товаров, особенно в прифронтовой полосе и освобожденных районах.

На временно оккупированной врагом территории страны осталось больше половины предприятий потребительской кооперации. Их товароборот до войны имел около 48% всего розничного кооперативного оборота. Во время боевых действий в оккупированных областях было полностью уничтожено 44,4% торговой сети — 345 тыс. кооперативных магазинов, складов, оптовых баз; частично разрушено 24,6 тыс. торговых предприятий. Были разграблены и уничтожены лучшие районные универмаги, оптовые базы, построенные перед войной и оснащенные передовым в ту пору оборудованием. Общая величина ущерба потребительской кооперации превысила 6 млрд руб. Огромный ущерб понесли организационные структуры потребительской кооперации. На временно оккупированных территориях прекратили деятельность более 17 тыс. потребительских обществ и 1 688 районных союзов — половина имевшихся до войны.

После освобождения захваченных территорий от гитлеровских оккупантов началось восстановление порушенного войной хозяйства потребительских обществ и их союзов. Кооператоры заново начинали работу пекарен, столовых и магазинов. Особые трудности были из-за нехватки складских помещений и транспорта. Имевшихся складов значительно не доставало для хранения товаров, которые доставлялись из специальных фондов Центросоюза. Автомашин и гужевого транспорта не хватало не только для поставки грузов, но и для вывоза заготовленного сырья из глубинных районов. Лишь 13% грузовых машин от довоенного их числа осталось у кооператоров⁵.

В августе 1943 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах,

освобожденных от оккупации»⁶. Приступили к возрождению своего хозяйства и кооперативные организации, большую помощь им оказывали союзы потребительских обществ восточных районов. Возрождение частью разрушенных и строительство новых магазинов шло медленно. Не доставало денежных средств, стройматериалов, рабочих рук. Поэтому к 1 июня 1945 г. торговая сеть потребительской кооперации составляла только чуть более половины (53%) предвоенного уровня. Так как фонды промышленных товаров потребкооперации составляли в 1945 г. лишь 15,6% от довоенного объема, недостаток торговых площадей ощущался не очень остро, но потребности в них росли.

Кооператоры использовали все возможности, чтобы быстрее восстановить разрушенное. Им помогли кооперативные организации Сибири, Казахской, Грузинской, Азербайджанской, Узбекской и других союзных республик. В возрождающиеся районы направлялись опытные руководители и специалисты, поставлялись материалы, продовольствие, товары и деньги. Центросоюз выделял потребсоюзам освобожденных районов безвозмездные ссуды на восстановление торговой сети и другого кооперативного хозяйства. Из числа кооператоров на освобожденных территориях создавались отряды самообороны, которые вели работу по выявлению преступных элементов, шпионов, бывших полицейских и других прислужников фашизма. Многие женщины из кооперации были призваны на службу в милицию.

Если говорить о юридической природе потребительской кооперации военного времени, то она имела публично-правовую организацию. Для ее работников устанавливалась уголовная ответственность за совершенные преступления. Служащие кооперации приравнивались к государственным служащим. Они обладали всеми признаками должностного лица и привлекались к уголовной ответственности за совершение должностных преступлений наравне с государственными служащими.

Эту громадную ношу в войну вынесли на своих плечах в основном женщины, численность которых в общем числе работников потребительской кооперации возросла с 20% в 1940 г. почти до 70% в 1945 г. На фронт ушли наиболее квалифицированные и опытные кадры потребительской кооперации. Миллионы работников кооперации с ору-

⁴ Макаренко А.П. Теория и история кооперативного движения : учебное пособие. М. : ИВЦ «Маркетинг», 2002.

⁵ Теплова Л.Е. Теория и история потребительской кооперации : учебник. Белгород: Изд-во БУПК «Кооперативное образование», 2007. 432 с.

⁶ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1929–1945 годы. Т. 2. Госполитиздат, 1957. С. 765–802.

жием в руках на фронтах войны и в партизанских отрядах отстаивали независимость нашей родины, многие из них пали смертью храбрых. Среди них — студентка Московского института советской кооперативной торговли Вера Волошина, которая добровольно ушла на фронт и в ноябрьскую ночь 1941 г. героически погибла. Имя Веры Волошиной навечно занесено в списки студентов экономического факультета Московского кооперативного института. Более 100 кооператорам присвоено звание Героя Советского Союза, сотни тысяч были награждены боевыми орденами и медалями. Многие из них стали полными кавалерами орденов Славы.

Советское правительство высоко оценило труд работников потребительской кооперации. В декабре 1944 г. свыше 600 работников кооперативных организаций и предприятий системы Центросоюза были награждены орденами и медалями. 370 организаций и предприятий, добившихся наилучших успехов в социалистическом соревновании, были — грамотами Центросоюза и ЦК профсоюза работников потребительской кооперации. Ряду предприятий и организаций были переданы на постоянное хранение переходящие Красные знамена Государственного Комитета Обороны, ВЦСПС и Центросоюза⁷.

⁷ Меркулова А.С. Указ. соч.

О знаменитых белгородских кооператорах-фронтовиках известно следующее. Ефим Васильевич Новиков (1906–1962) — Герой Советского Союза, до войны работал председателем правления Успенского и Староивановского сельпо Волоконовского района. После войны вернулся в п. Волоконовку, работал председателем колхоза, много лет возглавлял местный райпотребсоюз. Дмитрий Данилович Ивлев (1914–1998) — Герой Советского Союза, до войны работал заместителем председателя Прилепинского сельпо Чернянского района. Василий Тихонович Цыбульник (1914–1979) — полный кавалер орденов Славы, после окончания войны вернулся в г. Грайворон, работал в заготконторе Грайворонского райпо. В подразделении потребкооперации области трудилось еще много заслуженных фронтовиков-орденоносцев⁸.

Белгородские кооператоры, как и все работники потребительской кооперации страны, с достоинством исполнили во время тяжелой войны свой гражданский долг и правовые обязанности перед Родиной, были истинными патриотами своей Отчизны, помогали на фронте и в тылу приближать Великую Победу.

⁸ Невлев В.К. Правовая деятельность российской кооперации: исторические страницы : учебное пособие. Белгород : Изд-во БУКЭП, 2017. 121 с.

Литература

1. Звягина Н.Е. Потребительская кооперация в годы Великой Отечественной войны / Н.Е. Звягина // Наука и кооперация: взгляд молодых исследователей : материалы Международной студенческой научной конференции (г. Белгород, 17-19 апреля 2012 г.) : в 3-х ч. : сб. науч. тр. Белгород : БУКЭП, 2012. Ч. 1. С. 347–352.
2. Макаренко А.П. Теория и история кооперативного движения : учебное пособие / А.П. Макаренко. М. : ИВЦ Маркетинг, 2002. 328 с.
3. Меркулова А.С. История потребительской кооперации : учебное пособие / А.С. Меркулова. М. : Экономика, 1970. 85 с.
4. Невлев В.К. Правовая деятельность российской кооперации: исторические страницы : учебное пособие / В.К. Невлев. Белгород : Изд-во БУКЭП, 2017. 121 с.
5. Теплова Л.Е. Теория и история потребительской кооперации : учебник / Л.Е. Теплова. Белгород : БУПК «Кооперативное образование», 2007. 432 с.

References

1. Zvyagina N.E. Potrebiteľskaya kooperatsiya v gody' Velikoy Otechestvennoy voyny' [The Consumer Cooperation in the Years of the Great Patriotic War] / N.E. Zvyagina // Nauka i kooperatsiya: vzglyad molody'kh issledovateley : materialy' Mezhdunarodnoy studencheskoy nauchnoy konferentsii (g. Belgorod. 17–19 aprelya 2012 g.) : v 3-kh ch. : sb. nauch. tr. Belgorod : BUKEP, 2012. Ch. 1 — Science and Cooperation: a View of Young Scientists : files of the International Student Scientific Conference (Belgorod. April 17 to 19, 2012) : in 3 parts : collection of scientific works. Belgorod : Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, 2012. Part 1. S. 347–352.
2. Makarenko A.P. Teoriya i istoriya kooperativnogo dvizheniya : uchebnoe posobie [The Theory and History of the Cooperative Movement : textbook] / A.P. Makarenko. Moskva : IVTs Marketing — Moscow : Marketing information and innovation center, 2002. 328 s.

3. Merkulova A.S. Istoriya potrebitelskoy kooperatsii : uchebnoe posobie [The History of the Consumer Cooperation : textbook] / A.S. Merkulova. Moskva : Ekonomika — Moscow : Economics, 1970. 85 s.
4. Nevlev V.K. Pravovaya deyatelnost rossiyskoy kooperatsii: istoricheskie stranitsy' : uchebnoe posobie [Legal Activities of the Russian Cooperation: Pages of History : textbook] / V.K. Nevlev. Belgorod : Izd-vo BUKER — Belgorod : publishing house of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, 2017. 121 s.
5. Teplova L.E. Teoriya i istoriya potrebitelskoy kooperatsii : uchebnik [The Theory and History of the Consumer Cooperation : textbook] / L.E. Teplova. Belgorod : BUPK «Kooperativnoe obrazovanie» — Belgorod : Belgorod University of Consumer Cooperation. Cooperative Education, 2007. 432 s.

DOI: 10.18572/1812-3805-2018-10-32-37

Вопросы торгово-предпринимательской деятельности на Курильских островах в законодательстве Российской империи 1740-х — начала 1790-х годов

*Потапова Наталья Владимировна,
профессор кафедры российской и всеобщей истории
Сахалинского государственного университета,
доктор исторических наук
narpotapova@yandex.ru*

В статье рассматривается развитие законодательства Российской империи, регламентировавшего хозяйственную деятельность на Курильских островах. Исследование охватывает период, когда русские купцы и промышленники играли главную роль в открытии и изучении Курильских островов, включении их в состав Российской империи, в ее экономическую систему.

Ключевые слова: Курильские острова, Российская империя, торговля, пушнина, ясак.

Issues of Trade and Business Activities on the Kuril Islands in Laws of the Russia Empire in the 1740s to the Early 1790s

*Potapova Natalya V.
Professor of the Department of the Russian and World History of the Sakhalin State University
Doctor of History*

The article deals with the development of the legislation of the Russian Empire regulating economic activity in the Kuril Islands. The study covers the period when Russian merchants and industrialists played a major role in the discovery and study of the Kuril Islands, their inclusion in the Russian Empire, in its economic system.

Keywords: Kuril Islands, Russian Empire, trade, furs, yasak.

Важнейшим стимулом в продвижении россиян на Тихоокеанский север, в частности на Курильские острова, активизировавшемся в XVIII в., были экономические соображения, прежде всего — перспективы торговли мехами. Современные исследователи справедливо подчеркивают значимость деятельности торговцев в северо-восточной части Тихого океана в качестве катализатора для включения региона в капиталисти-

ческую мировую экономическую систему¹. До Нерчинского договора 1689 г. с Китаем меха, собранные россиянами, шли в основном на европейские рынки. После договора Китай стал основным местом для

¹ Ravalli R. Sea Otter Islands: Geopolitics and Environment in the East Asian Fur Trade // Asia Pacific: Perspectives. URL: <http://www.pacificrim.usfca.edu/research/perspectives>

сбыта меха российскими промышленниками, что объясняется очень высокими ценами, установленными на азиатском рынке на мех калана (морского или камчатского бобра). Стимулом к развитию пушного промысла стало подписание в 1728 г. Кяхтинского договора между Российской империей и Китаем², который дал возможность России вести торговлю в Пекине путем отправки раз в три года каравана численностью не более 200 человек и открыл беспощадную пограничную торговлю в Кяхте и Нерчинске (урочище Цурухайту)³. Правительство понимало необходимость поощрения деятельности купцов и промышленников. Промыслы приносили казне большие доходы в виде пошлины. Кроме того, они расширяли территорию Российской империи, поскольку добыча пушнины сопровождалась приведением в русское подданство жителей тех мест, где добывают меха. Ясак с новых подданных также поступал в казну.

Продвижение русских промышленников по Курильским островам с севера, через Камчатку, активизируется с 1740-х гг. XVIII в. После экспедиции М.П. Шпанберга 1738–1739 гг. начинается новый период истории Курильских островов, русские начинают все более тесно взаимодействовать с их жителями, вступая с ними в торгово-обменные отношения, собирая с них ясак. Одновременно обложение коренного населения Курильских островов, айнов, ясаком на этом этапе было и главным способом определения принадлежности островов Российской империи. После обследования Курильских островов отрядом М.П. Шпанберга по предложению участника Второй Камчатской экспедиции Г.В. Стеллера туда допускались только сборщики ясака. В этот период частным лицам было строго запрещено посещать жителей Курильских островов и выменивать у них мех калана. Природа деятельности айнов, как и коренных народов Севера, требовала циклических перемещений. Перемещения айнов с острова

на остров, с одной стороны, как и излишнее усердие сборщиков ясака с другой, привели в исследуемый период к проблеме их двойного учета и двойного обложения ясаком. Непомерные подати и жестокость сборщиков ясака заставили айнов бежать за проливы на Симушир, Уруп и мелкие островки⁴. Так образовалась особая категория островитян, которая именовалась «сошлыми» айнами.

У местных российских чиновников в этот период было две основных задачи в отношении Курильских островов и их жителей: во-первых, возвращение «сошлых», так как росла ясачная недоимка у приведенного в российское подданство населения Северных Курильских островов и, во-вторых, распространение российского влияния на южную часть Курильских островов и их население — «мохнатых курильцев». Решить поставленные задачи силами сборщиков ясака, вызывавших у айнов стойкую неприязнь, очевидно, уже не представлялось возможным. С 1753 г. сборщики ясака перестали посылать на Курилы. Местная администрация решила использовать для этих целей авторитетных айнских лидеров. «Во избежание затруднений, какая встречали сборщики в отыскании по островам ясачных, а более по желанию самих курильцев отвратить нахальство сборщиков, предоставлено тоену самому собирать ясаки на Курильских островах»⁵. Впрочем, айнские вожди так же, как и сборщики ясака, не смогли решать задачи государственной важности.

Идеи о необходимости использования частной инициативы в государственных целях высказывались А.И. Чириковым, А.М. Шпанбергом. Ф.И. Соимонов, ставший в 1757 г. Сибирским губернатором, изучив рапорт А.М. Шпанберга, представил в Сенат записку «О позволении купцам собственным их иждивением открывать Курильские острова». Обращая внимание Сената на почти полное отсутствие информации о Японии и необходимости сбора ясака с населения Курильских островов, он в 1761 г. сделал представление о необходимости «во избежание расходов на новые экспедиции, дозволения промышленным ходить на Курильские острова до последнего»⁶.

² 1727 г., октября 21. Кяхтинский договор о политических и экономических взаимоотношениях между Россией и Китаем. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1680-1700/Rus_kit_dog_prav_akt/1-20/5.htm

³ Фактически основным местом торговли стала Кяхта (Мясников В.С. Заключение Кяхтинского договора 1728 г. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVIII/1720-1740/Russ_kit_otn_18_v_III/pred.htm).

⁴ Полонский А.С. Курилы // Краеведческий бюллетень. 1994. № 3. С. 48.

⁵ Там же. С. 50.

⁶ Там же. С. 52.

В столице также осознавали, что государству не под силу нести расходы по изучению, освоению и закреплению за Российской империей островов на Дальнем Востоке. 24 августа 1761 г. указ Сената разрешил купцам промысел зверя на Курильских островах. В указе подчеркивалось: «Для улова... зверей, так и для обыскания вновь таких островов, где звери рождаются, ездить дозволить всем тем, кто пожелает, с таким притом подтверждением, чтоб они соседственным к тем островам местам никаких обид не чинили и поступали ласково и дружелюбие оказывали, стараясь далее разведывать тамошнее состояние и коммерческие промыслы...»⁷.

В этот период государство готово было использовать купцов и промышленников не только с целью сбора ими ясака и сбора с них пошлин от меховой торговли, но и для изучения и новых территорий и населявших их коренных народов, картографирования, а также для попыток установить торговые отношения с японцами на Курильских островах. Решению этих задач, а также в целом закреплению прав Российской империи на Курильские острова способствовали плавания, предпринятые купцами П.С. Лебедевым-Ласточкиным и Г.И. Шелиховым⁸ в 1775–1779 гг.⁹. Фактически в этот период, в нарушение Указа Екатерины II 1762 г., упразднившего монополии¹⁰, Главный командир Камчатки, премьер-майор К.М. Бем предоставил Лебедеву-Ласточкину и Шелихову временную монополию на промысел меха и торговлю на Курилах, запретив до завершения экспедиции посещение островов всем другим русским судам¹¹. Иркутский губернатор Ф.Г. Немцов в январе 1779 г. написал хода-

тайство генерал-прокурору Сената князю А.А. Вяземскому о запрещении купцам посещать Курильские острова, «ябъясаченные» П.С. Лебедевым-Ласточкиным. Он сообщал об огромных материальных затратах купца на Курильские экспедиции (более 70 тысяч руб.), о гибели его судов, перспективах развития торговли с японцами, успехах приведения мохнатых (до 1 500 человек) в подданство и предлагал, «дабы успехами его не воспользовались другая компания и не повредили начатому делу, на одно то время, пока те народы в подданстве утвердятся, другим компаниям ходить на острова воспретить»¹².

Издание 30 апреля 1779 г. Указа Екатерины II Сенату об освобождении от податей населения Курильских островов, принявшего российское подданство, стало закономерным следствием «просвещенного» правления Екатерины II. Он гласил: «Ея и. в. повелевает приведенных в подданство на дальних островах мохнатых курильцов оставить свободными и никакого сбора с них не требовать, да и впредь обитающих тамо народов к тому не принуждать, но стараться дружелюбным обхождением и ласковостию для чаемой пользы в промыслах и торговле продолжать заведенное уже с ними знакомство»¹³.

Запрет Ф.Г. Немцова «ходить на дальние Курильские о-ва другим купцам, кроме Лебедева-Ласточкина» императрица повелела отменить, так как «манифестом 1762 июля 31 все монополии уничтожены», «дозволяя всем желающим на те острова безпрепятственно ходить для промыслов и произведения с живущими там народами торгова, с такими однакож добрыми намерениями, как выше сказано, чтобы тех народов ничем не утеснять»¹⁴. Утешением П.С. Лебедеву-Ласточкину должно было стать известие о награждении его 18 апреля 1779 г. медалью за организацию плавания

⁷ Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сборник документов. М. : Наука; Главная редакция восточной литературы, 1989. С. 59.

⁸ В источниках и литературе может встречаться и другое написание — Шелехов.

⁹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1264. Оп. 1. Д. 577. Л. 3–7.

¹⁰ Именной Указ Екатерины II «О разных постановлениях касательно торговли» от 31 июля 1762 г. // ПСЗРИ. Собрание (1649–1825) : Т. 16 (28 июня 1762–1764) : Законы (11582–12301). С. 31–38. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php

¹¹ Lensen G.A. The Russian Push toward Japan: Russo-Japanese Relations, 1697–1875. N.Y. : Octagon Books, 1971. P. 86.

¹² Полонский А.С. Курилы // Краеведческий бюллетень. 1994. № 4. С. 12.

¹³ 30 апреля 1779 г. Именной Указ «О невзимании никаких податей с приведенных в подданство курильцев» // ПСЗРИ. Первое собрание (1649–1825). Т. XX. № 14867. С. 814. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения 14.06.2017); Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сборник документов. С. 182.

¹⁴ Полонский А.С. Курилы // Краеведческий бюллетень. 1994. № 4. С. 12.

на Курильские острова¹⁵. Указ Сената 12 сентября 1788 г. подтвердил «накрепко вообще всем промышленникам касательно Курильских островов» запрет на сбор ясака¹⁶.

К середине 1780-х гг. Курильские острова практически лишились своего значения для российских промышленников: ясак больше не мог собираться с айнов; землетрясения 1780 г. спугнули бобров, которые покинули места промысла на островах; острова больше не могли рассматриваться как возможный торговый мост, посредник в торговле с Японией, так как очевидным стало нежелание Японии нарушать свою изоляцию. По данным А.С. Полонского, «истратив на японскую экспедицию до 100 тыс. собственных денег и задолжав казне 8 754 руб., кроме процентов, Лебедев решился обратиться наконец всю свою деятельность на производство промыслов на Алеутских островах и Американских берегах, чтобы выгодами от них возместить прежняя свои потери»¹⁷. После огромных потерь Лебедева-Ласточкина надежды на частный капитал при организации экспедиции в Японию возлагать уже было нельзя, рассчитывать можно было только на правительственные финансы¹⁸.

Вскоре на Севере Тихого океана происходят события, заставившие правительство Российской империи вновь обратить внимание на свои дальние северо-восточные границы. В 1778–1779 гг. у берегов русских тихоокеанских владений появились два судна Третьей Тихоокеанской экспедиции Джеймса Кука¹⁹. На рубеже 1780–1790-х гг. активность иностранных судов на Севере Тихого океана возросла: к английским промышленникам добавляются американцы, францу-

зы, шведы, о чем обеспокоенно сообщали Г.И. Шелихов, Иркутский генерал-губернатор И.А. Пиль²⁰. В этих условиях политически было важно резко расширить сферу действий русских промысловых экспедиций и оградить их от происков возможных соперников, усилив военное присутствие России в регионе и закрепив за собой уже описанные и осваиваемые русскими территории, в частности и Курильские острова.

В конце 1786 г. президенту Коммерц-коллегии А.Р. Воронцову была представлена записка генерал-майора П.А. Соимонова об организации пушного промысла и торговли с другими государствами на островах Тихого океана²¹. Говоря с беспокойством о начале коммерческой деятельности англичан в регионе, он писал, что их деятельность угрожает как интересам русского государства, так и промышленников²². Беспокойство по поводу активизации иностранцев на северо-востоке заставило графа А.Р. Воронцова и графа А.А. Безбородко после ознакомления с запиской Соимонова представить в конце 1786 г. записку Екатерине II о правах России на острова и земли, открытые русскими мореплавателями в Тихом океане, и необходимости объявления об этом морским державам. Авторы, говоря об опасной для российских интересов активизации англичан, перечислив земли и острова, включая Курильские, принадлежащие России «на праве первого их россианами открытия», и напоминая о расходах государства и промышленников на открытие этих островов, просили, «чтобы о присвоении Россиею тех островов с высочайшего вашего повеления объявлено было чрез российских министров при дворах всех морских европейских держав, что сии открытый земли Россиею не могут иначе и признаваемы быть, как империи вашей принадлежащими»²³.

Итогом развития этой ситуации стало появление 22 декабря 1786 г. двух указов Екатерины II. Указ Коллегии иностранных дел о сохранении права России на земли и острова, открытые русскими мореплавателями в Тихом океане гласил: «По случаю покушения со стороны аглинских торговых промышленников на производство торгу и промыслов звериных на Восточном море... повелеваем нашей Коллегии иностранных дел все тут представленное к сохранению права нашего

¹⁵ Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сборник документов. С. 182.

¹⁶ 12 сентября 1788 г. Указ Сената «О пожаловании золотыми медалями и серебряными шпагами купцов Голикова и Шелехова, за открытие островов в Восточном море; о воспреещении промышленникам заводить ссоры с китайцами и вообще касаться островов, под владением других держав состоящих, и о недозволении купцам собирать поборы, законной властью не установленные» // ПСЗРИ. Собрание (1649–1825). Т. 22 (1784–1788). Законы (15902–16738). № 16.709. С. 1105–1106. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения 14.06.2017).

¹⁷ Полонский А.С. Курилы // Краеведческий бюллетень. 1994. № 4. С. 19.

¹⁸ Lensen G.A. Указ. соч. Р. 94.

¹⁹ Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сборник документов. С. 183–188.

²⁰ Там же. С. 261–264.

²¹ Там же. С. 225–228.

²² Там же. С. 226.

²³ Там же. С. 229, 231.

на земли, мореплавателями российскими открытй, произвестъ в действо...»²⁴. Указ Екатерины II Адмиралтейств-коллегии об отправке эскадры в Тихий океан для охраны российских владений²⁵ повелевал для плаванья между Камчаткою, Япониею и западными американскими берегами «вооружить и отправить из Балтийскаго моря небольшую эскадру, состоящую из четырех вооруженных судов, как бы в состоянии были в сохранение права на земли, российскими мореплавателями открытыя на Восточном море, утвердить и защитить торги по морю между Камчаткою и западными американскими берегами лежащему, яко собственно и единственно к Российской державе принадлежащие...»²⁶. Очевидно, что в этот период было осуществлено формальное присоединение к Российской империи всех Курильских островов, в том числе их южной части. Однако эти права на острова не были закреплены ни в двустороннем русско-японском, ни в каком-либо международном соглашении России с другими государствами, кроме того, власти России не смогли наладить регулярный административный контроль над Южными Курилами²⁷.

²⁴ Русские энциклопедии по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сборник документов. С. 232.

²⁵ Там же. С. 232–233.

²⁶ Там же. С. 233.

²⁷ Черевко К.Е. Территориально-пограничные вопросы во взаимоотношениях России и СССР с Японией : дис. ... д-ра ист. наук. М., 1992. С. 181.

Экспедиция А.К. Лаксмана 1792–1793 гг., организованная по инициативе академика К.Г. Лаксмана, была предпринята с целью «открытия» Японии для торговли с Россией, она стала важным событием, первым официальным контактом Российской и Японской империй, но так не привела к желанному установлению торговых отношений с Японией. К середине 1790-х гг. со смертью Екатерины II, К.Г. Лаксмана, Г.И. Шелихова возникло временное затишье в «курильском вопросе», в вопросе движения в сторону Японии к югу по Курильским островам.

Таким образом, вопросы торгово-предпринимательской деятельности на Курильских островах в 1740-х — начале 1790-х гг. рассматривались во всех правовых актах, связанных с Курильскими островами. В исследуемый период выполнение государственных задач закрепления за Россией Курильских островов и попытка налаживания торгового обмена с Японией возлагалась преимущественно на русских купцов и промышленников, представлявших нарождающиеся на окраинах Российской империи капиталистические отношения и олицетворявших своей деятельностью включение Российской империи в мировую экономическую систему. Купцы и промышленники выполняли и функцию сборщиков ясака, распространяя на курильских айнов российское подданство, картографировали и описывали Курильские острова, создав тем самым возможность для включения всех Курильских островов в состав Российской империи.

Литература

1. Полонский А.С. Курилы / А.С. Полонский // Краеведческий бюллетень. 1994. № 3. С. 3–86.
2. Полонский А.С. Курилы / А.С. Полонский // Краеведческий бюллетень. 1994. № 4. С. 3–105.
3. Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / Ю. Слезкин. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.
4. Черевко К.Е. Территориально-пограничные вопросы во взаимоотношениях России и СССР с Японией : дис. ... д-ра истор. наук / К.Е. Черевко. М., 1992. 419 с.
5. Lensen G.A. The Russian Push toward Japan: Russo-Japanese Relations, 1697–1875 / G.A. Lensen. NY : Octagon Books, 1971. 553 p.
6. Ravalli R. Sea Otter Islands: Geopolitics and Environment in the East Asian Fur Trade / R. Ravalli // Asia Pacific: Perspectives. 2010. June. V. IX. № 2. P. 27–35.

References

1. Polonsky A.S. Kurily' [The Kuril Islands] / A.S. Polonsky // Kraevedcheskiy byulleten — Bulletin of Regional History. 1994. № 3. S. 3–86.
2. Polonsky A.S. Kurily' [The Kuril Islands] / A.S. Polonsky // Kraevedcheskiy byulleten — Bulletin of Regional History. 1994. № 4. S. 3–105.
3. Slezkin Yu. Arkticheskie zerkala: Rossiya i maly'e narody' Severa [Arctic Mirrors. Russia and the Small Peoples of the North] / Yu. Slezkin. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie — Moscow : New Literary Overview, 2008. 512 s.

4. Cherevko K.E. Territorialno-pogranichny'e voprosy' vo vzaimootnosheniakh Rossii i SSSR s Yaponiei : dis. ... d-ra istor. nauk [Territorial and Border Issues in Interrelations of Russia and the USSR with Japan : thesis of ... Doctor of History] / K.E. Cherevko. Moskva — Moscow, 1992. 419 s.
5. Lensen G.A. The Russian Push toward Japan: Russo-Japanese Relations, 1697–1875 / G.A. Lensen. New York : Octagon Books, 1971. 553 s.
6. Ravalli R. Sea Otter Islands: Geopolitics and Environment in the East Asian Fur Trade / R. Ravalli // Asia Pacific: Perspectives. 2010. June. V. IX. № 2. S. 27–35.

DOI: 10.18572/1812-3805-2018-10-37-42

История правового регулирования (запрета) альтернативных средств расчета

*Немова Мария Игоревна,
аспирант факультета права
Высшей школы экономики
maria-nemova@mail.ru*

Статья посвящена описанию и анализу правового регулирования и запрета альтернативных средств расчета в России и за рубежом в XIX–XX вв. Автор дает дефиницию альтернативных средств расчета посредством указания на их признаки и функции, описывает опыт использования альтернативных средств расчета в России и мире, ссылается на соответствующее правовое регулирование альтернативных средств расчета на различных исторических этапах при различной экономической обстановке. По результатам проведенного исследования сделан вывод о возможных типах и исторических закономерностях правового регулирования альтернативных средств расчета в России и за рубежом.

Ключевые слова: альтернативные средства расчета, криптовалюта, виртуальная валюта, программа потребительской лояльности, местные деньги, частные деньги, денежные суррогаты.

The History of the Legal Regulation (Prohibition) of Alternative Means of Settlement

*Nemova Maria I.
Postgraduate Student of the Law Faculty of the National Research University Higher School of Economics*

The article is devoted to the description and analysis of alternative settlement means legal regulation and prohibition in Russia and abroad in XIX–XX centuries. The author defines alternative settlement means by pointing its features and functions, describes experience of alternative settlement means usage, refers to relevant legal regulation in different historic periods and different economic environment. The conclusion about possible types and historic regularities alternative settlement means legal regulation is drawn as a result of undertaken research.

Keywords: alternative settlement means, cryptocurrency, virtual currency, loyalty program, local money, private money, quasi-money.

Распространение криптовалюты и других виртуальных валют в современной экономике побуждает юристов и экономистов искать оптимальную модель регулирования либо запрета (ограничения) данных средств расчета. Криптовалюта, возникновение которой принято связывать с появлением в 2009 г. платежной системы «Биткойн», является относительно новым экономическим феноменом, однако если обратиться к историческому опыту, можно найти немало дру-

гих примеров создания, использования и регулирования (запрета) альтернативных средств расчета (далее — АСР).

Помимо национальной валюты, являющейся законным средством платежа в пределах определенной юрисдикции, нередко для расчетов используются также АСР: марки и билеты торговых и обслуживающих организаций, единицы программ потребительской лояльности (бонусы, баллы, мили, купоны и т.п.), местные (локаль-

ные) деньги, военные деньги, электронные деньги, виртуальные валюты, в том числе криптовалюты, и др. АСР по отношению к законным платежным средствам носят субсидиарный характер и не могут полностью замещать последние; сфера их оборота ограничена конкретной локальной экономической системой, в рамках которой действует соглашение эмитента и пользователей АСР. АСР выполняют функции средства обращения и средства платежа, а также в зависимости от особенностей локальной экономической системы могут в различном объеме выполнять функции меры стоимости, средства накопления и мировых денег. Например, за мили авиакомпаний можно полностью или частично оплатить авиабилет, в единицах виртуальных валют многопользовательских онлайн-игр можно измерить стоимость некоторых дополнений к игре, а криптовалюты в силу своей интернациональности вполне способны частично заместить национальные валюты в международных расчетах. Функция накопления у АСР предоставлена в усеченном виде, поскольку некоторые АСР могут со временем терять свою стоимость: к примеру, бонусные баллы многих сетевых магазинов «сгорают», если не воспользоваться ими в установленный срок.

Невозможно точно установить дату появления АСР, поскольку в силу их альтернативного, негосударственного характера их эмиссия и использование не документировались достаточно тщательно и подробно. «Бум» АСР пришелся на период Свободной банковской эры в США в 1837–1864 гг., когда было выпущено около 8 000 альтернативных валют — деревянные деньги в Тенино (штат Вашингтон), картонные деньги в Рэймонде (штат Вашингтон), обеспеченные кукурузой в Клиар Лейк (штат Айова) и т.д. Популярны были купоны газеты «Springfield Union», которыми можно было расплатиться в магазинах, дававших объявления в газете. Магазины также могли использовать эти купоны для расчетов с «Springfield Union», замыкая финансовый круг¹. В период Свободной банковской эры отсутствовали ограничения эмиссии АСР: в частности, в 1870 г. в США действовало 1 638 банков, каждый из которых мог выпускать собственную валюту².

Принятый в 1863 г. Закон о национальных банках был призван создать систему национальных банков и единую национальную валюту³. С появлением Федеральной резервной системы США в 1913 г. ей были переданы функции управления денежной эмиссией, что укрепило национальную валюту⁴.

В Европе распространению АСР способствовали в том числе работы Сильвио Гезелля, разработавшего первую концепцию частных денег. По его мнению, деньги должны быть инструментом обмена, но не накопления: они должны терять в своей стоимости заранее определенную величину, чтобы стимулировать оборот. По модели Гезелля в 1932 г. австрийском городке Вергль получили хождение в оборот частные деньги с отрицательным процентом, что позволило достигнуть значительного экономического роста. Однако Национальный банк Австрии, усмотрев в частных деньгах угрозу национальной платежной системе, запретил их оборот. Спор о возможности использования частных валют дошел до высшей судебной инстанции, однако решение Национального банка Австрии не отменили⁵.

В отечественной истории также имеются примеры регулирования (запрета) АСР. Политика российского законодателя в этой части была нестабильна, что объясняется различными подходами к регулированию экономики на разных исторических этапах.

В период «денежного голода» в 1862–1866 гг. в Российской империи получили хождение различные марки и ярлыки, выпускавшиеся купцами, банками и обществами. Согласно установленным Правительством правилам обязательным условием выпуска

¹ Цит. по : Клименко А.С., Шведова М.В. Альтернативные средства расчета: вчера, сегодня, завтра // Системное управление. 2012. № 1(14). С. 60.

² Mith #1: The Federal Reserve Act of 1913 was crafted by Wall Street bankers and a few senators in a secret meeting // PublicEye.Org: Political Research Associates. URL: <http://www.publiceye.org/conspire/flaherty/flaherty1.html> (дата обращения: 23.06.2018).

³ National Bank Act of 1863 // Fraser: Discovers Economic History. URL: https://fraser.stlouisfed.org/content/?title_id=1111&filepath=/files/docs/historical/congressional/national-bank-act-1863.pdf (дата обращения: 23.06.2018).

⁴ Federal Reserve Act // LegisWorks.Org. URL: <http://legisworks.org/sal/38/stats/STATUTE-38-Pg251a.pdf> (дата обращения: 23.06.2018).

⁵ Надич А.Б. Дополнительные денежные системы: зарубежный опыт и возможности его использования в промышленных регионах в условиях децентрализации // Вестник экономической науки Украины. 2015. № 1(28). С. 104.

подобных АСР было внесение эмитентом в казначейство суммы, равной стоимости выпущенных марок или ярлыков. Однако в 1870 г. данное положение было отменено из-за опасения конкуренции АСР с государственными деньгами⁶.

В соответствии с Высочайше утвержденным мнением Государственного совета от 23 ноября 1870 г. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (ст. 1150-1) дополнялось запретом на выпуск в обращение безымянных денежных знаков в виде марок, квитанций, ярлыков и всяких других знаков или обязательств на предъявителя, содержащих в себе обещание определенной суммы деньгами, припасами или другими предметами. Исключение из данного запрета — выпуск чеков, вкладных банковских билетов и обязательства, выпускаемые обществами и товариществами в точном соответствии с их уставами. Максимальным наказанием за данное деяние являлось тюремное заключение на срок до восьми месяцев⁷.

27 июля 1914 г. в связи с участием Российской империи в Первой мировой войне был принят закон «О некоторых мерах финансового характера ввиду обстоятельств военного времени». Данный закон наделял Государственное казначейство правом выпуска государственных билетов, которые могли быть использованы при расчетах как обычные деньги⁸. Кроме того, на билеты Государственного казначейства начислялись 4% годовых. Билеты учитывались Го-

сударственным банком, которым в целях их обеспечения производилась эмиссия денег, предназначенных на покрытие военных расходов государства⁹. Планировалось, что данные билеты будут находиться в обращении вплоть до 1928 г., но проценты будут выплачиваться только с 1914 по 1918 гг.¹⁰ Фактически билеты Государственного казначейства выполняли те же функции, что и деньги Государственного банка.

В период деятельности Временного правительства в обращении появилось несколько валют с различными курсами — государственные кредитные билеты 1917 г., казначейские знаки («керенки»), кредитные билеты («думские билеты», или «думки»).

После Октябрьского переворота 1917 г. на территории России получили хождение сотни различных видов АСР, что было связано с неспособностью новой, советской власти эффективно регулировать денежное обращение. Неоднородность власти повлекла за собой хождение множества знаков, выполнявших функции средства обмена и меры платежа. В частности, советские деньги выпускал ЦИК Сибири, Совнарком Сахалинской области и другие местные органы советской власти. В Якутии будущий нарком финансов Алексей Семенов выпустил «винные» деньги: знак номиналом 1 рубль был изготовлен на этикетке вина мадера, 10 рублей — на этикетке кагора, 25 рублей — на этикетке портвейна. Сторонниками Белого движения использовались сибирские рубли Российского правительства Верховного правителя адмирала Колчака, деньги Северо-Западной армии генерала Юденича, донские, одесские и туркестанские рубли, керенки и др. Также в хождении были иностранные денежные знаки — оккупационные деньги (японские оккупационные иены и сены, немецкие оккупационные деньги и т.д.) и деньги, отпечатанные за рубежом по заказу российских властей¹¹.

⁶ Цит. по: Сальников М.М. Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия нарушениям прав владельцев ценных бумаг : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2013. С. 16–17.

⁷ Россия. Законы и постановления. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Издание 1916 года // Россия. Законы и постановления : в 15-ти т. Т. 15. [Ч]. 1 : Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1885 года, со включением статей по Продолжениям 1912, 1913 и 1914 годов ; [Ч]. 2 : Уголовное уложение : (статьи, введенные в действие). Издание 1909 года, со включением статей по Продолжениям 1912 и 1913 годов. Пг., 1916. С. 297.

⁸ Законодательные акты, вызванные войной 1914–1915 гг.: Законы, манифесты, рескрипты... / О.И. Авербах : в 5-ти т. Т. 1. : [Акты, обнародованные с 16 июля 1914 г. по январь 1915 г.]. Пг. : Типография Петр. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1916. С. 67–68.

⁹ Алямкин А.В. Денежное обращение в контексте политической и социально-экономической жизни Зауралья в 1914–1924 гг. : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Челябинск, 2006. URL: <http://www.bonistikaweb.ru/STATYI/aliamkin1-1.htm> (дата обращения: 23.06.2018).

¹⁰ Лагутин И.Б. Альтернативное денежное обращение и региональное (местное) денежное обращение: вопросы теории, практика осуществления и правового регулирования // Провинциальные научные записки. 2015. № 2. С. 15.

¹¹ Лагутин И.Б. Указ. соч. С. 15–17.

Стабилизация денежной системы произошла вместе с относительной стабилизацией политической обстановки и проведением реформ Новой экономической политики в 1920-х гг. В целях окончательного установления однородности денежного обращения Декретом СНК от 8 сентября 1922 г. воспрещено всем кассам Наркомфина и Госбанка выпускать в обращение всякого рода денежные знаки прежних до 1922 г. выпусков, а именно кредитные билеты царского правительства, казначейские знаки и кредитные билеты Временного правительства, а равно и суррогаты денежных знаков¹².

На основании Постановления СНК от 13 октября 1922 г. запрещалось без особого разрешения на то СНК выпускать денежные обязательства на предъявителя (облигаций, бон, вкладных билетов, свидетельств о займе и т.п.). Нарушение данного запрета наказывалось наравне с подделкой денежных знаков¹³. Запрет пытались обойти кооперативные организации, выпуская вместо денежных обязательств на предъявителя предъявительские товарные ордера, не отличавшиеся по своей сути¹⁴. Впоследствии запрет обращения денежных суррогатов был также закреплен Постановлением Совета труда и обороны от 29 февраля 1924 г.¹⁵, а в Постановлении ЦИК СССР, СНК СССР от 3 июня 1930 г. указывалось, что выпуск денежных суррогатов допускается только с разрешения Наркомфина¹⁶. Расчеты с покупателями должны были производиться исключительно наличными деньгами.

В 1935 г. запрет денежных суррогатов также перекочевал в Уголовный кодекс

РСФСР 1926 г., в соответствии со ст. 128-г которого была установлена уголовная ответственность за выпуск учреждениями, предприятиями и общественными организациями всякого рода займов, облигаций и других видов ценных бумаг, а также бон и иных денежных суррогатов и за изготовление указанных ценных бумаг и денежных суррогатов типографиями, литографиями, стеклографиями, граверными мастерскими и т.п.¹⁷

После распада Советского Союза в 1992 г. широкое распространение получили местные и региональные знаки расчета, которые выпускались местными и региональными властями соответственно в целях покрытия дефицита денег. Свои валюты получили или стремились получить многие регионы Российской Федерации — уральские франки в Свердловской области, «немцовки» в Нижегородской области, бонны Чеченской республики, чеки Костромской области и т.д. Попытки введения собственных валют, как правило, воспринимались как сепаратистские явления и подавлялись центром.

Местным и региональным валютам, которые не были введены в обращение до декабря 1993 г., так и не пришлось исполнить свои функции. Согласно п. 1 ст. 75 Конституции Российской Федерации, вступившей в силу 25 декабря 1993 г., денежной единицей в Российской Федерации является рубль; денежная эмиссия осуществляется исключительно Центральным банком Российской Федерации; введение и эмиссия других денег в Российской Федерации не допускаются. Федеральным законом от 1 июля 1994 г. № 10-ФЗ Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. был дополнен ст. 87.1, предусматривающей наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до десяти лет за выпуск в обращение должностными лицами органов власти субъектов Российской Федерации любых денежных знаков, отличающихся от официальной денежной единицы, находящейся в денежном обращении Российской Федерации¹⁸. Примечательно, что действующим

¹² Декрет СНК от 8 сентября 1922 г. «Об установлении однородности денежного обращения» // СУ РСФСР. 1922. № 59. Ст. 738.

¹³ Постановление СНК РСФСР от 13 октября 1922 г. «О запрещении выпуска денежных обязательств на предъявителя» // СУ РСФСР. 1922. № 65. Ст. 841.

¹⁴ Чернышов С.В. Денежные суррогаты Брянщины в период Гражданской войны // Брянский край в XX в.: общество, политика, экономика. Брянск, 2012. URL: <https://www.br-vestnik.ru/краеведение/брянщина-xx-в/chernishov1/> (дата обращения: 23.06.2018).

¹⁵ Постановление СТО СССР от 29 февраля 1924 г. «О воспрещении выпуска денежных суррогатов» // Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР. 1924. № 3. Ст. 103.

¹⁶ Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 3 июня 1930 г. «О порядке выпуска в обращение ценных бумаг и денежных суррогатов» // СЗ СССР. 1930. № 32. Ст. 345.

¹⁷ Постановление ЦИК СССР № 9, СНК СССР № 1048 от 31 мая 1935 г. «Об уголовной ответственности за незаконный выпуск ценных бумаг и денежных суррогатов» // СЗ СССР. 1935. № 30. Ст. 234.

¹⁸ Федеральный закон от 1 июля 1994 г. № 10-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // СЗ РФ. 1994. № 10. Ст. 1109.

Уголовным кодексом Российской Федерации 1996 г. не предусмотрена ответственность за эмиссию и оборот АСР¹⁹, несмотря на наличие запрета выпуска АСР в ст. 27 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке РФ (Банке России)»²⁰.

Вместе с развитием рыночных отношений в экономике России вновь стали появляться АСР, имеющие своей целью стимулирование спроса и выстраивание долгосрочных отношений с клиентами. Бонусные баллы, мили и купоны программ потребительской лояльности позволяют полностью или частично расплачиваться ими за товары и услуги либо использовать их для получения иных поощрений. С принятием Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» легальное определение получили электронные денежные средства (PayPal, Visa Cash, QIWI, Яндекс.Деньги, WebMoney и др.)²¹.

Кроме того, на территории России, как и во всем мире, развиваются и получают хождение виртуальные валюты и криптовалюты. У российской власти до настоящего времени крайне настороженное отношение к криптовалютам. В течение 2015–2016 гг. активно обсуждался так называемый законопроект о запрете биткоинов, инициированный Министерством финансов Российской Федерации и предлагающий введение ответственности за оборот денежных суррогатов²². Однако от идеи принятия данного закона отказались, и, напротив, в настоящее время в правительственных кругах ча-

ще обсуждается вопрос о легализации статуса криптовалют, нежели об их запрете²³.

Таким образом, регулирование или запрет эмиссии и оборота АСР на различных исторических этапах зависели от политического решения действующей власти. Как таковые АСР не несут общественную опасность и не угрожают крахом экономической системы. Напротив, внедрение АСР способно стимулировать экономический рост, о чем свидетельствует эксперимент в Вергле. Однако АСР в определенной степени посягают на государственную монополию эмиссии и контроля оборота средств расчета, частично лишая государство экономического влияния.

Разрешительный тип правового регулирования АСР характерен для стран с сильной рыночной экономикой и минимальным государственным участием. К данному типу нельзя отнести случаи, когда регулирование АСР совсем отсутствует: данная ситуация, скорее, связана с растерянностью власти и нерешительностью в выборе надлежащего типа регулирования.

Запретительный тип правового регулирования свойственен для стран с большой долей участия государства в экономике и (или) с ослабленной экономикой, в которой АСР могут потеснить законное платежное средство. В любом случае введение уголовной ответственности за эмиссию и оборот АСР представляется несоответствующим идее использования уголовного закона как «последнего аргумента» в борьбе с правонарушениями.

В условиях российской действительности оптимальным является выбор разрешительного типа регулирования АСР с предоставлением уголовно-правовой охраны данному виду имущества. Регулирование АСР должно быть сопряжено с ограничениями, препятствующими их использованию в преступных целях, а также должно осуществляться в условиях развития и укрепления национальной экономики, иначе поток АСР, имеющих широкую сферу обращения, может негативно повлиять на национальную валюту.

¹⁹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 23.04.2018, с изм. от 25.04.2018) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

²⁰ Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (ред. от 23.04.2018) // СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.

²¹ Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (ред. от 18.07.2017) // СЗ РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.

²² Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (подготовлен Минфином России) // Документ опубликован не был. СПС «Консультант-Плюс».

²³ Проект федерального закона «О цифровых финансовых активах» (подготовлен Минфином России). URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=121810 (дата обращения: 23.06.2018).

Литература

1. Алямкин А.В. Денежное обращение в контексте политической и социально-экономической жизни Зауралья в 1914–1924 гг. : дис. ... канд. ист. наук / А.В. Алямкин. Челябинск, 2006. 231 с.

2. Клименко А.С. Альтернативные средства расчета: вчера, сегодня, завтра / А.С. Клименко, М.В. Шведова // Системное управление. 2012. № 1(14). С. 59–74.
3. Лагутин И.Б. Альтернативное денежное обращение и региональное (местное) денежное обращение: вопросы теории, практика осуществления и правового регулирования / И.Б. Лагутин // Провинциальные научные записки. 2015. № 2. С. 13–20.
4. Надич А.Б. Дополнительные денежные системы: зарубежный опыт и возможности его использования в промышленных регионах в условиях децентрализации / А.Б. Надич // Вестник экономической науки Украины. 2015. № 1(28). С. 102–108.
5. Сальников М.М. Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия нарушениям прав владельцев ценных бумаг : дис. ... канд. юрид. наук / М.М. Сальников. М., 2013. 165 с.
6. Чернышов С.В. Денежные суррогаты Брянщины в период Гражданской войны / С.В. Чернышов // Брянский край в XX в.: общество, политика, экономика. Брянск, 2012. С. 75–88.

References

1. Alyamkin A.V. Denezhnoe obraschenie v kontekste politicheskoy i sotsialno-ekonomicheskoy zhizni Zauralya v 1914–1924 gg. : dis. ... kand. ist. nauk [Monetary Circulation within the Framework of the Political and Socioeconomic Life of Trans-Urals in 1914 to 1924 : thesis of ... Candidate of Historical Sciences] / A.V. Alyamkin. Chelyabinsk — Chelyabinsk, 2006. 231 s.
2. Klimenko A.S. Alternativny'e sredstva rascheta: vchera, segodnya, zavtra [Alternative Means of Settlement: Yesterday, Today, Tomorrow] / A.S. Klimenko, M.V. Shvedova // Sistemnoe upravlenie — System Management. 2012. № 1(14). S. 59–74.
3. Lagutin I.B. Alternativnoe denezhnoe obraschenie i regionalnoe (mestnoe) denezhnoe obraschenie: voprosy' teorii, praktika osuschestvleniya i pravovogo regulirovaniya [Alternative Monetary Circulation and Regional (Local) Monetary Circulation: Issues of Theory, Implementation and Legal Regulation Practice] / I.B. Lagutin // Provintsialny'e nauchny'e zapiski — Provincial Scientific Notes. 2015. № 2. S. 13–20.
4. Nadich A.B. Dopolnitelny'e denezhny'e sistemy: zarubezhny'y opyt i vozmozhnosti ego ispolzovaniya v promyshlenny'kh regionakh v usloviyakh detsentralizatsii [Additional Monetary Systems: Foreign Experience and Opportunities of Its Application in Industrial Regions in Conditions of Decentralization] / A.B. Nadich // Vestnik ekonomicheskoy nauki Ukrainy' — Bulletin of the Economic Science of Ukraine. 2015. № 1(28). S. 102–108.
5. Salnikov M.M. Ugolovno-pravovy'e i kriminologicheskie mery' protivodeystviya narusheniyam prav vladeltsev tsenny'kh bumag : dis. ... kand. yurid. nauk [Criminal Law and Criminological Means of Combating Violations of Rights of Securities Holders : thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / M.M. Salnikov. Moskva — Moscow, 2013. 165 s.
6. Chernyshov S.V. Denezhny'e surrogaty' Bryanschiny' v period Grazhdanskoy voyny' [Monetary Surrogates of the Bryansk Region within the Civil War Period] / S.V. Chernyshov // Bryanskiy kray v XX v.: obschestvo, politika, ekonomika. Bryansk — The Bryansk Region in the XX Century: Society, Politics, Economics. Bryansk, 2012. S. 75–88.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИГРАФИЧЕСКАЯ ГРУППА

(4842) 70-03-37

буклеты • визитки • листовки • постеры
календари • журналы • книги • брошюры

DOI: 10.18572/1812-3805-2018-10-43-48

Конкуренция исков в римском праве: понятие, сущность и способы разрешения

*Токарева Анна Алексеевна,
аспирант кафедры арбитражного процесса
Саратовской государственной юридической академии
drakon7anna@yandex.ru*

В статье автором проводится исторический анализ основных учений о понятии и сущности конкуренции исков в римском праве, а также сформулированных римскими юристами принципов ее разрешения. Автором отмечается, что проблема конкуренции исковых требований была известна еще в Древнем Риме и обозначалась как стечение исков. Рассмотренные автором вопросы о предпосылках конкуренции исков, формах ее проявления и соответствующих им способах разрешения данного явления не утратили свою актуальность и в современном цивилистическом процессуальном праве. Целью исследования является формирование историко-правового представления о сущности конкуренции исков и механизме ее разрешения. Всестороннее и комплексное теоретико-практическое изучение указанной темы осуществлялось при применении общенаучных (логический (индукции, дедукции, анализа и синтеза), системный и функциональный) и частноправовых (историко-правовой, формально-юридической, сравнительно-правовой) методов. На основании проведенного исследования автор констатирует, что конкуренция исков, предполагая наличие нескольких исков для защиты нарушенного права или законного интереса, определяется общим юридическим предметом или целью искового требования, поскольку одинаковость причины ее возникновения, наименования исков и субъектов спорных правоотношений не свидетельствует о наличии истинной конкуренции.

Ключевые слова: римское право, цивилистическое процессуальное право, конкуренция исков, сущность, виды конкуренции исков, способы разрешения.

The Choice of Cause of Action in the Roman Law: the Concept, Essence and Settlement Means

*Tokareva Anna A.
Postgraduate Student of the Department of Arbitration Procedure of the Saratov State Law Academy*

In article the author carries out the historical analysis of the main doctrines about a concept and an entity of the competition of claims of the Roman right and also formulated by the Roman lawyers of the principles of its permission. By the author it is marked that the problem of the competition of claim requirements was known in Ancient Rome and was designated as confluence of claims. The questions of premises of the competition of claims, forms of its manifestation and the methods of permission of this phenomenon corresponding to them considered by the author did not lose the relevance and in the modern civil procedural law. A research objective is formation of historical and legal idea of an entity of the competition of claims and the mechanism of its permission. The comprehensive and complex theoretical and practical study of the specified subject was carried out in case of application general scientific (logical (inductions, deductions, the analysis and synthesis), system and the functional) and private-law (historical and legal, legallistic, comparative and legal) methods. Based on the conducted research the author states that the competition of claims, assuming existence of several claims for protection violated the right or a legitimate interest, is defined by the general legal subject or the purpose of the claim requirement as uniformity of the reason of its origin, the name of claims and subjects of disputable legal relationship does not confirm existence of the true competition.

Keywords: Roman right, civil procedural law, competition of claims, entity, types of the competition of claims, permission methods.

Как известно, со времен Древнего Рима одним из основных средств юрисдикционной защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов является иск, многообразие видов которого порождает их конкуренцию.

Конкуренция исков в древнем римском праве носила название «стечение исков», что подразумевало под собой случаи, когда одному материальному праву корреспондируется его осуществление посредством нескольких исков. Счита-

лось, что для возникновения данного явления необходимо было, чтобы эти «иски имели между собой одинаковую точку соприкосновения, и чтобы они сливались и составляли одно»¹. Соответственно, в качестве предпосылок конкуренции исков можно назвать причину стечения исков, их общее наименование, свидетельствующее об однородности характера исков, одни и те же субъекты и общий предмет.

Однако, по верному замечанию Ф.К. фон Савиньи, не все названные условия имеют значение для утверждения о наличии либо отсутствии конкуренции требований и, по сути, все влияние на ее существование оказывает последний критерий — общий предмет исков². Например, одна и та же кража порождает кондицию и требование частного денежного штрафа (*actiones furti poenalis*) — причина возникновения конкуренции исков одинаковая. Но если после кражи вор уничтожил вещь, то иски из этих двух деликтов обладали совершенно разными причинами, но тем не менее один иск поглощал другой, поскольку оба они направлены на удовлетворение одного и того же интереса.

От схожего наименования исков также не зависит их конкуренция. Так, по предыдущему примеру, у потерпевшего имеется как кондиционный иск к лицу, укравшему вещь, так и виндикационный. Разнородность исков не препятствует поглощению одного иска другим. И наоборот, из факта оскорбления супруги одно название (*actio injuriarum*) носят два не соотносящихся друг с другом иска: жены и мужа.

Несколько иначе дело обстоит с субъектами, против которых направлены исковые требования истца или соистцов. По этому основанию в раннем римском праве различали объективное стечение исков, т.е. противоборство нескольких исков между одними и теми же лицами, и субъективное — наличие конкурирующих исков у разных или против разных субъектов. В свою очередь, из объективного стечения выделяли *кумулятивную* конкуренцию, предполагающую одновременное осуществление исков, *сукцессивную* (или последовательную) и

элективную, когда можно предъявить только один из нескольких исков, который исключит все остальные³.

Позднее исследователями римского права стала критиковаться приведенная классификация в качестве возможной основы для учения о конкуренции исков. В частности, Ю. Барон и Ф.К. фон Савиньи доказывали, что одинаковость или неодинаковость лиц, встречающихся в нескольких исках, не имеет решающего значения для влияния одного иска на другой, и что этот признак дает лишь внешнюю характеристику самого явления конкуренции⁴. Обосновывалось данное суждение следующими примерами: одни те же лица могут заключить вначале договор займа, затем купли-продажи и, наконец, аренды, при этом все иски, вытекающие из названных договоров, не будут оказывать влияние друг на друга. И напротив, у одного лица может быть право требования возмещения ущерба в полном объеме против каждого по солидарному обязательству.

Здесь Савиньи верно подметил: «Вся конкуренция по своей сути является объективной (обоснована общим объектом), но наряду с этим она может быть одновременно субъективной»⁵.

В итоге главная роль при определении конкуренции исков отводится общему юридическому предмету или цели исков. И только он, по словам Ф.К. Савиньи, может порождать полную или частичную «идентичность» исков, ведущую к вероятному влиянию одного иска на другой⁶. При этом в данном случае имеется в виду не материальный предмет, поскольку в отношении, к примеру, одной и той же вещи могут существовать настолько разные права и иски, что вообще не будет точек соприкосновения. Значит, общим будет предмет (юридический) требования, преследующий одну и ту же цель, будь то возмещение одного и то-

¹ Азаревич Д. Система римского права: университетский курс. Т. I / Д. Азаревич. СПб. : Типография А.С. Суворина, 1887. С. 284.

² Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права : в 8-ми т. Т. III / Ф.К. фон Савиньи; пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе и В. Зубаря. М. : Статут, 2013. С. 439.

³ Дернбург Г. Пандекты. Т. 1. Общая часть / Г. Дернбург; перев. Г. фон Рехенберга под руководством и ред. П. Соколовского. М. : Университетская типография, 1906. С. 365–366.

⁴ Барон Ю. Система римского гражданского права. Вып. первый. Кн. I. Общая часть / Ю. Барон; пер. с пят. нем. изд. Л. Петражицкого; 2-е изд., испр. М. : Издание московского юридического магазина А.Ф. Сорова, 1898. С. 194–195; Савиньи Ф.К. фон. Указ. соч. С. 438, 440.

⁵ Савиньи Ф.К. фон. Указ. соч. С. 438, 440.

⁶ Там же. С. 436–439.

го же ущерба или получение обратно одного и того же владения.

По этой причине хотелось бы обратиться к сформулированному римлянами правилу разрешения конкуренции исков, достаточно точно отражающему ее суть: «(Принцип) доброй совести не допускает, чтобы дважды истребовалось одно и то же (*bona fides non patitur, ut bis idem exigatur*)» (Дигесты Юстиниана (далее — Дигесты)⁷, кн. 50, т. XVII, фр. 57).

Казалось бы, формула проста и отличается определенностью. Если несколько исков имеют одинаковый предмет и цель, то их одновременное существование, как разъясняет Г.Ф. Пухта, допустимо до тех пор, пока цель не будет достигнута путем разрешения одного из них. Достижение тождественной цели нескольких исков посредством одного из них является основанием прекращения другого иска по причине их конкуренции⁸.

Однако, как отмечал Савиньи, римляне иначе воспринимали конкуренцию исков⁹. Связано это, во-первых, с тем, что не всегда ясно, действительно ли предмет обоих исков является одним и тем же. Во-вторых, Савиньи поясняет, что в древнем римском процессе учитывали учение о процессуальном погашении, вследствие чего возникали древние *exceptio rei in iudicium deductae* и *rei iudicatae* (возражения о начале или окончании в суде деле; Институции Гая, IV § 106)¹⁰, которые оказывали воздействие на конкуренцию исков.

Римская конструкция конкуренции исков, основываясь на принципе *bona fides*, предполагает, что тождество предмета иска исключает вторичный иск лишь настолько, насколько этот предмет или цель достигнуты первым иском. Поэтому если осуществлено лишь требование, меньшее по своему объекту, чем конкурирующий иск, то

посредством второго можно потребовать добавления того, что не добыто первым иском.

Вместе с тем при таких обстоятельствах между юристами Древнего Рима возникали разногласия. В особенности, как следует из примечания Г.Ф. Пухты, горячие споры велись относительно стечения Аквилеива иска (иска о взыскании максимальной стоимости убитого раба или животного, или поврежденной вещи) с *actio arborum furtim caesarum* (штрафным иском за тайную порубку чужого дерева) и с *actio injuriarum* (иском из оскорбления)¹¹. Юлий Павел в обоих случаях признавал частичное стечение, то есть допускал Аквилеив иск относительно излишка (Дигесты, кн. 44, т. VII, фр. 34; кн. 47, т. VII, фр. 8, § 2). Другие (например, Ульпиан, Педий) высказывались в пользу полного исключения второго иска предъявлением первого (Дигесты, кн. 47, т. VII, фр. 7). Наконец, третьи (Нераций, Лабен) полагали, что возможно одновременное бытие обоих исков (Дигесты, кн. 47, т. X, фр. 9, 46).

Таким образом, определение и дальнейшее разрешение конкуренции исков по воззрениям римских юристов базируется на общем предмете или цели искового требования, которые могут быть выделены в качестве признака для разделения конкуренции на классы.

Согласно основному принципу конкуренции исков, рассмотренному ранее, любое право на предъявление иска прекращается, когда истец добивается удовлетворения иным путем, чем с помощью своего иска, то есть посредством другого конкурирующего иска или в результате поглощения одного иска вторым. Тогда в первом случае говорят о кумулятивной конкуренции исков, а в последнем — элективной.

Но представляется более правильной точка зрения Ф.К. фон Савиньи, состоящая в том, что при уничтожении одного иска вследствие осуществления притязания с помощью другого конкуренция между этими исками предполагается, в то время как при наличии у истца нескольких самостоятельных исков для защиты одного права — она отрицается¹².

При этом следует учитывать особенности частичного поглощения иска, когда у субъекта есть возможность в дальнейшем добиваться цели по еще оставшейся неисполненной части требования. С учетом та-

⁷ Дигесты Юстиниана: 1) Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М.: Зерцало, 1997. 608 с.; 2) Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л.А. Кофанов: в 8-ми т. М.: Статут, 2002-2008. 7000 с.

⁸ Пухта Г.Ф. Курс римского гражданского права. Т. 1 / Г.Ф. Пухта; перев. с посл. нем. изд. проф. Рудорффа; изд. Ф.Н. Плевако. М.: Типография «Соврем. Изв.», 1874. С. 238.

⁹ Савиньи Ф.К. фон. Указ. соч. С. 439.

¹⁰ Институции Гая с объяснительным словарем / перевел и составил Д. Расснер. СПб.: Типография Стасюлевича, 1887. 262, XLVII с.

¹¹ Пухта Г.Ф. Указ. соч. С. 239–240.

¹² Савиньи Ф.К. фон. Указ. соч. С. 442.

кого фактора Савиньи выделяет три класса конкуренции исков: *первый класс* — полная конкуренция (благодаря результату первого иска полностью поглощается второй иск, в традиционном словоупотреблении элективная конкуренция); *второй класс* — частичная конкуренция (случаи частичного уничтожения одного из исков); *третий класс* — отсутствие конкуренции (второй иск можно использовать в полном объеме после применения первого; в сущности, кумулятивная конкуренция)¹³.

Полная конкуренция разрешается правилом, сформулированным Ульпианом: «Всякий раз, когда конкурируют несколько исков по поводу одного и того же дела, только один из них должен быть предъявлен» (Дигесты, кн. 50, т. XVII, фр. 43, § 1). Примеров применения этого правила большое количество, одним из которых является конкуренция кондикции (обычно *condictio furtiva*) с *bonae fidei actio*, где оба обстоятельства совпадают в том, что одно лицо оставило договор невыполненным, но наряду с этим необоснованно обогатилось за счет имущества другого лица (Дигесты, кн. 47, т. II, фр. 14). Во всех подобных случаях, как замечает Савиньи, такое «несправедливое обогащение можно обжаловать как с помощью кондикции, так и с помощью иска из заключенного договора, и если цель достигнута одним из этих исков, то благодаря этому поглощается второй иск»¹⁴.

Сущность полной конкуренции исков раскрывается еще в одном примере, приводимом римским юристом Павлом (Дигесты, кн. 44, т. VII, фр. 34, § 1), касательно конкуренции договорного иска и кондикционного, при которой в результате предъявления одного иска уничтожается другой либо в силу самого права, либо посредством эксцепции.

Однако конкуренция исков в приведенных примерах не всегда может быть полной, что зависит от конкретных обстоятельств каждого случая. Так, ссудодатель, преследовавший вначале иск из договора ссуды (*actio commodati*), вправе потребовать Аквилев иск в части, неохваченной первым иском. То есть здесь речь идет уже о частичной конкуренции.

По вопросу частичной конкуренции юристом Павлом сформулировано правило, что в случае предъявления двух исков из одно-

го и того же факта истец получает то, что во втором иске превышает требование первого иска (Дигесты, кн. 44, т. VII, фр. 41, § 1). Необходимо обратить внимание на то, что в основе данного правила Павлом заложена причина возникновения конкуренции, которая хотя и имеет место, но не играет решающей роли как общий объект исков. Проблема в том, что при таком условии это правило ошибочно становится применимым ко всем случаям, даже если отсутствует конкуренция.

Относящееся к третьему классу отсутствие конкуренции подразумевает предъявление второго иска в полном объеме и с полным действием во всех случаях, несмотря на то что первый иск уже использован с полным результатом. Очевидно, что под этот класс подпадает бесчисленное множество исков, одновременно существующих между разными лицами и из совершенно разных сделок. К упомянутой группе, пожалуй, можно отнести лишь иски по общей причине возникновения между одними и теми же лицами или иски, имеющие одинаковое название. Хотя и между ними все же нельзя предположить конкуренцию, потому что у них отсутствует общий объект.

Прежде всего, по мнению Ф.К. фон Савиньи, к ним имеет отношение случай правонарушения, из которого наряду с иском о возмещении вытекает чистый штрафной иск. Оба иска абсолютно не зависят друг от друга¹⁵. Например, *condictio furtiva* и *furti actio* вытекают из одной и той же кражи, взаимная независимость которых всегда не вызывала сомнений. Или из одного оскорбления может быть три иска об оскорблении, и иск одного не погашается другим. Так, римский юрист Нераций указывал на то, что оскорбление жены по отношению к супругу и одновременно дочери по отношению к отцу влечет иски об оскорблении, принадлежащие и мужу, и ее отцу, и ей самой (Дигесты, кн. 47, т. X, фр. 1, § 9). На первый взгляд, одно и то же действие, из которого возникают три одноименных иска, но конкуренция между ними в данном случае отсутствует и каждый из них полностью не зависит от результата другого.

Итак, случаи совпадения нескольких исков в одном и том же лице, неважно — истце или ответчике, или наименования исков не составляют конкуренции исков, если предмет этих исков не одинаков. Между тем не-

¹³ Там же. С. 442–443.

¹⁴ Савиньи Ф.К. фон. Указ. соч. С. 444.

¹⁵ Там же. С. 452.

которые римские юристы придерживались иного мнения.

Так, Модестин трактует подобные случаи по правилу, когда допускается только один из нескольких штрафных исков. Павел — по правилу второго класса, т.е. после использования первого штрафного иска разрешается предъявлять еще и второй как дополняющий удовлетворение одного интереса. Папиниан, Ульпиан и Гермогениан вообще не допускают конкуренции между такими исками, т.е. предоставляют каждому из них полное воздействие наряду с прочими¹⁶.

Немаловажным при исследовании проблемы конкуренции исков является рассмотрение вопроса о факторах, ведущих к

невозможности предъявления конкурирующего иска в полном объеме.

Ответ достаточно прост, что связано с принципом конкуренции исков — достигнутое с помощью одного иска нельзя требовать посредством другого. Следовательно, чтобы не допустить двойного удовлетворения одного и того же интереса, необходимо реальное исполнение судебного решения по первому иску.

Обобщая изложенное, нужно заключить, что конкуренция исков, предполагающая наличие нескольких исков для защиты нарушенного права или законного интереса, определяется общим юридическим предметом или целью искового требования, поскольку тождественные причины ее возникновения, наименования исков и субъекты спорных правоотношений не свидетельствуют о наличии истинной конкуренции.

¹⁶ Цит. по: Савиньи Ф.К. фон. Указ. соч. С. 455–462.

Литература

1. Азаревич Д. Система римского права: университетский курс. Т. I / Д. Азаревич. СПб. : Типография А.С. Суворина, 1887. 327 с.
2. Барон Ю. Система римского гражданского права. Вып. первый. Кн. I. Общая часть / Ю. Барон; пер. с пят. нем. изд. Л. Петражицкого; 2-е изд., испр. М. : Издание московского юридического магазина А.Ф. Скорова, 1898. 244 с.
3. Дернбург Г. Пандекты. Т. 1. Общая часть / Г. Дернбург; перев. Г. фон Рехенберга под рук-вом и ред. П. Соколовского. М. : Университетская типография, 1906. 465 с.
4. Дигесты Юстиниана / пер. с лат. ; отв. ред. Л.Л. Кофанов : в 8-ми т. М. : Статут, 2002–2008, 7000 с.
5. Дигесты Юстиниана: Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М. : Зерцало, 1997. 608 с.
6. Институции Гая с объяснительным словарем / пер. и сост. Д. Расснер. СПб. : Типография Стасюлевича, 1887. 262, XLVII с.
7. Пухта Г.Ф. Курс римского гражданского права. Т. 1 / Г.Ф. Пухта ; перев. с посл. нем. изд. проф. Рудорффа; изд. Ф.Н. Плевако. М. : Типография «Соврем. Изв.», 1874. 550 с.
8. Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права : в 8-ми т. Т. III / Ф.К. фон Савиньи; пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе и В. Зубаря. М. : Статут, 2013. 717 с.

References

1. Azarevich D. Sistema rimskogo prava : universitetskiy kurs. T. I [The Roman Law System : a university course. Vol. I] / D. Azarevich. Sankt-Peterburg : Tipografiya A.S. Suvorina — Saint Petersburg : A.S. Suvorin's printing office, 1887. 327 s.
2. Baron J. Sistema rimskogo grazhdanskogo prava. Vy'p. pervy'y. Kn. I. Obschaya chast [The System of Roman Civil Law. 1st Issue. Book I. The General Part] / J. Baron ; per. s pyat. nem. izd. L. Petrazhitskogo ; 2-e izd., ispr. Moskva : Izdanie moskovskogo yuridicheskogo magazina A.F. Skorova — translation of the 5th German edition by L. Petrazhitzky ; 2nd edition, revised. Moscow : edition of A.F. Skorov's Moscow legal shop, 1898. 244 s.
3. Dernburg H. Pandekty'. T. 1. Obschaya chast [Pandects. Vol. 1. The General Part] / H. Dernburg ; perv. G. fon Rechenberga pod ruk-vom i red. P. Sokolovskogo. Moskva : Universitetskaya tipografiya — translated by G. von Rechenberg, supervised and edited by P. Sokolovsky. Moscow : University Printing Office, 1906. 465 s.
4. Digesty' Yustiniana [Justinian's Digests] / per. s lat. ; отв. ред. Л.Л. Кофанов : в 8-ми т. Moskva : Statut — translated from Latin ; publishing editor L.L. Kofanov : in 8 vol. Moscow : Statute, 2002–2008, 7000 s.
5. Digesty' Yustiniana: Pamyatniki rimskogo prava: Zakony' XII tablits. Institutsii Gaya [Justinian's Digests: Roman Law Monuments: The Law of the XII Tables. Institutions of Guy]. Digesty' Yustiniana. Moskva : Zertsalo — Justinian's Digests. Moscow : Mirror, 1997. 608 s.

6. Institutsii Gaya s obyasnitelny'm slovarem [Institutions of Guy with an Explanatory Dictionary] / per. i sost. D. Rassner. Sankt-Peterburg : Tipografiya Stasyulevicha — translated and compiled by D. Rassner. Saint Petersburg : Stasyulevich's printing office, 1887. 262, XLVII s.
 7. Pukhta G.F. Kurs rimskogo grazhdanskogo prava. T. 1 [A Course of Roman Civil Law. Vol. 1] / G.F. Pukhta ; perev. s posl. nem. izd. prof. Rudorffa ; izd. F.N. Plevako. Moskva : Tipografiya «Sovrem. Izv.» — translation of the latest German edition by Professor Rudorff ; published by F.N. Plevako. Moscow : Present-Day News printing office, 1874. 550 s.
 8. Savigny F.C. von. Sistema sovremennogo rimskogo prava : v 8-mi t. T. III [The System of Modern Roman Law : in 8 vol. Vol. III] / F.C. von Savigny ; per. s nem. G. Zhigulina ; pod red. O. Kutateladze i V. Zubarya. Moskva : Statut — translated from German by G. Zhigulin ; edited by O. Kutateladze and V. Zubar. Moscow : Statute, 2013. 717 s.
-

DOI: 10.18572/1812-3805-2018-10-48-57

Научная полемика относительно понятия и содержания права собственности во второй половине 1940-х — в 1970-е годы

*Рубаник Владимир Евдокимович,
профессор Департамента правового регулирования
экономической деятельности Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
доктор юридических наук
vladimir-rubanik@yandex.ru*

Рассматриваются некоторые общие подходы к пониманию отношений собственности и права собственности, разрабатывавшиеся в юридической и экономической науке в 1940-е — 1970-е гг. Акцентируется внимание на определенном преобладании публично-правовых начал в ущерб частноправовому регулированию, приведших в конечном итоге к возникновению целого ряда проблем в государственно-правовой и социально-экономической жизни советского общества.

Ключевые слова: собственность, право собственности, институциональные трансформации в России, правовое регулирование отношений собственности.

The Scientific Debate about the Concept and Content of the Proprietary Right in the Second Half of the 1940s to the 1970s

*Rubanik Vladimir E.
Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Operations
of the Financial University under the Government of the Russian Federation
Doctor of Law*

Some general approaches to understanding of the relations of property and the property right developed in legal and economic science in the 1940th — are considered the 1970th. The attention is focused on a certain prevalence of the public beginnings to the detriment of private-law regulation which led, finally, to emergence of a number of problems in state and legal and social and economic life of the Soviet society.

Keywords: property, the property right, institutional transformations in Russia, legal regulation of the relations of property.

Отношения собственности и право собственности занимают одно из центральных мест в системе общественных отношений.

Данная проблематика составляла и составляет научный интерес представителей различных областей научного знания — эко-

номистов¹, цивилистов², историков права³,

¹ Капелюшников Р.И. Экономическая теория прав собственности: методология, основные понятия, круг проблем. М. : ИЭ АН СССР, 1990. 90 с.; Капкаев Ю.Ш. Генезис научных представлений о «естественном праве» собственности как институциональной основы прогрессивного развития общества // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика. 2004. Т. 4. № 10. С. 56–62; Ложкина Е.Г. К уточнению понятий «право собственности» и «спецификация прав собственности» // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2011. № 6. С. 33–41; Колесник Г.В. Математическая модель экономической системы с распределёнными правами собственности // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Прикладная математика. 2010. № 17. С. 111–126.

² Суханов Е.А. Лекции о праве собственности. М. : Юрид. лит., 1991. 240 с.; Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 5-е изд., перераб. М. : Статут, 2010. 893 с.; Андреев В.К. О праве частной собственности в России (критический очерк). М. : Волтерс Клувер, 2007. 184 с.; Пятков Д.В. Перспективы вещного права: публичная собственность и единое право собственности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 4. С. 128–143; Тарасенко В.Г. Собственность: экономика и право. Дополнение к постулатам права // Вопросы экономики и права. 2010. № 27. С. 16–30; Павлов В.П. Категория собственности в российском гражданском праве // Экономическая наука современной России. 2000. № 1. С. 138–150; Сухарева Е.Р. Определение сущности права собственности и иных прав на чужую вещь в теории гражданского права // Вестник Воронежского института МВД России. 2008. № 2. С. 39–43; Алейников Б.Н. Институт права собственности как структурный элемент каждой отрасли права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 11. С. 96–103; Серова О.А. Понятие «форма собственности» в гражданском праве России // Гражданское право. 2010. № 1. С. 38–40; Куцурова Л.З., Симонян А.В. О праве собственности // Нотариус. 2003. № 4. С. 22–26; Игнатьева Е.А. О соотношении понятий «актив», «собственность», «имущество» в российском праве // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2011. № 2. С. 204–209; Фоков А.П. Институт права собственности в гражданском праве России // Российский судья. 2003. № 3. С. 45–48.

³ Рубаник В.Е. Собственность и право собственности: юридические, философские, социологические, экономические подходы в их историческом развитии : в 3-х т. Т. 1:

представителей других отраслей юридической науки⁴.

По согласованному мнению большинства исследователей, в самом общем виде отношения собственности есть отношения между людьми по поводу присвоения материальных благ и установления господства над ними, принадлежности тех или иных материальных благ конкретному лицу. Как раз эти отношения выступают основой и движущей силой общественного производства, являются его сущностью, ибо всякое производство представляет собой процесс присвоения индивидами предметов окружающего мира в рамках определенной формы общественной организации. Многие исследователи полагают, что как раз отношения собственности выступают непререкаемым, обязательным условием функционирования всего организованного производства в рамках всей совокупности производственных отношений, а значит, и их главной составляющей. Л.В. Щенникова отмечала, что данный подход сложился и предметно разрабатывался в советской цивилистической школе⁵.

Отношения собственности и их отражение в восточнославянской традиции права собственности. М. : Юрлитинформ, 2010. 494 с.; Т. 2: Эволюция восточнославянской традиции права собственности в XX веке. М. : Русайнс, 2017. 194 с.; Шитьков С.В. Генезис и эволюция права собственности в истории российского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Московский государственный институт международных отношений. М., 2009. 24 с.; Чукаева Г.Х. Развитие института права частной собственности и особенности его реализации в российском частном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Челябинск, 2006. 22 с.; Климов И.П. Становление института права собственности в гражданском праве России // Академический вестник. 2012. № 1(19). С. 179–184.

⁴ Прозоров И.В. Закрепление института собственности в конституционном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Институт государства и права Российской академии наук : 12.00.02. М., 2010. 24 с.; Гошуляк В.В. Юридическая природа и нормативное содержание института собственности в конституционном праве // Образование и право. 2011. № 10(26). С. 67–78; Шленева Е. Право частной собственности как важнейшее экономическое право (российский и зарубежный опыт) // Право и жизнь. 2011. № 157–158. С. 161.

⁵ Щенникова Л.В. Значение идей А.В. Венедиктова о праве собственности для современного гражданского права // Юридический вестник

В юридической науке советского периода неоднократно велась полемика относительно понимания и трактовки понятий «собственность» и «право собственности». В послевоенные годы, когда в науку вступало поколение ученых, выросших и воспитанных в годы советской власти, такая дискуссия разгорелась с новой силой.

В 1948 г. выходит фундаментальное академическое издание работы А.В. Венедиктова «Государственная социалистическая собственность»⁶. Первую главу своей работы автор посвятил изложению общего понимания права собственности, а часть первую, включающую вторую, третью и четвертую главы, — анализу процессов зарождения, становления и окончательного утверждения понятий собственности и права собственности.

А.В. Венедиктов предложил понимание собственности как присвоения⁷; этот тезис вызвал бурную полемику, и несколько позднее участниками дискуссии было показано, что в высказываниях Ф. Энгельса по этому вопросу, на которые как на источник ссылался А.В. Венедиктов, тот пользовался понятием «присвоения как» как синонимом «приобретения собственности», а не собственности как производственного отношения.

Понятие собственности как экономического отношения в его развитых формах как «присвоения» не было воспринято советским правоведением. Здесь в связи с исследованием сущности имущественных отношений предложены были иные решения. Так, С.Н. Братусь в своей книге «Предмет и система советского гражданского права»⁸, не предлагая законченного определения собственности как экономического отношения, изложил свое понимание ряда важных элементов этого понятия. Автор фиксирует место отношений собственности в системе общественных отношений, определив собственность как «ядро производственных отношений», как результат распределения средств производства, как начальную и конечную предпосылки процесса произ-

водства. Отмечена им и историчность форм собственности, связанная с соответствующей общественной формой производства. Что же касается формы собственности как ее структуры, общей для всех этапов исторического развития, следовательно, того, что отличает экономические отношения собственности от других экономических отношений и делает отношения собственности ведущим звеном всей системы имущественных отношений, то здесь С.Н. Братусь ограничился высказыванием о собственности как «отношении к условиям производства как к своим» и определил собственность как «состояние присвоения материальных благ» как «отношение субъекта к вещи как к своей»⁹. Характеризуя собственность как «присвоение» ее объектов, С.Н. Братусь отмечает, что такая характеристика имеет место, главным образом, при рассмотрении отношения человека к природным условиям его труда, которое еще не было связано с его отношениями с людьми по поводу вещей. В этом случае речь шла о физическом акте присвоения объекта, образующего «так сказать лишь его удлиненное тело». Определять же отношения собственности как «отношение субъекта к вещи как к своей» в обществе, где господствуют отношения собственности, значит определять «собственность» как отношение к своей собственности», оставив тем самым вопрос об общественной собственности без ответа¹⁰.

С.С. Алексеев, определяя в книге «Предмет советского социалистического гражданского права»¹¹ собственность как «сторону производственных отношений», «которая ближайшим образом связана с их сущностью», тут же подчеркивает ошибочность мнения, что собственность «представляет собой нечто другое, чем производственные отношения в целом»¹². Некоторую формальную противоречивость этих определений можно было обойти, учитывая, что «ближайшим образом связанное с сущностью» явления очень близко к явлению «в целом», и сделать вывод, что С.С. Алексеев видел в отношениях собственности материальное общественно-производственное отношение, реализуемое в волевых имущественных

Кубанского государственного университета. 2013. № 1(14). С. 4–5.

⁶ Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность / отв. ред.: Райхер В.К. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 839 с.

⁷ Там же. С. 27.

⁸ Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. М.: Госюриздат, 1963. 196 с.

⁹ Там же. С. 21, 23.

¹⁰ Там же. С. 24.

¹¹ Алексеев С.С. Предмет советского социалистического гражданского права. Свердловск: Изд-во Свердловск. Юридич. ин-та, 1959. 336 с.

¹² Там же. С. 28, 35–36, 46.

отношениях конкретными лицами. Однако характеристика собственности как лишь стороны производственных отношений дается неоднократно в этой же книге вне указанной связи, а имущественные отношения характеризуются и как «прямое («естественное») выражение производственных отношений», и как «волевое отношение собственности»¹³, вследствие чего коренной вопрос о взаимоотношении собственности, имущественных отношений не получил здесь сколько-нибудь ясного ответа.

Ю.К. Толстой, исходя из выдвинутой им концепции тождественности имущественных и производственных отношений¹⁴, отверг разграничение отношений собственности как основы производственных отношений и как конкретного волевого отношения, чем весьма упростил, на первый взгляд, решение вопроса о понятии собственности и о соотношении производственных отношений и отношений собственности. Это позволило Ю.К. Толстому определить экономическую категорию собственности как «совокупность исторически определенных общественных отношений по владению, присвоению и распоряжению средствами и продуктами производства»¹⁵. Такое же в основном понимание собственности, лишь несколько скорректированное, Ю.К. Толстой предлагает и в учебнике 1971 г., определяя «собственность в экономическом смысле» как «совокупность исторически определенных имущественных отношений по владению, пользованию и распоряжению»¹⁶. Нельзя, однако, упускать из виду, что основная предпосылка этой позиции, выдвинутая автором — тождество имущественных и производственных отношений — без учета уровня и категории последних вряд ли может быть доказана, так как она приводит к отрицанию материального характера общественно-производственных отношений в целом.

Заметим, что определение общественной формы собственности как экономи-

ческого отношения, пользуясь для этого комплексом признаков, присущих праву собственности общества развитого товарного производства, довольно прочно укоренилось в учебной юридической литературе того времени. Так, в учебнике гражданского права под редакцией О.А. Красавчикова значит: «Собственность в экономическом смысле можно определить как исторически обусловленные общественные отношения по присвоению материальных благ, выражающее принадлежность основных средств производства отдельным лицам, группам, классам, а также пользование и распоряжение ими»¹⁷. Здесь любая историческая общественная форма собственности характеризуется наличием «пользования и распоряжения», и только третий элемент права собственности — «владение» — заменен здесь «присвоением», выражающим принадлежность вещи. Не удивительно, что при определении понятия права собственности осталось только сказать, что это «система правовых норм, устанавливаемая... с целью регулирования экономических отношений собственности»¹⁸.

В учебнике гражданского права под редакцией профессора В.А. Рясенцева¹⁹ собственность как «общественно-производственное отношение особого вида» также определяется совокупностью правомочий собственника в обществе развитого товарного производства: собственность — «совокупность общественных отношений по владению, пользованию и распоряжению средствами и продуктами производства»²⁰.

Общее понятие собственности как экономического отношения, господствовавшее не только в учебной литературе, но в немалой степени и в трудах исследователей, формулировало отношения собственности как совокупность владения, пользования и распоряжения. Тем самым общественная форма собственности любой общественно-экономической формации отождествлялась с правом собственности господствующего развитого товарного производства.

¹³ Там же. С. 33, 46.

¹⁴ Толстой Ю.К. Понятие права собственности // Проблемы гражданского и административного права. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. С. 136–213.

¹⁵ Там же. С. 153.

¹⁶ Советское гражданское право : учебник. Т. 1 / Иоффе О.С., Мусин В.А., Поссе Е.А., Потюков А.Г. и др.; отв. ред.: Иоффе О.С., Толстой Ю.К., Черепяхин Б.Б. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. С. 226.

¹⁷ Советское гражданское право : учебник для юрид. ин-тов и фак. / под ред. проф. О.А. Красавчикова ; 2-е изд. М. : Высш. школа, 1972. С. 234.

¹⁸ Там же. С. 235.

¹⁹ Советское гражданское право : учебник. Т. 1 / Безрук Н.А., Брагинский М.И., Вердников В.Г., Занковская С.В. и др.; отв. ред. : Рясенцев В.А. М. : Юрид. лит., 1965. 560 с.

²⁰ Там же. С. 266.

Весьма проблематичные результаты такого подхода особенно очевидны в исследованиях проблемы феодальной собственности, как это можно видеть из капитальных трудов в этой области экономиста М.В. Колганова, где освещение проблемы феодальной собственности насквозь пронизано попыткой доказать, что производственные отношения собственности порождаются и складываются лишь на основе товарного обращения и лишь в отношении тех объектов, которые становятся предметом товарного обращения. Исходя из представления, что только товарное обращение формирует отношение собственности, М.В. Колганов решительно отвергал наличие при феодализме земельной собственности и упорно, хотя и безрезультатно, искал подтверждения своему взгляду в формах правового регулирования поземельных отношений при феодализме.

Ошибочность этого подхода в полной мере была обнаружена учеными, в частности, при обсуждении книги М.В. Колганова «Собственность в социалистическом обществе»²¹, где выявилось, что высказывания автора по вопросу о наличии или отсутствии собственности на землю в докапиталистических формациях прежде всего предельно противоречивы. Так, например, на странице 13 М.В. Колганов решительно заявлял: «Мы в своей работе всюду исходим из того положения, что земля сама по себе (в отличие от продуктов труда) является только объектом владения, чем она и была в докапиталистических формациях». На следующей, 14-й странице, автор уже «не исходит» из этого положения и признает наличие «своеобразной формы частной собственности» на землю в рабовладельческом и феодальном обществе», а на странице 31 утверждает, что феодал был «всего лишь владельцем в системе иерархической феодальной земельной собственности», хотя и «высшим субъектом владения землей», и крестьянин тоже «владелец земли» «противостоял феодалу как высшему владельцу, а не как собственнику»²².

В доказательство мнимой правильности этого отрицания самой возможности земельной собственности при феодализме М.В. Колганов приводил слова К. Маркса:

²¹ Колганов М.В. Собственность в социалистическом обществе / Акад. наук СССР. Ин-т экономики. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1953. 392 с.

²² Там же. С. 13, 14, 31.

«Даже целое общество, нация и даже все одновременно существующие общества, взятые вместе, не суть собственник и земли. Они лишь ее владельцы...»²³. На этом цитата оборвана, видимо, потому что далее у Маркса следует такая характеристика этих владельцев, которая исключает представление о них как о частных собственниках вообще; это — «*boni patres familias*»²⁴, которые должны оставить землю улучшенной последующим поколениям». И, наконец, действительный смысл цитируемого М.В. Колгановым высказывания Маркса окончательно раскрывался тут же в указании Маркса, что о невозможности собственности на землю речь здесь идет «с точки зрения более высокой общественной формации».

Выявленные в ходе дискуссии противоречивые позиции и аргументации М.В. Колганова в вопросе о собственности на землю в докапиталистических обществах стали результатом того, что рассмотрение вопроса о наличии или отсутствии в этих обществах собственности на землю не было предпослано убедительное общее понятие собственности, хотя М.В. Колганов и пытался это сделать. Однако при этом предмет научного поиска — «собственность» — сохранял смутные очертания, подменялся, как якобы равнозначным, «владением», и таким путем М.В. Колганов, заявив на странице 13 указанной книги, что в феодальном обществе «земля сама по себе может быть... только объектом владения», а не собственности, на странице 32–33 той же книги ограничивается, как будто бы, только отрицанием возможности при феодализме товарной формы земельной собственности «в духе римского или современного буржуазного права», но тут же повторяет утверждение, что здесь возможна была лишь та или иная форма владения землей и невозможна никакая даже «разделенная собственность». Наконец, в ходе дискуссии он заявил, что «владение есть тоже форма присвоения, а следовательно, и собственности» и счел возможным заменить понятие «владения» понятием «неполной» или «условной собственности». Собственность определяется здесь, следовательно, как некое единство «присвоения» и «имущественных отношений». Но несколькими строками ниже «имущественные отношения» отождест-

²³ Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1955–1981. Т. 25. Ч. II. С. 337.

²⁴ «Добрые отцы семейств». — В.Р.

вляются («или, что то же») с «отношениями собственности». Таким образом понятие собственности предстало уже как единство «присвоения» и «отношений собственности». Имеющая здесь место явная тавтология сводила понятие собственности к «присвоению». В понимании его М.В. Колгановым — это чрезвычайно широкое понятие, охватывающее «простое овладение продуктами природы... производство продуктов, обмен, распределение, потребление, наследование и т.д.» Таким образом понятие собственности сводится уже к совокупности всех производственных отношений и даже правоотношений (наследование).

Таким образом, предложенное М.В. Колгановым определение понятия собственности как присвоения и возникающих на его основе имущественных отношений, отождествлявшихся автором с отношениями собственности, не раскрывало ни содержания, ни общественной формы этих отношений, что не могло не сказаться на результатах исследования проблемы собственности.

Ю.К. Толстой не без основания усматривал корни ошибочности концепций имущественных отношений, выдвинутых в конце 1950-х — начале 1960-х гг., в «чрезмерно прямолинейном, а по существу неверном» разграничении материальных и идеологических отношений²⁵. К сожалению, однако, предложенное им решение вопроса, заключающееся в отождествлении имущественных отношений с производственными отношениями в целом без учета места той или иной группы производственных отношений, как показало последующее обсуждение, было тоже чрезмерно прямолинейным. Чтобы отождествить волевые осознаваемые имущественные отношения с материальными общественно-производственными, Ю.К. Толстой, утверждая, что «наиболее правильно рассматривать понятия имущественных и производственных отношений как тождественные понятия»²⁶, предложил понимать независимость производственных отношений от воли и сознания людей только в том смысле, что «люди отнюдь не свободны в выборе этих производственных отношений»²⁷. Этот же аргумент выдвигал и С.Н. Братусь, отказываясь различать общественно-производственные и конкретные производственные отношения²⁸.

Такое положение действительно имеет место как в имущественных конкретных производственных, так и в общественно-производственных отношениях, если речь идет о выборе участниками этих отношений общественно-политических отношений. Люди не свободны в выборе системы или подсистемы общественно-производственных отношений, например, товарного или натурального хозяйства как общего условия своей экономической деятельности. Но в выборе конкретного имущественного отношения в рамках данной системы общественно-производственных отношений они, конечно, пользуются значительной свободой, а это говорит не о тождестве общественно-производственных и конкретных имущественных отношений, а о существенном их различии.

Научной общественностью не была признана убедительной попытка Ю.К. Толстого сблизить и отождествить понятия имущественных и общественно-производственных отношений путем утверждения, что производственные отношения не зависят от воли и сознания людей только в том смысле, что «общественные результаты участия людей в производственных отношениях никогда не могут быть охвачены полностью ни сознанием отдельного человека, ни сознанием всего человечества»²⁹.

Одним из итогов дискуссии стала выработка квинтэссенцирующего общего понятия собственности, которое выглядело следующим образом: «Собственность есть органическое единство (система) материальных общественно-производственных и вторичных волевых отношений, сложившееся в результате разделения труда и объективной необходимости накопления и концентрации средств производства для существования и прогрессивного развития общества. В развивающейся общественной форме собственности в руках отдельных лиц и социальных групп (классов, сословий) сосредотачивается наиболее полное из возможных в данной социально-экономической формации распоряжение средствами производства и предметами потребления»³⁰. Такой подход стал определяющим на весь последующий период развития советской юридической и экономической науки, претерпев изменения лишь с

²⁵ Толстой Ю.К. Указ. соч. С. 144.

²⁶ Там же. С. 147.

²⁷ Там же. С. 145.

²⁸ Братусь С.Н. Указ. соч. С. 11.

²⁹ Толстой Ю.К. Указ. соч. С. 145.

³⁰ См., например : Курс политической экономии : в 2-х т. / под ред. Н.А. Цаголова. М., 1973. Т. 2. С. 118–119.

началом «перестроечных» процессов второй половины 1980-х гг., вызвавших к жизни разработку новых концепций собственности и права собственности.

Литература

1. Алейников Б.Н. Институт права собственности как структурный элемент каждой отрасли права / Б.Н. Алейников // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2008. № 11. С. 96–103.
2. Алексеев С.С. Предмет советского социалистического гражданского права / С.С. Алексеев. Свердловск : Свердловский юридический институт, 1959. 336 с.
3. Андреев В.К. О праве частной собственности в России (критический очерк) / В.К. Андреев. М. : Волтерс Клувер, 2007. 184 с.
4. Безрук Н.А. Советское гражданское право : учебник. Т. 1 / Н.А. Безрук, М.И. Брагинский, В.Г. Вердников, С.В. Занковская и др. ; отв. ред. : Рясенцев В.А. М. : Юридическая литература, 1965. 560 с.
5. Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права / С.Н. Братусь. М. : Госюриздат, 1963. 196 с.
6. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность / А.В. Венедиктов ; отв. ред. : Райхер В.К. М., Л. : Изд-во АН СССР, 1948. 839 с.
7. Гошуляк В.В. Юридическая природа и нормативное содержание института собственности в конституционном праве / В.В. Гошуляк // *Образование и право*. 2011. № 10(26). С. 67–78.
8. Игнатьева Е.А. О соотношении понятий «актив», «собственность», «имущество» в российском праве / Е.А. Игнатьева // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 5: Юриспруденция. 2011. № 2. С. 204–209.
9. Иоффе О.С. Советское гражданское право : учебник. Т. 1 / О.С. Иоффе, В.А. Мусин, Е.А. Поссе, А.Г. Потюков, и др. ; отв. ред. : О.С., Иоффе Ю.К. Толстой, Б.Б. Черепяхин Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. С. 226.
10. Капелюшников Р.И. Экономическая теория прав собственности: методология, основные понятия, круг проблем / Р.И. Капелюшников. М. : ИЭ АН СССР, 1990. 90 с.
11. Капкаев Ю.Ш. Генезис научных представлений о «естественном праве» собственности как институциональной основы прогрессивного развития общества / Ю.Ш. Капкаев // *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. Серия: Экономика. 2004. Т. 4. № 10. С. 56–62.
12. Климов И.П. Становление института права собственности в гражданском праве России / И.П. Климов // *Академический вестник*. 2012. № 1(19). С. 179–184.
13. Колганов М.В. Собственность в социалистическом обществе / М.В. Колганов // *Акад. наук СССР. Ин-т экономики*. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1953. 392 с.
14. Колесник Г.В. Математическая модель экономической системы с распределенными правами собственности / Г.В. Колесник // *Вестник Тверского государственного университета*. Серия: Прикладная математика. 2010. № 17. С. 111–126.
15. Красавчикова О.А. Советское гражданское право : учебник / под ред. проф. О.А. Красавчикова. 2-е изд. М. : Высшая школа, 1972. С. 234.
16. Куцурова Л.З. О праве собственности / Л.З. Куцурова, А.В. Симонян // *Нотариус*. 2003. № 4. С. 22–26.
17. Ложкина Е.Г. Уточнению понятий «право собственности» и «спецификация прав собственности» / Е.Г. Ложкина // *Вестник Московского университета*. Серия 6: Экономика. 2011. № 6. С. 33–41.
18. Маркс К. Капитал // К. Маркс, Ф. Энгельс Соч. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1955-1981. Т. 25. Ч. II. С. 337.
19. Павлов В.П. Категория собственности в российском гражданском праве / В.П. Павлов // *Экономическая наука современной России*. 2000. № 1. С. 138–150.
20. Прозоров И.В. Закрепление института собственности в конституционном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.В. Прозоров. М. : Ин-т гос. и права Рос. академии наук, 2010. 24 с.
21. Пятков Д.В. Перспективы вещного права: публичная собственность и единое право собственности / Д.В. Пятков // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2017. № 4. С. 128–143.
22. Рубаник В.Е. Собственность и право собственности: юридические, философские, социологические, экономические подходы в их историческом развитии : в 3-х т. / В.Е. Рубаник. Т. 1: Отношения собственности и их отражение в восточнославянской традиции права собственности. М. : Юрлитинформ, 2010. 494 с.
23. Рубаник В.Е. Собственность и право собственности: юридические, философские, социологические, экономические подходы в их историческом развитии : в 3-х т. / В.Е. Рубаник. Т. 2: Эволюция восточнославянской традиции права собственности в XX веке. М. : Русайнс, 2017. 194 с.
24. Серова О.А. Понятие «форма собственности» в гражданском праве России / О.А. Серова // *Гражданское право*. 2010. № 1. С. 38–40.
25. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 5-е изд., перераб. / К.И. Скловский. М. : Статут, 2010. 893 с.
26. Суханов Е.А. Лекции о праве собственности / Е.А. Суханов. М. : Юридическая литература, 1991. 240 с.

27. Сухарева Е.Р. Определение сущности права собственности и иных прав на чужую вещь в теории гражданского права / Е.Р. Сухарева // Вестник Воронежского института МВД России. 2008. № 2. С. 39–43.
28. Тарасенко В.Г. Собственность: экономика и право. Дополнение к постулатам права / В.Г. Тарасенко // Вопросы экономики и права. 2010. № 27. С. 16–30.
29. Толстой Ю.К. Понятие права собственности / Ю.К. Толстой // Проблемы гражданского и административного права. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. С. 136–213.
30. Фоков А.П. Институт права собственности в гражданском праве России / А.П. Фоков // Российский судья. 2003. №3. С. 45–48.
31. Цаголов Н.А. Курс политической экономии : в 2-х т. / под ред. Н.А. Цаголова. М. : Экономика, 1974. Т. 2. 670 с.
32. Чукаева Г.Х. Развитие института права частной собственности и особенности его реализации в российском частном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Г.Х. Чукаева. Челябинск, 2006. 22 с.
33. Шитьков С.В. Генезис и эволюция права собственности в истории российского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.В. Шитьков. М., 2009. 24 с.
34. Шленева Е. Право частной собственности как важнейшее экономическое право (российский и зарубежный опыт) / Е. Шленева // Право и жизнь. 2011. № 157-158. С. 161.
35. Щенникова Л.В. Значение идей А.В. Венедиктова о праве собственности для современного гражданского права / Л.В. Щенникова // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2013. № 1(14). С. 4–5.

References

1. Aleynikov B.N. Institut prava sobstvennosti kak strukturny'y element kazhdoy otrasli prava [The Proprietary Right Institution as a Structural Element of Each Branch of Law] / B.N. Aleynikov // Zakony' Rossii: opyt, analiz, praktika — Russian Laws: Experience, Analysis, Practice. 2008. № 11. S. 96–103.
2. Alekseev S.S. Predmet sovetskogo sotsialisticheskogo grazhdanskogo prava [The Subject of Soviet Socialist Civil Law] / S.S. Alekseev. Sverdlovsk : Sverdlovskiy yuridicheskiy institut — Sverdlovsk : Sverdlovsk Law Institute, 1959. 336 s.
3. Andreev V.K. O prave chastnoy sobstvennosti v Rossii (kriticheskiy ocherk) [On the Right to Private Property in Russia (a Critical Sketch)] / V.K. Andreev. Moskva : Volters Kluver — Moscow : Wolters Kluver, 2007. 184 s.
4. Bezruk N.A. Sovetskoe grazhdanskoe pravo : uchebnik. T. 1 [Soviet Civil Law : textbook. Vol. 1] / N.A. Bezruk, M.I. Braginskiy, V.G. Verdnikov, S.V. Zankovskaya i dr. ; otv. red. : Ryasentsev V.A. Moskva : Yuridicheskaya literatura — N.A. Bezruk, M.I. Braginsky, V.G. Verdnikov, S.V. Zankovskaya et al. ; publishing editor : Ryasentsev V.A. Moscow : Legal Literature, 1965. 560 s.
5. Bratus S.N. Predmet i sistema sovetskogo grazhdanskogo prava [The Subject and System of Soviet Civil Law] / S.N. Bratus. Moskva : Gosyurizdat — Moscow : State Publishing House of Legal Literature, 1963. 196 s.
6. Venediktov A.V. Gosudarstvennaya sotsialisticheskaya sobstvennost [State Socialist Property] / A.V. Venediktov ; otv. red. : Raykher V.K. Moskva, Leningrad : Izd-vo AN SSSR — publishing editor : Raykher V.K. Moscow, Leningrad : publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1948. 839 s.
7. Goshulyak V.V. Yuridicheskaya priroda i normativnoe sodержание instituta sobstvennosti v konstitutsionnom prave [The Legal Nature and Statutory Content of the Institution of Property in the Constitutional Law] / V.V. Goshulyak // Obrazovanie i pravo — Education and Law. 2011. № 10(26). S. 67–78.
8. Ignatyeva E.A. O sootnoshenii ponyatiy «aktiv», «sobstvennost», «imuschestvo» v rossiyskom prave [On the Correlation between the Concepts of Asset, Ownership, Property in the Russian Law] / E.A. Ignatyeva // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5 : Yurisprudentsiya — Bulletin of the Volgograd State University. Series 5 : Jurisprudence. 2011. № 2. S. 204–209.
9. Ioffe O.S. Sovetskoe grazhdanskoe pravo : uchebnik. T. 1 [Soviet Civil Law : textbook. Vol. 1] / O.S. Ioffe, V.A. Musin, E.A. Posse, A.G. Potyukov, i dr. ; otv. red. : O.S., Ioffe Yu.K. Tolstoy, B.B. Cherepakhin. Leningrad : Izd-vo Leningr. un-ta — O.S. Ioffe, V.A. Musin, E.A. Posse, A.G. Potyukov, et al. ; publishing editors : O.S. Ioffe, Yu.K. Tolstoy, B.B. Cherepakhin. Leningrad : publishing house of the Leningrad University, 1971. S. 226.
10. Kapelyushnikov R.I. Ekonomicheskaya teoriya prav sobstvennosti: metodologiya, osnovny'e ponyatiya, krug problem [The Economic Theory of Proprietary Rights: the Methodology, Key Concepts, Range of Issues] / R.I. Kapelyushnikov. Moskva : IE AN SSSR — Moscow : Institute of Economics of the Academy of Sciences of the USSR, 1990. 90 s.
11. Kapkaev Yu.Sh. Genezis nauchny'kh predstavleniy o «estestvennom prave» sobstvennosti kak institutsionalnoy osnovy' progressivnogo razvitiya obschestva [The Genesis of Scientific Views on the Natural Property Law as an Institutional Ground for the Progressive Development of the Society] / Yu.Sh. Kapkaev // Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Ekonomika.

2004. Т. 4 — Bulletin of the South Ural State University. Series : Economics. 2004. Vol. 4. № 10. S. 56–62.
12. Klimov I.P. Stanovlenie instituta prava sobstvennosti v grazhdanskom prave Rossii / I.P. Klimov [The Establishment of the Proprietary Right Institution in the Russian Civil Law] // Akademicheskii vestnik — Academic Bulletin. 2012. № 1(19). S. 179–184.
 13. Kolganov M.V. Sobstvennost v sotsialisticheskom obschestve [Property in the Socialist Society] / M.V. Kolganov // Akad. nauk SSSR. In-t ekonomiki. Moskva : Izd-vo Akademii nauk SSSR — Academy of Sciences of the USSR. Institute of Economics. Moscow : publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1953. 392 s.
 14. Kolesnik G.V. Matematicheskaya model ekonomicheskoy sistemy's raspredelenny'mi pravami sobstvennosti [The Mathematical Model of an Economic System with Distributed Proprietary Rights] / G.V. Kolesnik // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Prikladnaya matematika — Bulletin of the Tver State University. Series : Applied Mathematics. 2010. № 17. S. 111–126.
 15. Krasavchikova O.A. Sovetskoe grazhdanskoe pravo : uchebnik [Soviet Civil Law : textbook] / pod red. prof. O.A. Krasavchikova. 2-e izd. Moskva : Vysshaya shkola — edited by Professor O.A. Krasavchikova. 2nd edition. Moscow : Higher School, 1972. S. 234.
 16. Kutsurova L.Z. O prave sobstvennosti [On the Proprietary Right] / L.Z. Kutsurova, A.V. Simonyan // Notarius — Notary. 2003. № 4. S. 22–26.
 17. Lozhkina E.G. K utocnreniyu ponyatiy «pravo sobstvennosti» i «spetsifikatsiya prav sobstvennosti» [On Closer Definition of Concepts of Proprietary Right and Specification of Proprietary Rights] / E.G. Lozhkina // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6 : Ekonomika — Bulletin of the Moscow University. Series 6 : Economics. 2011. № 6. S. 33–41.
 18. Marx K. Kapital [Capital] // K. Marx, F. Engels. Soch. 2-e izd. Moskva : Gospolitizdat, 1955–1981. T. 25. Ch. II — Works. 2nd edition. Moscow : State Publishing House of Political Literature, 1955 to 1981. Vol. 25. Part II. S. 337.
 19. Pavlov V.P. Kategoriya sobstvennosti v rossiyskom grazhdanskom prave [The Property Category in the Russian Civil Law] / V.P. Pavlov // Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii — Economic Science of Modern Russia. 2000. № 1. S. 138–150.
 20. Prozorov I.V. Zakreplenie instituta sobstvennosti v konstitutsionnom prave: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Consolidation of the Property Institution in the Constitutional Law: author's abstract of thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / I.V. Prozorov. Moskva : In-t gos. i prava Ros. akademii nauk — Moscow : Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2010. 24 s.
 21. Pyatkov D.V. Perspektivy' veschnogo prava: publichnaya sobstvennost i edinoe pravo sobstvennosti [Prospects of the Right in Things: Public Property and the Single Proprietary Right] / D.V. Pyatkov // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly' ekonomiki — Law. Journal of the Higher School of Economics. 2017. № 4. S. 128–143.
 22. Rubanik V.E. Sobstvennost i pravo sobstvennosti: yuridicheskie, filosofskie, sotsiologicheskie, ekonomicheskie podkhody' v ikh istoricheskom razvitii : v 3-kh t. [Property and the Proprietary Right: Legal, Philosophical, Sociological, Economic Approaches in Their Historical Development : in 3 vol.] / V.E. Rubanik. T. 1 : Otnosheniya sobstvennosti i ikh otrazhenie v vostochnoslavlyanskoy traditsii prava sobstvennosti. Moskva : Yurlitinform — Vol. 1 : Property Relationships and Their Reflection in the East Slavic Proprietary Right Tradition. Moscow : Yurlitinform, 2010. 494 s.
 23. Rubanik V.E. Sobstvennost i pravo sobstvennosti: yuridicheskie, filosofskie, sotsiologicheskie, ekonomicheskie podkhody' v ikh istoricheskom razvitii : v 3-kh t. [Property and the Proprietary Right: Legal, Philosophical, Sociological, Economic Approaches in Their Historical Development : in 3 vol.] / V.E. Rubanik. T. 2 : Evolyutsiya vostochnoslavlyanskoy traditsii prava sobstvennosti v XX veke. Moskva : Rusayns — Vol. 2 : Evolution of the East Slavic Proprietary Right Tradition in the XX Century. Moscow : Ruscience, 2017. 194 s.
 24. Serova O.A. Ponyatie «forma sobstvennosti» v grazhdanskom prave Rossii [The Property Form Concept in the Russian Civil Law] / O.A. Serova // Grazhdanskoe pravo — Civil Law. 2010. № 1. S. 38–40.
 25. Sklovsky K.I. Sobstvennost v grazhdanskom prave. 5-e izd., pererab. [Property in Civil Law. 5th edition, revised] / K.I. Sklovsky. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2010. 893 s.
 26. Sukhanov E.A. Lektsii o prave sobstvennosti [Lectures on the Proprietary Right] / E.A. Sukhanov. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1991. 240 s.
 27. Sukhareva E.R. Opredelenie suschnosti prava sobstvennosti i iny'kh prav na chuzhuyu vesch v teorii grazhdanskogo prava [Determination of the Essence of the Proprietary Right and Other Rights to Someone Else's Belongings in the Civil Law Theory] / E.R. Sukhareva // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii — Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2008. № 2. S. 39–43.
 28. Tarasenko V.G. Sobstvennost: ekonomika i pravo. Dopolnenie k postulatam prava [Property: Economics and Law. Supplement to Legal Principles] / V.G. Tarasenko // Voprosy' ekonomiki i prava — Issues of Economics and Law. 2010. № 27. S. 16–30.

29. Tolstoy Yu.K. Ponyatie prava sobstvennosti [The Proprietary Right Concept] / Yu.K. Tolstoy // Problemy' grazhdanskogo i administrativnogo prava. Leningrad : Izd-vo Leningr. un-ta — Issues of Civil and Administrative Law. Leningrad : publishing house of the Leningrad University, 1962. S. 136–213.
30. Fokov A.P. Institut prava sobstvennosti v grazhdanskom prave Rossii [The Proprietary Right Institution in the Russian Civil Law] / A.P. Fokov // Rossiyskiy sudya — Russian Judge. 2003. № 3. S. 45–48.
31. Tsagolov N.A. Kurs politicheskoy ekonomii : v 2-kh t. [A Course of Political Economics : in 2 vol.] / pod red. N.A. Tsagolova. Moskva : Ekonomika, 1974. T. 2 — edited by N.A. Tsagolov. Moscow : Economics, 1974. Vol. 2. 670 s.
32. Chukaeva G.Kh. Razvitie instituta prava chastnoy sobstvennosti i osobennosti ego realizatsii v rossiyskom chastnom prave : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [The Development of the Institution of the Right to Private Property and Peculiarities of Its Implementation in the Russian Private Law : author's abstract of thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / G.Kh. Chukaeva. Chelyabinsk — Chelyabinsk, 2006. 22 s.
33. Shitkov S.V. Genesis i evolyutsiya prava sobstvennosti v istorii rossiyskogo prava : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [The Genesis and Evolution of the Proprietary Right in the History of the Russian Law : author's abstract of thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / S.V. Shitkov. Moskva — Moscow, 2009. 24 s.
34. Shleneva E. Pravo chastnoy sobstvennosti kak vazhneyshee ekonomicheskoe pravo (rossiyskiy i zarubezhny'y opyt) [The Right to Private Property as the Most Important Economic Right (Russian and Foreign Experience)] / E. Shleneva // Pravo i zhizn — Law and Life. 2011. № 157-158. S. 161.
35. Schennikova L.V. Znachenie idey A.V. Venediktova o prave sobstvennosti dlya sovremennogo grazhdanskogo prava [The Importance of A.V. Venediktov's Ideas on the Proprietary Right for Modern Civil Law] / L.V. Schennikova // Yuridicheskiy vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta — Legal Bulletin of the Kuban State University. 2013. № 1(14). S. 4–5.

DOI:10.18572/1812-3805-2018-10-57-62

Механизм правового регулирования отношений в ресурсодобывающих отраслях в царской России второй половины XIX века

*Латыпов Урал Альфретович,
аспирант Международного юридического института
rep.depel@gmail.com*

В статье представлен историко-правовой анализ формирования механизма правового регулирования отношений в ресурсодобывающих отраслях в царской России второй половины XIX в. Показана специфика российского законодательства, регламентировавшего деятельность в названной сфере. Раскрыты объект, предмет, условия, содержание и участники правоотношений в сфере недропользования. Определена структура механизма правового регулирования. Раскрыта специфика государственного регулирования недропользованием в Российской империи, которое осуществлялось в рамках законодательства, устанавливавшего отношения в сферах разработки недр, а именно Устава горного Российской империи, регламентировавшего освоение рудных, угольных, золотоносных, соляных, нефтяных и иных месторождений и иных правовых актов.

Ключевые слова: *недра, ресурсодобывающие отрасли, недропользование, правомочия, правоотношения, способы регулирования, дозволения, обяызывания, запрещения, дозвоительно-обязывающий способ, Устав Горный, Положение «О горном промысле в Войске Донском».*

The Mechanism of the Legal Regulation of Relationships in Resource Industries in the Tsarist Russia in the Second Half of the XIX Century

*Latypov Ural A.
Postgraduate Student of the International Law Institute*

This article provides a historical and legal analysis of the formation of the mechanism of legal regulation of relations in the extractive industries in Tsarist Russia in the second half of the 19th century.

Specificity of the Russian legislation in the field of activity of the reglamentirovavshogo. Revealed the object, subject, participants, content and conditions of relations in the field of subsoil use. The structure of the mechanism of legal regulation. Specifics of State regulation of subsoil use in the Russian Empire, which was part of legislation, ustanavlivavshego relations in the fields of mining, namely, the Charter of the mountain of the Russian Empire reglamentirovavshego exploration of ore, coal, gold, salt, oil and other fields and other legal acts.

Keywords: subsoil, resource-extracting industries, subsoil use, powers, legal relations, methods of regulation, permissions, obligation, prohibitions, permissible-obliging method, Charter of the Mountain, Regulation "On Mining in the Don Army".

Механизм правового регулирования ресурсодобывающих отраслей промышленности самодержавной России во второй половине XIX — начале XX вв. обеспечивал комплексное воздействие на общественные отношения, возникавшие в процессе разработки недроресурсов. Система юридических средств, обеспечивавших удовлетворение интересов субъектов права, существенно отличалась от европейского законодательства, ограничивавшего права собственника земли на препятствие разработке месторождений. Российское законодательство разрешало поиск и разработку месторождений полезных ископаемых лишь на казенных землях. Данная норма была заложена в Уставе Горном Российской Империи в 1832 г.¹ и действовала до принятия Декрета о земле 1917 г. Ограничения правомочий разработчиков недр правами землевладельцев сдерживали развитие российской ресурсодобывающей индустрии.

Государственно-правовое регулирование сферы недропользования в России в обозначенный период осуществлялось в рамках социально-экономических реформ, вызванных отменой крепостного права, при соблюдении приоритета государственной собственности на недра. В этом состояла особенность российского законодательства, сохраняющего данную тенденцию и в современный период.

Объектом правоотношений недропользования являлись ресурсы, находящиеся в недрах, на которые воздействовал человек в процессе своей экономической деятельности. В качестве субъектов права недропользования выступали лица, обладавшие правом собственности на недра, и лица, реализующие права в качестве пользователей недр.

В условиях российской действительности того периода основным элементом

механизма правового регулирования, регламентировавшим порядок недропользования, а точнее организацию, управление и разработку недр, был Горный устав Российской империи.

По структуре названный документ представлял собой свод положений и уставов. Первая редакция Устава Горного вышла на свет в 1832 г., последующие редакции осуществлялись на протяжении XIX в. — в 1842, 1857 и 1893 гг. При этом в каждом случае в Устав интегрировались документы, определявшие субъективные права и юридические обязанности участников правоотношений применительно к конкретным сферам недропользования.

Так, например, в 1856 г. были опубликованы Правила об утверждении частных компаний для разработки антрацита на Дону². Это первый правительственный законодательный акт, регулировавший порядок оформления участков земли для разработки недр в конкретном регионе. Правила определяли категорию лиц, имевших право на получение земельных участков, устанавливали правомочия землепользователей и плату за землю. В документе говорилось, что «участки с 1,5 до 5 тыс. квадратных саженей предоставлялись войсковым жителям. Разрешалось соединять несколько отводов для закладки шахты. За каждый участок необходимо было уплатить в войсковую казну 50 рублей серебром. Размер пошлины был понижен с 2 копеек до 1/2 копейки. Иногородних закон ограничивал в праве заниматься угледобычей³. Позже данная норма была изменена, и участие в угледобыче в донском крае представлялось товариществам и обществам без существенных ограничений.

После крестьянской реформы 8 марта 1864 г. вышло Положение «О горном промысле в Войске Донском», ставшее частью

¹ Свод законов Российской империи. Том седьмой. Уставы монетный, горный и о соли. URL: <https://www.runivers.ru/lib/book7372/388187/> (дата обращения: 12.06.2018).

² Находка Григория Капустина. URL: <http://rostov-region.ru/books/item/f00/s00/z0000060/st003.shtml> (дата обращения: 10.04.2018).

³ Там же.

Устава Горного, которое устанавливало порядок занятия горным промыслом, определяло права лиц, изъявлявших желание осуществлять разработку недр. Право заниматься горным промыслом в землях войсковых предоставлялось каждому, как принадлежащему, так и не принадлежащему к войсковому сословию. В примечании конкретизировались отдельные права, например, «в местности Грушевского антрацитового месторождения, находившейся между хуторами Власовым, Поповым и балкою Атюктенок, право разрабатывать антрацит предоставлялось предпочтительно жителям войска Донского, а иногородним лицам, товариществам и компаниям только тем, с действием которых сопряжено потребление угля, как то: для железных дорог, пароходства, плавки металлов»⁴.

Выдержки из вышеназванного положения легли в основу «Памятной книжки Области Войска Донского»⁵, отпечатанной в 1866 г., которая стала популярной из-за доступной формы изложения материала для лиц, желавших заниматься разработкой угольных месторождений.

Появление юридических регламентов свидетельствовало о стремлении государства обеспечить эффективную работу механизма правового регулирования в области разработки недр в условиях развития капиталистического уклада, способствовавшего подъему экономики Российской империи после отмены крепостного права.

Трансформация механизма правового регулирования после крестьянской реформы 1861 г. коснулась не только угледобывающей промышленности, но и золотодобычи. В 1870 г. был опубликован Устав о частной золотопромышленности, определявший порядок разработки золота. Данный документ принципиально изменил положение в золотодобывающей отрасли, стимулировал приток капиталов только из-за того, что государство отменило монополию на занятие золотопромышленностью сословий и предоставило возможность «осуществлять добычу золота всем сословиям и национальностям России и инородцам за небольшим

исключением»⁶. В параграфе 30 названного документа было конкретизировано исключение, а именно: «К производству золотого промысла не допускались евреи в тех местах, где им воспрещено постоянное жительство»⁷. Принятое решение позволило повлиять на состав золотопромышленников, разукрупнить предприятия и стимулировать золотодобычу.

В то же время в Уставе не регулировалась разработка жильных месторождений золота. Документ устанавливал добычу рудного золота общими правилами для разработки рудных месторождений, прописанных в Уставе Горном. Фактически данная оговорка в отношении рудного золота отсылала золотодобытчиков к закону 1824 г., который ограничивал права частных лиц, желавших заниматься разработкой рудного золота на казенных землях, предоставляя такое право в виде исключения. Это не способствовало развитию разработок золота в промышленном масштабе.

Механизм правового регулирования отношений в сфере разработки природных ресурсов в конце XIX в. складывался с учетом ограничения монополии государства на разработку определенных видов недр, что подтверждалось изданием соответствующих законов, правил, уставов и регламентов. Так, в 1872 г. вступили в действие Правила о нефтяном промысле и акцизе с фотогенового производства и Правила об отдаче в частные руки казенных нефтяных источников Кавказского и Закавказского края, состоящих в откупном содержании. Названные документы по аналогии с вышеприведенными Правилами об утверждении частных компаний для разработки антрацита на Дону регламентировали нефтедобычу на Апшеронском полуострове.

Правила получили большое социальное значение из-за отмены откупной системы в регионе. Они устанавливали три категории собственности на земли полуострова. В первую категорию входили земли, находящиеся в собственности частных лиц. Собственники наделялись правом осуществлять поиск и добычу нефти. Примечательно то, что крестьянам, проживавшим на данной терри-

⁴ О горном промысле в Войске Донском // Памятная книжка Области Войска Донского на 1866 год. Новочеркасск : Войсковая типография, 1866. С. 60–65. URL: <https://tw1npeaks.blogspot.com/2018/01/o-gornom-promuslev-voyske-donskom.html> (дата обращения: 10.05.2017).

⁵ Там же.

⁶ Волчек В.А. Развитие частной золотопромышленности Сибири в государственной политике второй четверти XIX века // Ползуновский вестник. 2006. № 1. С. 244.

⁷ Гинцбург в золотопромышленности России. URL: <https://megalektsii.ru/s11887t3.html> (дата обращения: 19.05.2018).

тории, разрешалось вести добычу нефти на своих землях или сдавать участки в аренду другим лицам.

Вторая категория включала свободные казенные земли. На них государство разрешало поиск и добычу нефти местному населению, также иным подданным и иностранцам.

Третья категория объединяла земли и нефтяные источники, состоявшие в откупном содержании. По существу, царское правительство оставило за собой только право надзора за этой категорией земель. Нефтеносные участки, находящиеся на казенных землях, государство передавало частным лицам посредством публичных торгов. Право пользования участком узаконивалось в случае проведения единовременной оплаты, при этом на пользователя возлагалась обязанность осуществления разработки нефтяных скважин «в течение первых двух лет по получении акта на отведенную площадь и внесения арендной платы по 10 рублей за одну десятину в год»⁸. Срок аренды устанавливался на 24 года.

Нефтеперегонное производство облагалось акцизным налогом из расчета количества перегонных кубов, до 208 ведер акциз взимался по 4 копейки с ведра. При превышении этого показателя размер акциза устанавливался по 10 рублей с каждого куба в день⁹.

Следующее значимое решение царской власти, обеспечившее корректировку правового механизма регулирования нефтепереработки, принятое в 1877 г., стимулировало российское производство керосина. По существу, оно являлось проявлением политики протекционизма, выраженной в защите интересов внутренних производителей от американских поставщиков керосина.

По инициативе Императорского русского технического общества в 1876 г. была создана комиссия, исследовавшая вопрос об устранении препятствий к развитию нефтяного промысла в России, которая пришла к заключению, что самой существенной мерой помощи русскому нефтяному промыслу было бы освобождение его от всякого акциза в течение 10 лет¹⁰.

⁸ Царская «приватизация» и свобода геологоразведки. URL: <https://nangs.org/news/authorities/tsarskaya-privatizatsiya-i-svoboda-geologorazvedki> (дата обращения: 23.06.2018).

⁹ Там же.

¹⁰ Записки Императорского русского технического общества. 1876. № 4. С. 144–145.

Авторитетное мнение названных специалистов подвигло Александра II принять судьбоносное повеление об отмене акциза на нефть и нефтепродукты с 1 сентября 1877 г. по всей стране. Участники фотогенового (керосинового) производства на 10 лет получили право безакцизно осуществлять нефтяной промысел. Позиция царского двора позволила обеспечить конкурентную защиту российских разработчиков нефти и сократить поставки американского керосина в Россию с 2,7 млн пудов, ввезенных в 1873 г., до 1,7 млн пудов, импортируемых в 1877 г., вплоть до полного прекращения поставок в 1882 г.¹¹

Стимулирование государством добывающей промышленности предопределило развитие контрольно-надзорной системы, ставшей частью механизма правового регулирования, которая начала складываться в конце XIX в. и включала в себя меры, направленные на обеспечение условий безопасности в горнодобывающих и перерабатывающих отраслях.

Одним из первых институтов, обеспечивавших контроль над деятельностью горнопромышленных структур, стала горная полиция, ее появление регламентировалось правилами «О порядке производства горнопромышленниками подземных работ» в 1880 г., они способствовали актуализации данного ведомства.

По мнению А.В. Лучинина, «главное направления деятельности этой государственной полицейской структуры — осуществление контроля за частным предпринимательством в области горного дела»¹².

Полагаем, что автор исследования сузил задачи горной полиции, которая решала много больше вопросов, определенных в ее сфере деятельности. Например, она осуществляла прием заявок от промышленников на открытие золотых россыпей и рудных залежей, контролировала процесс разработки золота и, в частности, сокрытие добытого золота, выявляла злоупотребления в сфере организации хранения золота, вела наблюдение за приисковыми рабочими.

Создание полицейского ведомства в недобывающей промышленности приве-

¹¹ Матвейчук А. Люди российской нефти. URL: <http://www.oilru.com/nr/53/116/> (дата обращения: 03.06.2018).

¹² Лучинин А. В. Горная полиция в России XIX — начала XX вв. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000. С. 5.

ло к усилению государственного контроля в сфере золотодобычи. При этом царская администрация совершенствовала механизм контроля за счет разработки нормативных регуляторов и институтов в сфере организации безопасности горнодобывающей промышленности.

Очередным шагом в совершенствовании механизма правового регулирования в ресурсодобывающих отраслях стало создание в 1892 г. Особых горнозаводских инспекций, учрежденных при горных управлениях «присутствий по горнозаводским делам». Рождение инспекций отражало тенденцию государства, направленную на совершенствование надзора в добывающих и перерабатывающих отраслях промышленности. Контроль осуществлялся через юридически оформленные институты надзора за безопасностью ведения горных работ. Закономерным результатом деятельности царской администрации в этой области стало создание в 1899 г. фабричной инспекции, объединившей в своем составе «присутствия по горнозаводским делам» с «присутствиями по фабричным делам». Функционал названной инспекции включал: аналитическую работу о распределении рабочего времени; сбор сведений об оплате труда; использовании на предприятиях детского и женского труда. Также в обязанности инспекции вменялась подготовка и издание нормативных документов в части их касавшихся.

Охрана труда стала основным элементом деятельности инспекций, что усилило их административный статус. Ведущим административно-управленческим органом являлось Главное управление по фабричным и горнозаводским делам присутствие — коллегиальный орган, образованный при Департаменте торговли и мануфактур Министерства финансов. Данная структура формировала специальные санитарные правила для ртутных рудников, работ со свинцом и хромпиком и другие, это позволяло ведомству оказывать существенное воздействие на ресурсодобычу и промышленное производство. В целом концепция деятельности названного органа выражалась в контроле над соблюдением рабочего законодательства администрацией фабрик, заводов и горных промыслов.

Положение главного управления в области надзорного регулирования внесло раздор между двумя влиятельными министерствами, с одной стороны, Министерством внутренних дел, с другой стороны, — Министерством финансов. Борьба между ними

привела к появлению решения Особого совещания Министров от 15 июля 1898 года в форме инструкции о пределах компетенции местных органов МВД и Министерства финансов в деле надзора за фабрично-заводскими заведениями и разграничении сферы действий полиции и инспекции¹³.

Можно констатировать, что деятельность института, осуществлявшего охрану труда, ставшего причиной раздора вышеназванных министерств, способствовала рождению компромиссного межведомственного органа — губернских по фабричным делам присутствий (с 1899 г. по фабричным и горнозаводским) делам. Полагаем, А.В. Новиков прав, отмечая, что «в создании губернских присутствий выразилось стремление поставить фабричную инспекцию под контроль местной губернской власти, а посредством ее — осуществлять надзор со стороны Министерства внутренних дел»¹⁴.

Конфликт интересов Министерства внутренних дел и Министерства финансов отразился на сущности надзорной деятельности инспекций, функции которой с 1884 г. менялись от исправления законодательства и добавления неучтенных норм и правил — к сообщению о нарушениях порядка и волнениях на фабриках губернскому начальству и чинам полиции. По мнению А.Ю. Володина, таким образом, усиливалась охранительная направленность деятельности инспекции¹⁵.

Полагаем, что придание инспекциям охранительных функций отражало стремление государственных чиновников получить дополнительный административный ресурс в противостоянии с буржуазией.

По нашему мнению, данные действия свидетельствуют о системной работе царской администрации, направленной на корректировку механизма правового регулирования в отношении ресурсодобывающих и перерабатывающих отраслей промышленности в конце XIX в. Это был закономерный

¹³ Вовчик А.Ф. Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период (1895–1904). Львов, 1964. С. 69.

¹⁴ Новиков А.В. Социальные и межведомственные противоречия в России рубежа XIX–XX вв. через призму деятельности Костромского губернского по фабричным и горнозаводским делам присутствия // Романовские чтения-2013 : материалы Всероссийской конференции. Кострома, 2–3 марта 2013 г. 2013. С. 246.

¹⁵ Володин А.Ю. История фабричной инспекции в России 1882–1914 гг. М., 2009. С. 78–79.

процесс, объективно связанный с усилением протестного движения рабочих, с одной стороны, и ростом промышленного бума, с другой.

Подводя итог, можно сделать ряд выводов. Во-первых, к концу XIX в. сформировался механизм правового регулирования недропользования. Во-вторых, в сфере разработки природных ресурсов, в частности в угледобывающей, золоторазрабатывающей и нефтяной отрасли сложился юридически

оформленный порядок, стимулировавший приток капиталов. В-третьих, механизм правового регулирования в своей основе базировался на принципах протекционизма государства, выраженных в защите интересов отечественных разработчиков недроресурсов. В-четвертых, в обозначенный период сложилась государственная контрольно-надзорная система, обеспечивавшая в добывающих и перерабатывающих отраслях промышленности определенный порядок.

Литература

1. Вовчик А.Ф. Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период (1895–1904) / А.Ф. Вовчик. Львов: Изд-во Львовского университета, 1964. 324 с.
2. Володин А.Ю. История фабричной инспекции в России 1882–1914 гг. / А.Ю. Володин. М.: РОССПЭН, 2009. 207 с.
3. Волчек В.А. Развитие частной золотопромышленности Сибири в государственной политике второй четверти XIX века / В.А. Волчек // Ползуновский вестник. 2006. № 1. С. 236–248.
4. Лучинин А.В. Горная полиция в России XIX — начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Лучинин. Н. Новгород, 2000.
5. Матвейчук А. Записки Императорского русского технического общества / А. Матвейчук // Нефть России. 1999. № 5. URL: <http://www.oilru.com/nr/53/116/>
6. Новиков А.В. Социальные и межведомственные противоречия в России рубежа XIX–XX вв. через призму деятельности Костромского губернского по фабричным и горнозаводским делам присутствия / А.В. Новиков // Романовские чтения-2013: материалы Всероссийской конференции (г. Кострома, 2–3 марта 2013 г.): сб. науч. тр. Кострома: Изд-во КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. 301 с.

References

1. Vovchik A.F. Politika tsarizma po rabochemu voprosu v predrevolyutsionny'y period (1895–1904) [The Tsarist Labor Policy in the Pre-Revolutionary Period (1895 to 1904)] / A.F. Vovchik. Lvov: Izd-vo Lvovskogo universiteta — Lvov: publishing house of the Lvov University, 1964. 324 s.
2. Volodin A.Yu. Istoriya fabrichnoy inspeksii v Rossii 1882–1914 gg. [The History of the Factory Inspection in Russia in 1882 to 1914] / A.Yu. Volodin. Moskva: ROSSPEN — Moscow: Russian Political Encyclopedia publishing house, 2009. 207 s.
3. Volchek V.A. Razvitie chastnoy zolotopromy'shlenosti Sibiri v gosudarstvennoy politike vtoroy chetverti XIX veka [The Development of Private Gold Mining in Siberia in the State Policy of the Second Quarter of the XIX Century] / V.A. Volchek // Polzunovskiy vestnik — Polzunov Bulletin. 2006. № 1. S. 236–248.
4. Luchinin A.V. Gornaya politsiya v Rossii XIX — nachala XX vv.: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Mountain Police in Russia in the XIX to the Early XX Century: author's abstract of thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / A.V. Luchinin. Nizhniy Novgorod — Nizhny Novgorod, 2000.
5. Matveychuk A. Zapiski Imperatorskogo russkogo tekhnicheskogo obschestva [Notes of the Imperial Russian Technical Society] / A. Matveychuk // Neft Rossii — Russian Oil. 1999. № 5. URL: <http://www.oilru.com/nr/53/116/>.
6. Novikov A.V. Sotsialnye i mezhdedomstvenny'e protivorechiya v Rossii rubezha XIX–XX vv. cherez prizmu deyatel'nosti Kostromskogo gubernskogo po fabrichnym i gornozavodskim delam prisutstviya [Social and Inter-Departmental Conflicts in Russia at the Turn of the XX Century from the Standpoint of the Activities of the Commission for Factory, Mining and Metallurgical Affairs of the Kostroma Governorate] / A.V. Novikov // Romanovskie chteniya-2013: materialy' Vserossiyskoy konferentsii (g. Kostroma, 2–3 marta 2013 g.): sb. nauch. tr. Kostroma: Izd-vo KGU im. N.A. Nekrasova — The Romanov Readings 2013: files of the All-Russian Conference (Kostroma, March 2 to 3, 2013): collection of scientific works. Kostroma: Publishing house of the KSU, 2013. 301 s.

DOI: 10.18572/1812-3805-2018-10-63-67

Государственное регулирование экономики: исторические предпосылки современного подхода

Татарина Ольга Владимировна,
аспирант третьего года обучения
кафедры гражданского права и процесса
Юридического института Балтийского федерального
университета имени Иммануила Канта
tatarinova.olga@bk.ru

Функции государства изменяются с течением времени, отвечая на вызовы конкретного исторического периода. Во время становления предпринимательства как субъекта экономической деятельности роль государства сводилась к функции «ночного сторожа». Вмешательство государства в экономику было минимальным, с течением времени понимание границ государственного регулирования экономики изменялось, так как на него в процессе исторического развития возлагались новые функции (оборона, инфраструктура и т.д.), требующие финансовых затрат, которые стимулировали развитие фискальных функций государства.

Крупные экономические кризисы XX в. проиллюстрировали, что свободный и неограниченный рынок не в состоянии решать стоящие перед обществом социальные проблемы. В настоящей статье рассматривается государственное регулирование экономики Российской Федерации, прошедшее за 27 лет путь от практически полного невмешательства государства в регулирование рынка до понимания, что государство — это элемент рыночного устройства и одновременно гарант обеспечения социального баланса и строительства необходимой инфраструктуры для экономического развития.

«Шоковая терапия» Гайдара — яркий пример попытки государства дистанцироваться от регулирования экономики, однако, как показала практика, при переходе от одного механизма регулирования экономики к другому влияние государства на должно сводиться к минимуму. А при выстраивании горизонтальных отношений, вертикальные не должны придаваться забвению.

Ключевые слова: государство, государственное регулирование, функции государства, рыночная экономика, экономика, административно-командная система, государственная власть, свободный рынок, частная собственность, реформа.

The State Regulation of Economy: Historical Prerequisites to the Modern Approach

Tatarinova Olga V.
3rd Year Postgraduate Student of the Department of Civil Law and Procedure
of the Law Institute of the Immanuel Kant Baltic Federal University

The functions of the state change, they respond to the challenge of the historical period. During the formation of entrepreneurship as a subject of economic activity, the role of the state was reduced to the function of a «night watchman». Intervention of the state in the economy was minimal, over time the understanding of the boundaries of state regulation of the economy changed, as the state in the process of historical development was entrusted with new functions (defense, infrastructure, etc.) that required financial costs that stimulated the development of fiscal functions of the state.

Major economic crises of the 20th century have illustrated that a free and unlimited market can not solve social problems facing the society. This article examines the state regulation of the economy of the Russian Federation, which, over 27 years, has passed from almost complete non-state intervention in market regulation to understanding that the state is an element of the market structure and, at the same time, a guarantor of ensuring social balance and building the necessary infrastructure for economic development.

Gaidar's «shock therapy» is a vivid example of the state's attempt to distance itself from the regulation of the economy, but, as practice has shown, when moving from one mechanism of regulating the economy to another, the state's influence on the state should be minimized.

Keywords: government, government regulation, functions of the government, market economy, economy, administrative-command system, government power, free market, private property, reform.

Понятие «государство» трактуется в широком и узком смыслах, в первом варианте под этим термином понимается совокупность трех элементов: территория, народ (нация), публичная власть. В узком смысле термин «государство» трактуется как «состоящая из органов управления и принуждения суверенная политико-территориальная организация, которая существует за счет общества, выражает его власть и осуществляет ее в целях создания и поддержания в обществе определенного порядка»¹.

Функции государства не статичны, в разное время на первый план выходят те, которые отвечают на запрос конкретного исторического периода. Как правило, к функциям государства принято относить те, которые проистекают из узкого определения и являются группой однородных задач государственной власти. Можно согласиться с Бредихиным А.Л., разделившим функции: «государства как политико-правового института; определенного типа государства, то есть функции, присущие той или иной идеальной модели государства (например, функции тоталитарного, авторитарного, социального, демократического государства и т.п.); конкретного государства на определенный момент времени»².

Рассматривая аспект политико-правового института, следует обратить внимание, что появление публичной власти спровоцировало появление государства как институционального образования, то есть, по мнению Бредихина, выделяется ряд присущих данному аспекту функций, к которым, в том числе, относится экономическая. «Рациональное использование, накопление и распределение материально-финансовых ресурсов является важнейшей функцией государства с момента его образования»³.

Таким образом, экономическая функция государства предопределена самим ходом исторического процесса, так как на любом этапе развития общества государство вмешивалось в действия хозяйствующих субъектов, обеспечивая устойчивость политического режима. Спектр государственных средств воздействия на экономику достаточно широк и примеряется в

различных комбинациях исходя из определенной государственной политики, востребованной конкретным историческим этапом. Так, Ю.А. Тихомиров среди средств государственного воздействия выделяет: «пассивное наблюдение, контроль, содействие, поддержку»⁴, которые можно дополнить такими средствами, как национализация и приватизация.

Развитие предпринимательства проходит при активной поддержке государства. Механизм государственного воздействия на экономику учитывает особенности конкретной страны, ее традиции и культуру, масштабы государства, геополитическое положение и так далее. Вместе с тем существовала тенденция описывать государственное влияние на экономику как фактор, компенсирующий отклонения от «идеальной модели» функционирования рынка. Идея о рынке, регулируемом «невидимой рукой»⁵, признана утопичной, так как существование рынка без мер внешнего регулирования — невозможно. Однако возникает актуальный вопрос определения меры и пределов допустимого государственного регулирования в экономике. Вместе с тем следует отметить, что современное государство находится «не за пределами рынка или над рынком, а органично в него встроено»⁶.

В отношении России следует отметить, что государство является крупным самостоятельным субъектом хозяйствования. Как уже отмечалось выше, рост роли государства в экономике не ограничивался исключительно необходимостью поддержания мира или обороноспособности, государство принимало на себя функции, выполняемые ранее различными социальными институтами. Так, например, сфера здравоохранения или образования была представлена в основном религиозными институтами, но в процессе борьбы между государством и церковью за влияние эти функции перешли к

¹ Пьянов Н.А. Консультации по теории государства и права : учебное пособие. Иркутск : Изд-во Иркутс. гос. ун-та, 2011. С. 51.

² Бредихин А.Л. О функциях государства // История государства и права. 2013. № 22. С. 17–20.

³ Там же. С. 17–20.

⁴ Тихомиров Ю.А. Курс административного права и процесса. М. : Юринформцентр, 1998. С. 581.

⁵ Кушлин В.И. Траектории экономических трансформаций. М. : Экономика, 2004. С. 51.

⁶ Краснотельнов А.К. Государственный капитализм: истоки возникновения и вызовы современной экономике // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 7(53). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennyy-kapitalizm-istoki-vozniknoveniya-i-vyzov-sovremennoy-ekonomike> (дата обращения: 22.06.2018).

государству, например, строительство школ или больницы, и, как следствие, появилась необходимость расширения регулятивной составляющей (контрольных функций) и государственного аппарата.

Февральская и Октябрьская революции затронули все сферы жизни общества. В новом Советском государстве понятия «частная собственность на средства производства» не существовало в связи с установленным приоритетом государственной собственности над любой другой. Административно-командная система диктовала свои условия, в том числе в сфере экономики.

Следует отметить, что именно административно-командная система позволила провести индустриализацию в молодом Советском государстве за рекордные 13 лет (с 1929 по 1941 гг.) и вывести страну из кризиса. А единое руководство страной во время Второй мировой войны способствовало достаточно эффективному и согласованному процессу промышленного производства и распределения продукции, что внесло свой вклад в исход войны. Однако послевоенный период явно иллюстрирует перекося в сторону организации производства на военный сектор и недостаточную сбалансированность товаров народного потребления.

После августовских событий 1991 г. страна подошла к краху. Естественным ответом стали экономические реформы и «переход к свободному рынку, который регулируется объективными экономическими законами»⁷. Отказ от административно-командной системы организации экономики как противоречащей «свободе выбора решений в условиях конкуренции»⁸ приводит к созданию «мономеханизма другой природы — экономического»⁹.

В основе реформ лежала стойкая убежденность в саморегулируемости рынка. Следует отметить, что сторонники Гайдара не учитывали вопрос, связанный с тем фактом, что в обществе за семь десятилетий советской власти сформированы определенные

взгляды, модели поведения в экономической сфере и для их изменения необходимо время, которого не было. Западногерманский экономист и государственный деятель Людвиг Эрхард отмечал, что «любые экономические реформы, претендующие на успех, начинаются с обеспечения доверия к ним со стороны населения, иначе даже самые разумные из реформ повиснут в воздухе»¹⁰, данный фактор сторонниками «шоковой терапии» учтен не был. Вместе с тем в нашей стране роль государства, в том числе и в экономике, всегда была достаточно высокой, следовательно, при переходе от одной экономической системы к другой должна была возрасти, а не быть сведенной к минимуму. И рыночная экономика не может развиваться самостоятельно без государственного регулирования.

Первые оценки итогов экономических реформ 1992–1993 гг. оказались плачевными: «за 1992 г. национальный доход составил лишь 80% в сопоставимых ценах к 1991 г., число безработных выросло до 2 млн»¹¹. У населения прошла первая волна восхищения и ожидания светлого будущего, напротив, основная часть населения страны на общем фоне несопоставимости цен и реальных заработков, потери сбережений разочаровалась как в проводимых реформах, так и в новом правительстве.

Переоценка возможностей свободного рынка и полное отрицание плановой экономики привело страну к глубочайшему экономическому кризису и колоссальному социальному расслоению: «по данным Российской академии наук, к концу 1993 г. слой богатых в стране составил 3–5%, среднеобеспеченных — 13–15%, бедных — 40%, за чертой бедности оказалось около 40% населения страны»¹².

Таким образом, экономический эксперимент по замене одного мономеханизма другим показал свою нежизнеспособность. Во время проведения экономических реформ все внимание их идеологов было сфокусировано на горизонтальных отношениях хозяйствующих субъектов, тогда как вертикальные, между хозяйствующими субъектами и государством, а также социальная защита населения было абсолютно выпущено из поля зрения. Противопоставление го-

⁷ Голотик С.И., Елисеева Н.В., Карпенко С.В. Россия в 1992–2000 гг.: экономика, власть и общество // Новый исторический вестник. 2002. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/rossiya-v-1992-2000-gg-ekonomika-vlast-i-obschestvo> (дата обращения: 01.07.2018).

⁸ Круглова Н.Ю. Хозяйственное право: учебное пособие. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2011. С. 21.

⁹ Там же.

¹⁰ Эрхард Л. Полвека размышлений: Речи и статьи. М.: Руссико; Ордынка, 1993. С. 36.

¹¹ Голотик С.И., Елисеева Н.В., Карпенко С.В. Указ. соч.

¹² Там же.

сударственного регулирования рыночному в корне не верно, полное отстранение государства от экономики спровоцировало расцвет теневой экономики, сокращение налоговых поступлений и, как следствие, второй виток экономического кризиса (август 1998 г.).

В условиях практически полного развала экономики пришло понимание, что экономически и социально значимые отрасли без государственной поддержки не могут существовать. Рыночная экономика характеризуется свободой выбора, конкуренцией, частной собственностью на средства производства, что, с одной стороны, предполагает разгосударствление экономических и социальных процессов, а с другой — государство должно обеспечивать общее регулирование этих процессов. Таким образом, государство выполняет две роли, с одной стороны, выступая в качестве законодателя, регулятора общественных отношений, а с другой — является самостоятельным хозяйственным игроком со своей программой действий. В первой роли важно определить широту государственного регулирования, его глубину и решить, пожалуй, один из главных вопросов: о пределах или границах этого регулирования.

Государственное регулирование вне зависимости от специфики управления экономикой может осуществляться посредством прямых (административных) и косвенных (экономических) методов. Спецификой административных методов является требования и распоряжения государства, оформленные в виде законов и подзаконных актов по отношению к хозяйствующим субъектам, являющиеся обязательными к исполнению всеми участниками этих отношений, следование заявленным требованиям контролируется со стороны государства с помощью контрольно-надзорных органов. Косвенные методы государственного регулирования сводятся к созданию границ, при которых экономическая деятельность

может быть рентабельной или нерентабельной.

Прямое (административное) регулирование — это не плохо, оно быть должно, но, вместе с тем, должно быть экономически обосновано и необходимо. Как правило, каждая законодательная инициатива или предлагаемое регулирование носит позитивный характер, например, повысить безопасность или снизить смертность, предотвратить или не допустить возникновения негативного эффекта. Попытка решения возникающей проблемы по большей части — это введение новой обязанности для хозяйствующего субъекта.

С целью поиска оптимального решения, устраивающего, с одной стороны, инициатора или разработчика, а, с другой, адресата регулирования, государство обеспечивает публичное обсуждение инициативы с помощью государственного института оценки регулирующего воздействия.

Таким образом, следует согласиться со словами Дж. Стиглица, который, рассматривая роль государства, отметил, что деятельность государства наиболее эффективна, «когда оно стремится удовлетворять потребности и интересы своих граждан, одновременно делая их сопричастными проводимой политике»¹³.

Таким образом, экономическая система не должна быть изолированной от других общественных институтов, а степень допустимого государственного влияния на экономику — регулируется самим предпринимательским сообществом с помощью проводимой государством политики «умного регулирования», у бизнеса есть право высказать свое обоснованное мнение на любое регуляторное решение органов государственной власти до его принятия.

¹³ Стиглиц Дж. Многообразные инструменты, шире цели: Движение к пост-вашигтонскому консенсусу // Вопросы экономики. 1998. № 8. С. 25.

Литература

1. Бредихин А.А. О функциях государства / А.А. Бредихин // История государства и права. 2013. № 22 С. 17–20.
2. Голотик С.И. Россия в 1992–2000 гг.: экономика, власть и общество / С.И. Голотик, Н.В. Елисеева, С.В. Карпенко // Новый исторический вестник. 2002. № 8. С. 164–203.
3. Краснобельмов А.К. Государственный капитализм: истоки возникновения и вызов современной экономике / А.К. Краснобельмов // Социально-экономические явления и процессы 2013 № 7(53). С. 83–87.
4. Круглова Н.Ю. Хозяйственное право : учебное пособие / Н.Ю. Круглова. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2011. 885 с.
5. Кушлин В.И. Траектории экономических трансформаций / В.И. Кушлин. М. : Экономика, 2004. 310 с.

6. Пьянов Н.А. Консультации по теории государства и права : учебное пособие / Н.А. Пьянов. Иркутск : Изд-во Иркутс. гос. ун-та, 2011. 583 с.
7. Стиглиц Дж. Многообразные инструменты, шире цели: Движение к пост-вашигтонскому консенсусу / Дж. Стиглиц // Вопросы экономики. 1998. № 8. С. 4–34.
8. Тихомиров Ю.А. Курс административного права и процесса / Ю.А. Тихомиров. М. : Юринформ-центр, 1998. 795 с.
9. Эрхард Л. Полвека размышлений: Речи и статьи / Л. Эрхард. М. : Руссико; Ордынка, 1993. 608 с.

References

1. Bredikhin A.L. O funktsiyakh gosudarstva [On Government Functions] / A.L. Bredikhin // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2013. № 22 S. 17–20.
2. Golotik S.I. Rossiya v 1992–2000 gg.: ekonomika, vlast i obschestvo [Russia in 1992 to 2000 : the Economy, Power and Society] / S.I. Golotik, N.V. Eliseeva, S.V. Karpenko // Novy'y istoricheskiy vestnik — New Historical Bulletin. 2002. № 8. S. 164–203.
3. Krasnobel'mov A.K. Gosudarstvenny'y kapitalizm: istoki voznikoveniya i vy'zov sovremennoy ekonomike [State Capitalism: Sources of the Origination and Challenges to the Modern Economy] / A.K. Krasnobel'mov // Sotsialno-ekonomicheskie yavleniya i protsessy' — Socioeconomic Phenomena and Processes. 2013 № 7(53). S. 83–87.
4. Kruglova N.Yu. Khozyaystvennoe pravo : uchebnoe posobie [Business Law : textbook] / N.Yu. Kruglova. 5-e izd., pererab. i dop. Moskva : Yurayt — 5th edition, revised and enlarged. Moscow : Urait, 2011. 885 s.
5. Kushlin V.I. Traektorii ekonomicheskikh transformatsiy [Paths of Economic Transformations] / V.I. Kushlin. Moskva : Ekonomika — Moscow : Economics, 2004. 310 s.
6. Pyanov N.A. Konsultatsii po teorii gosudarstva i prava : uchebnoe posobie [Consultations on the Theory of State and Law : textbook] / N.A. Pyanov. Irkutsk : Izd-vo Irkutsk. gos. un-ta — Irkutsk : publishing house of the Irkutsk State University, 2011. 583 s.
7. Stiglitz J. Mnogoobrazny'e instrumenty', shire tseli: Dvizhenie k post-vashingtonskomu konsensusu [More Instruments and Broader Goals: Moving toward the Post-Washington Consensus] / J. Stiglitz // Voprosy' ekonomiki — Issues of Economics. 1998. № 8. S. 4–34.
8. Tikhomirov Yu.A. Kurs administrativnogo prava i protsessa [A Course of Administrative Law and Procedure] / Yu.A. Tikhomirov. Moskva : Yurinformtsentr — Moscow : Legal Information Center, 1998. 795 s.
9. Erhard L. Polveka razmy'shleniy: Rechi i stati [Half a Century of Reflections: Speeches and Articles] / L. Erhard. Moskva : Russiko ; Ordynka — Moscow : Russico ; Ordynka, 1993. 608 s.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «ЮРИСТ» —
 ЭТО ЛИДЕР ЮРИДИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИКИ
 В РОССИИ И СТРАНАХ СНГ, КОТОРАЯ ОБЪЕДИНЯЕТ
 БОЛЕЕ 60 НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ
 ПО РАЗНЫМ ОТРАСЛЯМ ПРАВА

DOI: 10.18572/1812-3805-2018-10-68-73

Наказание за преступления против собственности в русском уголовном праве — от Русской Правды до современности (краткий историко-правовой очерк)

*Ткачева Светлана Валерьевна,
соискатель Балтийского федерального
университета имени Иммануила Канта,
судья Черняховского городского суда
Калининградской области
swetlana-15.1@mail.ru*

В статье развивается положение Соборного Уложения 1649 г. о необходимости защиты имущественных прав потерпевшего при отсутствии у виновного средств для возмещения причиненного ущерба. В этом случае лицо, причинившее вред, должно отработать в пользу потерпевшего. Сумма ущерба закладывается в штраф, превышающий ущерб на 20%.

Ключевые слова: уголовное право, становление права, преступления против собственности, наказание, исполнение наказания в виде штрафа.

The Punishment for Crimes against Property in the Russian Criminal Law: from Russkaya Pravda to the Modern Times (a Short Historical and Legal Sketch)

*Tkacheva Svetlana V.
Degree-Seeking Student of the Immanuel Kant Baltic Federal University
Judge of the Chernyakhovsk Town Court of the Kaliningrad Region*

The article develops the provision of the Council code of 1649 on the need to protect the property rights of the victim in the absence of the guilty means for compensation of damage. In this case, the person who caused the damage must work in favor of the victim. The amount of damage is laid in a fine exceeding the damage by 20%.

Keywords: criminal law, the formation of rights, crimes against property, punishment, execution of punishment in the form of a fine.

Право собственности является важнейшим социально значимым институтом, охраняемым нормами как российского, так и международного права. Имущественные преступления, посягая на это право (право собственности), представляют угрозу для развития общества и требуют применения мер реагирования государства за совершение данных посягательств. Виды наказаний и их исполнение за преступления против собственности должны изучаться с начала их применения и по настоящее время. При этом важно проследить, как изменялись виды наказаний, применяемых к преступлениям против собственности, и каким образом менялось их исполнение в разные эпохи развития Российского государства. Несмотря на то, что законодательство изменялось с учетом реалий жизни, тем не менее вопрос

о видах назначенных наказаний за преступления против собственности и их исполнение всегда оставался актуальным. Таким образом, изучение поставленной проблемы с позиции истории позволит оценить современные виды наказаний и их исполнения за преступления против собственности, выявить недостатки и определить пути совершенствования указанных проблем.

Первые упоминания о назначении наказаний и их исполнении за преступления против собственности встречаются еще в договоре князя Олега с Византией 911 г., в ст. 6 которого упоминается о «краже», а в ст. 7 о «грабеже» и «разбое»¹. Однако, не-

¹ Верина Г.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики:

сомненно, крупнейшим памятником права является «Русская правда». Исследователи выделяют несколько редакций этого памятника — «Краткая, Пространная и Сокращенная редакция». Остановимся на Краткой редакции Русской Правды, проведенный анализ которой позволяет выделить два вида существовавших преступлений — против личности и против имущества. К преступлениям против имущества отнесены разбой, кража, незаконное пользование чужим имуществом, конокрадство, поджог, нарушение земельных границ, порча межевых знаков, порча бортовых деревьев, злонамеренное повреждение скота оружием, повреждение оружия и платья, злостное нежелание признать долг. Самым распространенным видом наказания были штрафы, которые дифференцировались в зависимости от тяжести преступления, социального статуса потерпевшего и преступника².

Высшей мерой наказания являлся поток и разграбление, которое применялось только в отношении трех преступлений — убийство при разбое, конокрадство, поджог дома и гумна (ст. 7, 35, 83 Троицкого списка). Предполагается, что «поток и разграбление» представляли собой конфискацию всего имущества и отдачу преступника и его семьи в ссылку, в заточение или предание их смерти³.

Исполнение наказаний возлагалось на слуг князя, выполнявших судебные функции, размер вознаграждения за выполнение обязанностей, связанных с судопроизводством, оставался постоянным, при этом размеры отчислений определялись применительно к конкретному случаю⁴. Следующими по своей значимости правовыми актами государства Российского являются Судебник 1497 г. великого князя Ивана III и Судебник 1550 г. царя Ивана IV⁵.

Так, Судебник 1497 г. предусматривал уголовную ответственность за преступления против собственности в зависимости от способа причинения вреда собственнику, формы хищения, места совершения и множественности преступлений. К имущественным преступлениям Судебник относит кражу («татьбу»), истребление или повреждение чужого имущества, противозаконное пользование чужим имуществом. К квалифицированным кражам — церковную и «головную» (похищение людей) — по объекту, рецидив — по повторяемости, а также совершенную лихим человеком (по субъекту). За совершение квалифицированной кражи предусматривалась смертная казнь. За совершение простой кражи — торговая казнь (что означало битье кнутом, палачом на торгах, площадях или в иных местах скопления народа, с целью устрашения последнего) или торговая казнь без пощады, которая, по сути, являлась замаскированным видом смертной казни. Помимо торговой казни осужденному предписывалось возместить убытки потерпевшему. Стоит отметить, что приоритет возмещения вреда принадлежал физическому лицу, а не государству. При несостоятельности осужденного он отдавался истцу или кредитору в холопство до отработки долга. В случае, если вор был пойман с поличным, для него предусматривалось единственно возможное наказание — смертная казнь. Исполнение приговора суда возлагалось на недельщиков, являвшихся должностными лицами. При этом выполнение должностных функций недельщиком допускалось с помощью членов его семьи и холопов.

Анализируя положения Судебника 1550 г., представляется важным отметить, что по сравнению с прежними законодательными актами здесь прослеживается более детальная регламентация уголовной ответственности за преступления против собственности с учетом способов совершения преступления, форм совершения. В Судебнике 1550 г. в отличие от Судебника 1497 г. исполнение решений суда возлагалось исключительно на недельщика и его аппарат, в который входили ездоки и заговорщики, помощь членов семьи и холопов воспрещалась.

Проведя сравнительный анализ наказаний, применяемых в Русской Правде и Судебниках за имущественные преступления, приходим к выводу, что если Русская Прав-

ванного государства / отв. ред. А.Д. Горский. М., 1985. С. 54–62, 97–120.

автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2003. С. 13.

² Российское законодательство X–XX веков : в 9-ти т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 1: Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.А. Янин. М., 1984. С. 47–49.

³ Шаргородский М.Д. Избранные труды. М. : Юридический центр Пресс, 2004. С. 120.

⁴ Российское законодательство X–XX веков : в 9-ти т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 1: Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.А. Янин. С. 63.

⁵ Российское законодательство X–XX веков : в 9-ти т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А.Д. Горский. М., 1985. С. 54–62, 97–120.

да не знала ни смертной казни, ни членовредительных, ни телесных наказаний, то в Судебниках они представлены в изобилии, что свидетельствует об ужесточении системы наказаний, впрочем, штрафы также остаются весьма распространены, размер которых весьма значителен и доходил до 50 рублей.

Соборное Уложение 1649 г.⁶ смело можно отнести как к первому печатному памятнику русского права, так и к первому систематизированному закону. Глава 21 «О розбойных и о татиных делах» Уложения посвящена имущественным преступлениям. Преступления разграничены на разбой (совершаемый в виде промысла), татьбу (кражу) и мошенничество (хищение, совершенное путем обмана без применения насилия). Кража разграничена на простую и квалифицированную. К квалифицированной краже отнесена церковная, на службе, конокрадство, в государственном дворе, овощей из огорода и рыбы из садка. Ответственность за кражу зависела от множественности преступлений. В отличие от Судебников в Уложении прослеживается, если так можно выразится, определенная «гуманизация» наказания — место смертной казни заняли членовредительные наказания. Так, наказание за первую кражу (татьбу) предусматривалось в виде битья кнутом с отрезанием виновному левого уха и посадкой в тюрьму на два года. За повторную кражу отрезали правое ухо и сажали в тюрьму на четыре года. Напомним, в Судебниках повторная кража каралась смертной казнью. В Уложении прослеживается усиление защиты частной собственности — допускается убийство вора, пойманного с поличным в доме, не только в момент совершения преступления, но и в погоне за ним, а также в случае оказания сопротивления при задержании. Жена и дети виновного, знавшие о наличии в доме краденных вещей, должны были оплатить их стоимость. При отсутствии средств они отдавались истцу до отработки долга⁷.

Как видим, Уложение возлагает ответственность за совершенное преступление не только на самого вора, но и на членов его семьи, знавших о совершенном преступлении. То есть вор, совершавший преступление, должен был понимать, что, по сути, ответственность за его деяние возлагается на всех членов семьи, знавших о преступлении.

⁶ Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти т. Т. 3: Акты Земских соборов / отв. ред. А.Г. Маньков. М., 1985. С. 83–257.

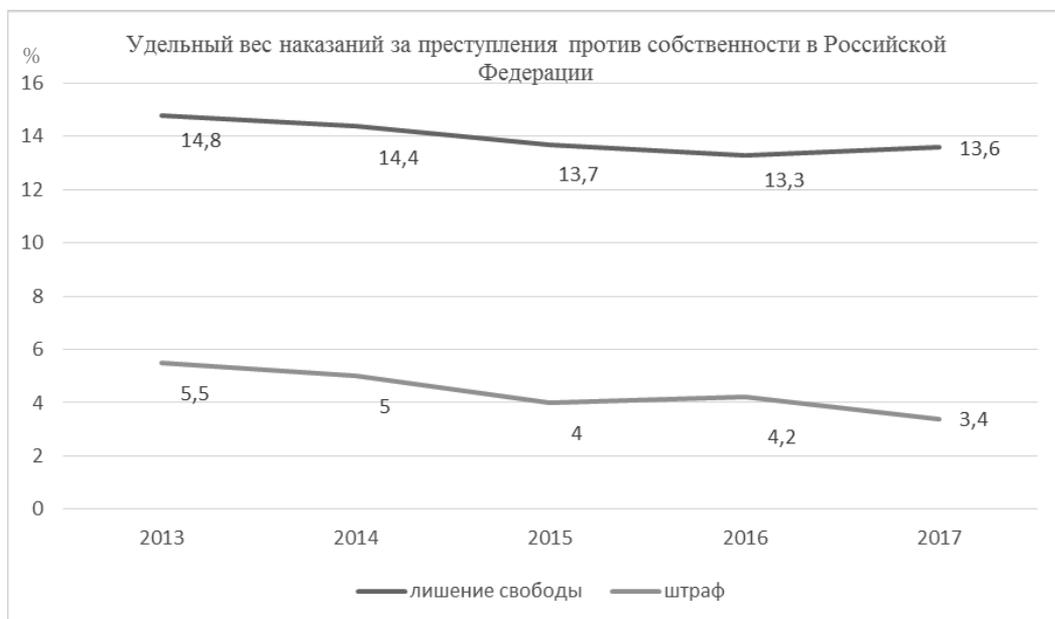
⁷ Там же. С. 430.

В то же время законодатель усилил защиту прав потерпевшего — в случае отсутствия у виновного средств для возмещения ущерба тот должен был «отработать» сумму ущерба, в том числе с помощью членов его семьи. Стоит отметить, что это последнее упоминание в законодательстве об «отработке» ущерба, позднее ни в Российском, ни в Советском законодательстве «отработка» не встречается.

Ответственность за разбой также зависела от множественности преступлений: впервые — виновный подвергался пыткам с отрезанием правого уха и назначением наказания в виде трех лет тюрьмы; за повторный — смертная казнь. Наказание за мошенничество назначалось такое же, как и за первую кражу.

Анализируя систему наказаний за имущественные преступления по Соборному Уложению 1649 г., можно прийти к выводу, что основным принципом наказания является возмездие — лишение преступника того блага, которого он лишил другого. Принцип соответствия наказания преступлению четко просматривается в наказании в виде сожжения за произведенный поджог (пойманного поджигателя на месте преступления сразу бросали в огонь), за совершение кражи — отсечением руки. Также членовредительными наказаниями являлись отрезание части или всего носа, уха, губ, глаз. Это была и одновременно отметка на лице — при отсутствии документов, удостоверяющих личность, своеобразная справка о предыдущей судимости. К болезненным наказаниям относились избивание кнутом, «правеж», батоги. К серьезным наказаниям относились лишение чести и прав, тюремное заключение (на определенный срок «до порук» или до смерти) и ссылака. Тюрьма при этом полагалась по 40 составам преступлений. Однако самым распространенным видом наказаний остаются штрафы — почти по 1/3 составов преступлений. Штраф также назначался в качестве дополнительного наказания.

Соборное Уложение существенно отличается от Русской Правды и Судебников новыми карательными задачами, а именно в защите общества от преступников и совершаемых ими преступлений. Так, целями наказания являются: возмездие, устрашение — «чтоб иным на то смотря не повадно было так делать», лишение преступника возможности повторить преступление, а в случае повторности преступного деяния применялась высшая мера наказания — смертная казнь. Исполнение наказания по-прежнему возлагалось на недельщика.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что становление уголовной ответственности за имущественные преступления прошло в несколько этапов одновременно с развитием института уголовного права и, как нам представляется, в зависимости от потребностей общества.

Само наказание за преступления против собственности со временем ужесточалось: от простого штрафа до применения членовредительных наказаний, тюремного заключения и смертной казни. Возмещение ущерба потерпевшему носило безусловный характер, и неисполнения приговора суда в данной части не наблюдалось. Поскольку, как уже нами показано, виновный либо члены его семьи, знавшие о находящемся в доме краденном имуществе, «отрабатывали» истцу стоимость похищенного.

Современная система наказаний России не знает ни членовредительства, ни торговой казни, ни тем более смертной казни за преступления против собственности. Однако в мировой практике членовредительные наказания за указанные виды преступлений существуют до сих пор. Так, ст. 201 Закона об исламских уголовных наказаниях исламской республики Иран предусматривает в качестве наказания за кражу отсечение пальцев руки, половину ступни левой ноги и т.д.⁸ Из наказаний, дошедших до настоящего времени, в России наказаниями за

преступления против собственности являются штраф как в качестве основного, так и дополнительного наказания и лишение свободы. И если наказание в виде штрафа и лишения свободы за преступления против собственности в древнерусском законодательстве носило повсеместный характер, то в наше время удельный вес применения данных видов наказаний не так велик.

Так, из представленного графика следует, что удельный вес назначенных наказаний в виде лишения свободы за последние пять лет практически не изменился и варьируется от 14,8 до 13,3%, удельный вес наказаний в виде штрафа — имеет тенденцию к снижению с 5,5 до 3,4%⁹, что обусловлено прежде всего низкой исполнимостью судебных решений. Если в древнерусском государстве не знали такого понятия, как «неисполнение» приговора суда, то в современной России данное явление не редкость.

И если наказание в виде лишения свободы, как правило, исполняется без особых проблем, особенно когда осужденного берут под стражу в зале суда, либо осужденный уже содержится под стражей, однако если осужденному в порядке п. «а» ч. 1 ст. 58 Уголовного кодекса Российской Федерации назначен

Ахани А.И. СПб. : Юридический центр Пресс, 2008. С. 117–119.

⁹ Управление Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79/> (дата обращения: 01.05.2018).

⁸ Закон об исламских уголовных наказаниях исламской Республики Иран / науч. ред.

вид исправительного учреждения колония-поселение, в которое он должен прибыть самостоятельно (ст. 75.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации), то нередко случаи неприбытия осужденных в назначенное время (к примеру, в 2017 г. количество таких осужденных составило 3 273 человека¹⁰). Причины весьма разнообразны: осужденный скрывается, забыл вследствие злоупотребления спиртным и т.д. Иные осужденные, напротив, не дожидаясь вступления приговора суда в законную силу и получения соответствующего предписания, готовы приступить к отбытию наказания.

В то же время с учетом экономической ситуации в стране исполнение наказания в виде штрафа становится проблематичным ввиду отсутствия денежных средств у осужденных. Как видно из представленного графика, удельный вес обращений службы судебных приставов в суды с представлениями о замене штрафа иным наказанием, не связанным с лишением свободы¹¹ в 2017 г., вырос по сравнению с 2016 г.¹², однако общие суммы штрафа (по рассмотренным судами представлениям) снизились с 945 819 289 руб. в 2016 г. до 729 640 177 руб. в 2017 г.¹³ Что свидетельствует прежде все-

го о назначении судами штрафа в меньших размерах, однако и эта мера не способствует безусловному исполнению наказания. При этом размер ущерба от преступления, определенный по судебному акту в 2017 г., увеличился на 17% (30 062 589 585 руб.) по сравнению с 2016 г. (25 168 656 297 руб.)¹⁴.

Так, при рассмотрении судами представлений о замене штрафа иным наказанием, не связанным с лишением свободы, выясняется, что осужденный не имеет возможности уплатить назначенный штраф вследствие тяжелой жизненной ситуации, либо осужденный на момент исполнения приговора суда не имеет постоянного источника дохода, перебивается случайными заработками, которых недостаточно для исполнения приговора, имущество, за счет которого можно уплатить штраф, отсутствует, ущерб, причиненный преступлением, также погасить не имеет возможности.

Представляется, что для решения данной проблемы нелишним будет обратиться к памятникам древнерусского права, например, предоставить возможность осужденному «отработать» назначенный штраф, в сумму которого заложить размер ущерба, причиненного преступлением. Проведенное анкетирование практических работников (судьи, прокуроры, адвокаты) показало, что большинство респондентов (75%) положительно высказываются о предоставлении возможности осужденным «отработать» штраф.

Однако в отличие от древнерусского законодательства, представляется, что осужденному необходимо предоставить объем работ определенного вида в предприятиях или ор-

¹⁰ Управление Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79/> (дата обращения: 01.05.2018).

¹¹ Удельный вес рассчитан относительно назначенных наказаний в виде штрафа.

¹² Управление Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79/> (дата обращения: 01.05.2018).

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

ганизациях, стоимость которых будет равна или превышать не более чем на 20% сумму штрафа, назначенного приговором суда. В случае невозмещения имущественного ущерба его сумма закладывается в сумму штрафа, подлежащего «отработке». После выполнения данного вида работ осужденный будет считаться исполнившим приговор суда.

Предприятия и организации, заинтересованные в такого рода работах, должны подавать заявки в Центры занятости населения, посредством которых осужденным будут предоставляться рабочие места. После выполнения работ работодатель обязан перечислить денежные средства, «отработанные» осужденным, в первую очередь, потерпевшему в размере причиненного ущерба, оставшуюся сумму штрафа — в фонд помощи тяжело-

больных детей или лиц, имеющих тяжелые заболевания для прохождения лечения соответствующего профиля и особо нуждающихся в такого вида помощи. Для стимулирования работодателей со стороны государства необходимо предоставить им определенные налоговые преференции, как в случае приема на работу лиц с ограниченными возможностями. Поскольку, как уже показано нами, суммы штрафов, назначенные приговором суда, и о замене которых обращаются судебные приставы-исполнители не являются значительными для пополнения бюджета страны, поскольку не исполняются, а в случае «отработки» указанные денежные средства будут направлены на благотворительные цели — лечение тяжелобольных лиц, а также возмещение ущерба, причиненного преступлением.

Литература

1. Ахани А.И. Закон об исламских уголовных наказаниях исламской Республики Иран / науч. ред. А.И. Ахани. СПб. : Юридический центр Пресс, 2008. 443с.
2. Верина Г.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Г.В. Верина. Саратов, 2003. 52 с.
3. Горский А.Д. Российское законодательство X–XX веков : в 9-ти т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А.Д. Горский. М. : Юридическая литература, 1985. 520 с.
4. Маньков А.Г. Российское законодательство X–XX веков : в 9-ти т. Т. 3: Акты Земских соборов / отв. ред. А.Г. Маньков. М. : А.Г. Маньков, 1985. 512 с.
5. Чистяков О.И. Российское законодательство X–XX веков : в 9-ти т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 1: Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. М. : Юридическая литература, 1984. 432 с.
6. Шаргородский М.Д. Избранные труды / М.Д. Шаргородский. М. : Юридический центр Пресс, 2004. 363 с.

References

1. Akhani A.I. Zakon ob islamskikh ugovolny'kh nakazaniyakh islamskoy Respubliki Iran [The Law on Islamic Criminal Punishments of the Islamic Republic of Iran] / nauch. red. A.I. Akhani. Sankt-Peterburg : Yuridicheskiy tsentr Press — scientific editor A.I. Akhani. Saint Petersburg : Legal Center Press, 2008. 443 s.
2. Verina G.V. Differentsiatsiya ugovolnoy otvetstvennosti za prestupleniya protiv sobstvennosti: problemy' teorii i praktiki : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [Differentiation of the Criminal Liability for Crimes against Property: Issues of Theory and Practice : author's abstract of thesis of ... Doctor of Law] / G.V. Verina. Saratov — Saratov, 2003. 52 s.
3. Gorsky A.D. Rossiyskoe zakonodatelstvo X–XX vekov : v 9-ti t. T. 2: Zakonodatelstvo perioda obrazovaniya i ukrepleniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva [Russian Laws of the X to the XX Century : in 9 vol. Vol. 2 : Laws of the Period of the Establishment and Strengthening of the Russian Centralized State] / отв. ред. А.Д. Горский. Moskva : Yuridicheskaya literatura — publishing editor A.D. Gorsky. Moscow : Legal Literature, 1985. 520 s.
4. Mankov A.G. Rossiyskoe zakonodatelstvo X–XX vekov : v 9-ti t. T. 3: Akty' Zemskikh soborov [Russian Laws of the X to the XX Century : in 9 vol. Vol. 3 : Acts of the Assemblies of the Land] / отв. ред. А.Г. Маньков. Moskva : A.G. Mankov — publishing editor A.G. Mankov. Moscow : A.G. Mankov, 1985. 512 s.
5. Chistyakov O.I. Rossiyskoe zakonodatelstvo X–XX vekov : v 9-ti t. / pod obsch. red. O.I. Chistyakova. T. 1 : Zakonodatelstvo Drevney Rusi [Russian Laws of the X to the XX Century : in 9 vol. / under the general editorship of O.I. Chistyakov. Vol. 1 : Laws of Ancient Rus] / отв. ред. В.Л. Янин. Moskva : Yuridicheskaya literatura — publishing editor V.L. Yanin. Moscow : Legal Literature, 1984. 432 s.
6. Shargorodsky M.D. Izbranny'e trudy' [Selected Works] / M.D. Shargorodsky. Moskva : Yuridicheskiy tsentr Press — Moscow : Legal Center Press, 2004. 363 s.

DOI: 10.18572/1812-3805-2018-10-74-80

Современное экономико-правовое пространство: дихотомия локальности и интегративности (аналитический обзор материалов XVIII Международных Лихачевских научных чтений «Контурсы будущего в контексте мирового культурного развития», СПб. : СПбГУП, 17–18 мая 2018 г.)*

*Ромашов Роман Анатольевич,
профессор кафедры
теории права и правоохранительной деятельности
Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
romashov_tgp@mail.ru*

*Пасешникова Лариса Алексеевна,
первый проректор
Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов,
кандидат юридических наук, профессор
info@gup.ru*

*Ковалев Виктор Александрович,
доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности
Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов,
кандидат исторических наук
kaf_teor@gup.ru*

В рамках состоявшихся на базе Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов XVIII Международных Лихачевских научных чтений были рассмотрены проблемные вопросы, касающиеся восприятия и оценки проблемных аспектов соотношения и взаимодействия национальных и международных экономико-правовых и социально-культурных систем. Наряду с диалоговыми формами межкультурных коммуникаций были обозначены наиболее масштабные вызовы и угрозы, обуславливающие углубление международной напряженности и усиление межнациональной и межгосударственной конфронтации. В прозвучавших выступлениях основной акцент был сделан на определении ценностных приоритетов, положенных в основание межкультурных коммуникаций, построении вероятностных моделей будущего развития национальных и интернациональных экономико-правовых систем, поиску средств и методов предотвращения потенциальных конфликтов в сфере межгосударственного общения, а также на выработке рекомендаций, связанных с оптимизацией взаимодействия цивилизаций и культур.

***Ключевые слова:** цивилизация, национальная культура, правовая культура, глобализация, диалог культур, партнерство цивилизаций, многополярный мир, мировой кризис, локализация и интеграция, межкультурные коммуникации, экономико-правовые системы, социальные и юридические конфликты, национальные приоритеты и общечеловеческие ценности.*

* Проект «XVIII Международные Лихачевские научные чтения» реализуется с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества (договор № 17-1-004280), предоставленного Фондом президентских грантов.

The Modern Economic and Legal Environment: Dichotomy of Locality and Integrity (an Analytical Review of Files of the XVIII International Likhachev Scientific Readings Contours of the Future within the Framework of the World Cultural Development)

Romashov Roman A.

*Professor of the Department of Theory of Law and Law Enforcement
of the St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences*

Doctor of Law

Professor

Honored Scientist of the Russian Federation

Paseshnikova Larisa A.

First Vice-Rector of the St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences

Candidate of Legal Sciences

Professor

Kovalev Viktor A.

*Associate Professor of the Department of Theory of Law and Law Enforcement
of the St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences*

Candidate of Historical Sciences

Within the scope of work of XVIII International scientific Likhachev readings which took its place in the Saint-Petersburg University of Humanities and Social sciences the issues of the national and international law, economic, social and cultural systems and their interrelations and mutual interactions perception and estimation were investigated. Along with values of dialogues in the cross-cultural communications, main challenges and menaces of international tensions and confrontations were denoted. Contributors stressed audience attention on the definitions of cross-cultural communication values and their priorities, stochastic modeling of the national and international legal and economy systems future development, scientific inquiry of the means and methods of potential inter-state conflicts prevention, also of the civilizations and cultures' reciprocity optimization.

Keywords: civilizations, national culture, legal culture, globalization, cultural dialogue, civilizations partnership, multipolar world, world in the crisis, integration and particularization, cross-cultural communication, legal and economy systems, social and law conflicts, national priorities and universal values.

Прошедшие на базе Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов XVIII Международные Лихачевские научные чтения «Контуры будущего в контексте мирового культурного развития» в полной мере отражают те направления и тенденции, под влиянием которых развивается современный мир.

Глобализационные процессы, которые еще недавно воспринимались в преимущественном контексте «диалога культур и партнерства цивилизаций», в последнее время обозначили вызовы и угрозы, заставляющие вернуться к таким форматам отношений между государствами, народами, культурами, как «национальное противостояние», «культурное отторжение», «силовое воздействие», «межгосударственная конфронтация», «холодная война». Человеческий мир в очередной раз демонстрирует хрупкость добрососедских отношений и реальность «переформатирования партнеров в противников».

Участники XVIII Лихачевских чтений в своих выступлениях постарались не только проанализировать закономерности состояния и развития современной человеческой цивилизации, но и наметить реальные пути оптимизации в сфере внутригосударственных и международных коммуникаций.

Объектом рассмотрения участников пленарного заседания являлись разнообразные сюжеты, связанные с проблематикой обеспечения международной безопасности, выделения новых форм и направлений международного сотрудничества, конструирования экономических моделей устойчивого развития в современных условиях, переосмысления базовой терминологии, идей и философских оснований человеческой деятельности в условиях системного кризиса современного мира.

Практически все участники состоявшегося форума отмечали, что современный мир находится в состоянии углубляющегося системного кризиса, охватившего практиче-

ски все сферы общественной жизнедеятельности, включая право, экономику, культуру. При этом вопрос о природе кризиса, его течении, последствиях и путях выхода из него не является ни очевидным, ни однозначным и в известной степени зависит от эпистемологических и культурных установок наблюдателя, а также степени его вовлеченности в эти кризисные явления. Международное научное сообщество выступает одновременно в качестве и наблюдателя, и участника этих кризисных явлений. Функция представителей науки и специалистов-практиков заключается, с одной стороны, в наиболее точном и всеобъемлющем моделировании кризиса мировой системы, а также разработке оптимальных моделей поведения властных элит и общества. С другой стороны, имея значительное влияние на мировое общественное мнение и формируя культурный контекст кризисных явлений, научное и экспертное сообщество выступают в качестве одного из факторов, формирующих ценностную систему, определяющую как ход, так и оценку происходящих событий. Изучение процессов трансформационных или как кризисных, рассмотрение роли новых технологий как факторов нового порядка или радикального освобождения, мира как системы полюсов силы или уровней сотрудничества — достижение консенсуса по этим и многим другим вопросам становится приоритетными для определения основания выработки новой парадигмы в оценке мировых событий и разработке программ действий властных и экономических элит.

Лейтмотив пленарной части научного форума был задан выступлением *научного руководителя Института философии РАН, академика РАН, доктора философских наук, профессора А.А. Гусейнова*, отметившего, что понимание того, как мы видим будущее, неизбежно ставит перед нами вопрос, как мы видим настоящее. Обратившись к одному из знаковых событий этого года — двухсотлетию юбилею Карла Маркса и проблеме востребованности его наследия в современном мире, докладчик обратился к переосмыслению марксистского понимания отчуждения в широком культурно-философском контексте. Для преодоления характерного для современного мира отчуждения человека от общества, человека от культуры и так далее, необходимо изменить восприятие человека как социокультурного существа в его интегративном единстве.

Культурно-философская проблематика моделирования мира и человеческого поведения в нем была развита в выступлениях *руководителя секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академика РАН, доктора философских наук, профессора В.В. Степина*. Интегративный анализ социокультурных процессов, рассматривающих общество, культуру и природу, а также все социокультурные процессы в их единстве и развивающий структурную методологию Гегеля и Маркса, по мнению докладчика, должен стать основой для фазового перехода в методологии исследования саморазвивающихся систем. Автор видит в качестве основы формирования нового синергетического подхода к цивилизационному моделированию исследования процесса формирования новых культурных ценностей в двух основных кластерах — соотношения человека и природы (экологический кластер) и человека и новых технологий (технологический кластер). Переход к человекообразному подходу в исследовании структуры мировых процессов должен обеспечить исследователей будущего новым инструментарием анализа.

Экс-посол Королевства Испания в Российской Федерации Х.А. Марк также обратился к проблеме технологического прогресса и конструирования новых парадигм развития человечества. По его мнению, XXI в. должен стать для наук о человеке тем же, чем стал XX в. для естественных наук — периодом воплощения теоретических разработок прошлого в практические технологии. Если символом триумфа технологии XX в. стал ступающий по другому небесному телу человек, то для практического воплощения тайлеровских «полезных паттернов» в XXI в. таковым символом должно стать гармоничное сосуществование различных групп индивидов в интегрированном обществе. В качестве объективного фактора социокультурного развития докладчик обратил внимание прежде всего на смещение центра тяжести с социальных групп на максимально интегрированные (индивид) и максимально обобщающие (цивилизация, человечество) общности. Способом преодоления отчуждения автор видит переход от инструменталистского подхода к человеческому индивиду к креативному, когда основным элементом, создающим новый мир, становится не столько производственная, сколько информационная и коммуникационная активность индивидов.

Несколько менее оптимистично роль технологий в социокультурном развитии оценил *главный научный сотрудник Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор В.А. Лекторский*. Исходя из представлений о культуре как одновременно случайном и предопределенном феномене, автор обращает внимание на объективное изменение в характере общественных институтов и цивилизационных ценностей, характеризующих термином «постмодернити». Переход к информационному обществу изменил не только общество, но и сам характер знания и информации, вводя в обиход понятия «постправды», «информационной войны» и так далее. Преодоление отчуждения в качестве своей обратной стороны приносит размытие идентичностей, включая самые базовые, личностные. Признавая объективность развития технологий, автор видит необходимость сохранения ряда структурирующих ценностей, образующих систему координат личности и культуры.

К вопросам научных основ анализа современной мировой системы в своем совместном докладе обратились *Экспрезидент Киргизской Республики, доктор технических наук, профессор А.А. Акаев и президент Международного института Питирима Сорокина — Николая Кондратьева, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации Ю.В. Яковец*. В качестве методологического инструментария, призванного создать работоспособную и прогностически ценную модель международных отношений, содокладчики предложили рассматривать сложную конструкцию, образованную путем соединения цивилизационного и формационного подходов. Подобный анализ позволяет сочетать анализ ценностных установок и координат, являющихся базисом долговременных структур с изменяющейся экономической и технологической реальностью.

С позиций структуры международных отношений оценивает современные международно-политические отношения *экспремьер-министр Пакистана, доктор делового администрирования Ш. Азиз*. Рассматривая международные отношения в целом, с неореалистических позиций, и постулируя таким образом первичность вопросов безопасности и нормальность конфликта как состояния международных отношений, а также их неизменную природу, коренящуюся в самой природе человека, докладчик,

тем не менее, вносит ряд уточнений в общий структурный подход, восходящий к работам К. Уолтца. Прежде всего он обращает внимание на те изменения, которые все же затрагивают саму суть природы человека и, соответственно, могут изменить всю мировую систему и саму практику взаимодействия акторов на международной арене. Развитие информационных технологий, баланса роли ресурсов, труда и инноваций в экономике, появление новых форм ненасильственных конфликтов ведет к необходимости увеличения роли сотрудничества в обеспечении глобальной безопасности.

Особый взгляд на роль науки и технологии в современной мировой системе продемонстрирован в докладе *Государственного секретаря по образованию, научным исследованиям и инновациям Федерального департамента экономики, образования и исследований Швейцарской Конфедерации М. Делл'Амброджио*. Он предложил рассматривать науку и научно-техническое сотрудничество не только как фактор, формирующий среду, в которой развиваются и формируются глобальные вызовы человечеству и которые могут дать технические средства их решения, но как процесс, само существование которого позволяет достигнуть лучшего взаимопонимания и согласия на основе научного диалога. Особо докладчик подчеркнул актуальность опыта Швейцарии как полиэтничной конфедерации, осуществляющей на своей территории ряд масштабных научных проектов, объединяющих ученых со всего мира.

Новую версию цивилизационного подхода представил в своем докладе *профессор Р.Д. Льюис (Великобритания)*. Продемонстрировав неразрешимые методологические проблемы, с которыми сталкиваются подходы к анализу мировой системы, основанные на экономическом детерминизме или на хантингтоновской концепции столкновения цивилизаций, он представил свою версию систематизации цивилизаций в динамике их влияния на мировую систему, выделив три группы: моноактивные, полиактивные и реактивные. Различия между группами проявляются в ценностях и принципах взаимодействия, определяющих поведение индивидов как внутри группы, так и вовне ее. Анализ перспектив взаимодействия этих моделей поведения, по мнению докладчика, должен позволить сформировать эффективную модель современной мировой системы и ее перспектив развития.

Ал.А. Громыко, директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН, председатель Совета профессоров РАН, доктор политических наук, в своем докладе, в котором были также использованы работы и материалы, собранные его отцом и соавтором, профессором факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова, членом-корреспондентом РАН, доктором исторических наук Ан.А. Громыко, обратился к проблеме соотношения суверенитета государств и наднационального и международного права. Неопределенность соотношения этих категорий ведет к многочисленным современным конфликтам и общему росту напряженности и хаоса в мировой системе. С точки зрения докладчиков необходимо не столько выработка новых норм, сколько следование прежде всего правовым принципам, заложенным в уставных документах ООН и выстраивания международного права на основе этих принципов.

Директор Центра изучения государственного управления и общественной политики Карлтонского университета (Канада), доктор философии, профессор П. Дуткевич сосредоточил свое внимание на структурирующих систему международных отношений противоречиях. Выступающий выделил пять факторов напряженности современного международного порядка: гегемония против многополярности, глобализационные процессы против политики идентичности, богатство против бедности, государственное планирование против стихии рынка и власть, понимаемая как способность проводить решения в жизнь против политики, понимаемой как процесс формирования подобных решений. При этом проблемы, создаваемые в перечисленных узлах напряженности, являются взаимосвязанными. Противостояние богатства и бедности порождает напряженность в сфере политики идентичности и как итог — терроризм и иные негативные явления современных международных отношений. В свою очередь, политика идентичностей усиливает напряженность в сфере полюсов силы. Слабость государства, порождаемая автономизацией политики, ведет к неспособности государства преодолевать негативные последствия рыночной стихии, что, в свою очередь, ведет к утрате гражданской идентичности. Признавая эти противоречия «пугающими», автор, тем не менее, не теряет оптимизма при взгляде на перспективы их решения.

Ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации А.С. Запесоцкий обратил внимание в своем выступлении на ценностный фактор современного кризисного состояния как мировой системы в целом, так и национальной российской в частности. Выходом из кризисных явлений, по мнению докладчика, должно стать умелое сочетание объективных мировых социальных, экономических и технологических трендов с эссенциалистской спецификой национальных культур. Подобное слияние возможно при условии проведения его элитами, имеющими высокую степень интегрированности на основе соответствующей национальной культуры идеологии.

Также к вопросам соотношения преобразований мировой системы с национальными и цивилизационными культурными особенностями обратился *заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор Г.Б. Клейнер*. В представленном докладе он предложил выстраивать мировой культурно-экономический и политический ландшафт на основе системного подхода. При таком подходе выделяются четыре сектора континуума, в котором протекают процессы мировой системы — средовой, объектный, процессный и проектный. Соответственно формы взаимодействия определяют четыре типа преимущественных связей: пространственную, временную, интенсивностную и активностную. Передача экзистенциальных и энергетических ресурсов в пространстве, сформированном четырьмя структурными элементами, объединенными четырьмя типами связей, формирует мировую систему, выходящую за рамки классических определений в терминах полярности силы. В этой ситуации сама среда создает взаимодействие, определяющее «согласие несогласных», которое призвано стать основой долговременного устойчивого развития.

Второй день работы XVIII Лихачевских чтений был посвящен секционному заседанию. В рамках работы совместной экономико-правовой секции ученые-юристы обратились к вопросам факторов, оказывающих влияние на наиболее значимые проблемы экономического и правового взаимодействия в условиях глобализации, а также к проблеме неравного обмена в мировой экономике. Из этого направления исходи-

ло стремление рассмотреть проблемы правового регулирования в сфере интеграции мирового и национальных рынков, показать пути и способы оптимизации в данной области в солидаристском духе на основе справедливого распределения ресурсов и доступа к ним. Также в центре дискуссии оказались исследования культурного контекста развития экономики и права, в частности, особое внимание было сконцентрировано на универсалистских и партикуляристских тенденциях в международном праве с преодолением бинарной оппозиции универсализма и партикуляризма введением в эту схему юридического регионализма. Внедрение глобальных политико-правовых процессов в проблематику взаимодействия гражданского общества, правового государства и рыночной экономики в контексте глобализирующегося мира также стало одним из элементов

К.Е. Сигалов, заместитель директора Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор в своем выступлении обратился к проблеме воздействия на формирование правовой культуры паразитарной модели поведения. Согласно положениям его доклада подобная модель существует в общественном и индивидуальном сознании и весьма распространена на уровне бытового поведения. При этом задачей законодателя становится блокирование возможностей реализации такой модели поведения на общегосударственном и международном уровне и минимизация социально вредных последствий. В дискуссии докладчик подчеркнул, что не ставит знак равенства между паразитарной моделью и иждивенчеством при условии, что последнее является временной категорией.

Советник Конституционного Суда Российской Федерации, главный научный сотрудник сектора теории права и государства Института государства и права РАН, доктор юридических наук В.В. Лапаева в тезисах своего выступления исследовала современное состояние международного сообщества с точки зрения либертарной модели права. Для преодоления очевидной несправедливости современного международного обмена докладчик предложила выработать концепцию справедливости в международных отношениях, исходя из потребности международного сообщества в солидаристской модели международного

сотрудничества, строящейся на принципах добровольности, свободы и справедливости. При этом, как она считает, следует избегать механистического понимания справедливости, воспринимая ее как прежде всего правовую категорию.

Профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации Р.А. Ромашов акцентировал внимание на проблеме понимания природы свободы, равенства, справедливости, представляющих важнейшие ценностные детерминанты современного права. Особое внимание он уделил проблеме восприятия мира в терминах полярности и дихотомии «цивилизация»-«варварство». Считая подобное восприятие главным препятствием на пути строительства солидаристской модели международных отношений, докладчик выдвинул ультра-плюралистическую концепцию мира, в котором количество полюсов международных отношений соответствует количеству государств и, соответственно, путей восприятия мира. Особо подчеркивалось, что гетерогенность даже устоявшихся общностей демонстрирует возможность диалога при условии несводимости культурных и экономико-правовых парадигм друг к другу.

Старший научный сотрудник Института государства и права РАН, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор О.В. Мартышин поднял вопрос о новой волне конфессионализации как на национальном, так и на международном уровне. Особое внимание было уделено влиянию конфессионализации общественных отношений на право, в частности, на принципиально важный для государства эпохи модерн концепт светского государства. Докладчик подчеркнул, что в современном словаре часто происходит терминологическая подмена, связанная в том числе и с особенностями исторического развития нашей страны в XX в., когда термин «светский» воспринимается как синоним «атеистический» вместо «равноудаленный». Такая терминологическая подмена, согласно положениям доклада, несет большую опасность для современного государства и особенно для России как многоконфессиональной страны.

К проблеме низкой эффективности законодательной деятельности и росту разрыва

между элитами и обществом, создающему опасность для демократических принципов современного государства, обратился в своем выступлении *директор Научно-исследовательского института государственного-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, доктор юридических наук В.В. Трофимов*. Согласно положениям его доклада, проблемы современного общества, такие как прекращение участия масс народа в политической жизни, расцвет популизма, замыкание элит, могут быть преодолены с помощью реализации предложенной Юргеном Хабермасом концепции делиберативной демократии. В рамках реализации этой концепции необходимо максимально широкое вовлечение общественных организаций, представляющих различные социальные группы, в процесс обсуждения, создания и отбора социально значимых проектов. Особые перспективы для воплощения делиберативной демократии на практике создают возможности сети Интернет.

Директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности, доцент кафедры адвокатуры МГИМО (Университета) МИД РФ, кандидат юридических наук В.А. Энтин в своем выступлении обратил внимание на необходимость правового оформления достижений четвертой промышленной революции как на национальном, так и на международном уровне. Особо важно, согласно положениям доклада, учитывать специфику электронных сетей, создающих феномен нелокальности права. В ситуации невозможности применения традиционных инструментов принуждения государство должно выработать новые методы ответа на опасности цифрового пространства, из которых докладчик выделил проблему двойного отчуждения личности (от правоприменения и от результатов своего труда).

Доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП В.А. Ковалев представил взгляд на современный кризис в системе международных отношений, согласно которому онтологической причиной кризиса является либеральное понимание суверенитета как отсутствия внешнего вмешательства, восходящее к работам Томаса Гоббса. Согласно положениям докладчика, выход из кризиса возможен за счет перехода к республиканской (неоримской) парадигме, в которой свобода понимается как статусное состояние, а формулирование общих правил не нарушает свободы отдельных акторов. Перформативность, свойственная правовым высказываниям, призвана обеспечить реализацию этой программы через перестройку ценностных ориентиров.

Подводя итоги заседания, его модераторы особо выделили тот факт, что терминами, задающими современный научный дискурс, становятся три цивилизационно-культурных мегатренда — развитие цифрового права и экономики на основе мировой информационной сети Интернет и вызванные этим процессом изменения в области структурирования и функционирования экономико-правовых систем; проблемы выстраивания архитектуры международных отношений и международного права в постбиополярном мире; проблема сохранения и развития демократических основ нашего общества в контексте современной культуры. Показательным было стремление авторов найти решение проблемы ограниченности ресурсов в условиях растущего потребления через солидаристские модели государственно-правового сотрудничества, в том числе и через переосмысление юридического наполнения термина «справедливость», а также проблемы взаимодействия масс и элит в контексте «великой популистской революции» в современной экономико-правовой политике.